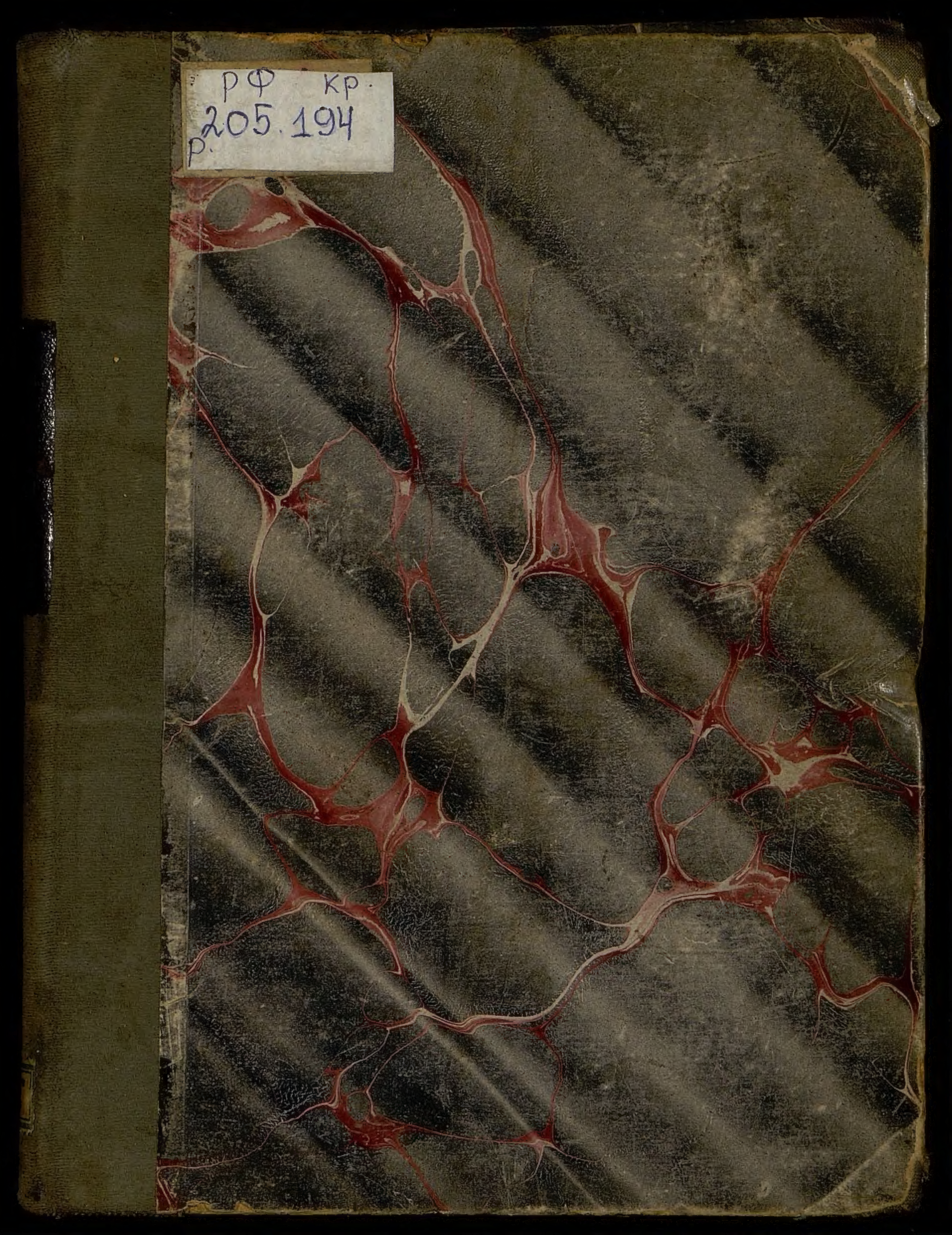

РФ кр.
р. 205.194

91(087)(47.9)

Василій Немировичъ-Данченко.

В ПАМЯТЬ ЖЕНЫ
... КОФМАН.
ПОЖЕРТВОВАНЬ
С. Е. КОФМАНОМ
библиотеке еврейской
общины г. Ростова н-Д.

ВЪ МОРѢ.

(Очерки и впечатлѣнія изъ поѣздокъ по низовьямъ Волги и по Каспію).

1. Низовья Волги. 2. Калмыцкіе монастыри. 3. Чечня. 4. Дербентъ. 5. Каспій. 6. Баку. 7. Нефтяное царство. 8. Балаханы и Сабунчи. 9. Кавказскія ночи. 10. Абхазское поморье. 11. Пицунда.

МОСКВА.
Изданіе Д. П. Ефимова.
1897.

Проверено
1937—38 г.

Типо-Литографія И. Е. Ермакова. Пятницкая улица, собствен. домъ.

В ПАМЯТЬ ЖЕНЫ
Л. Н. КОФМАН.
ПОЖЕРТВОВАНО
С. Е. КОФМАНОМ
библиотека еврейской
общины

I.

Въ низовьяхъ Волги.

Въ нынѣшнее лѣто и осень я сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по Каспійскому морю, заглядывая въ такіе его уголки, куда почему-то нашего брата, туриста, и калачемъ не заманишь. Чечня, Петровскъ, Ленкоранъ, Дербентъ большинству русскихъ, право, менѣе извѣстны, чѣмъ берега Алжира или окрестности Неаполя. Это тѣмъ необъяснимѣе, что по всему Каспійскому морю плаваютъ удобные пароходы „Кавказа и Меркурія" съ хорошими каютами, отличными буфетами, обязательными „капитанами" и даже нѣкоторые съ ваннами—не послѣднее дѣло въ лѣтнюю жару, когда термометръ начинаетъ показывать „за тридцать и выше".

Въ первый мой отъѣздъ изъ Астрахани я засталъ на пристани маленькую этнографическую выставку — иначе не знаю какъ и назвать эту разноплеменную и разноязычную толпу, галдѣвшую на берегу и на палубѣ небольшого парохода „Купецъ", который за болѣзнью „Кавоса", чинившагося въ докахъ, исполнялъ его должность, т. е. обязанъ былъ по волжскимъ мелководьямъ доставить насъ до „девяти футъ", гдѣ останавливаются на взморьѣ большія морскія суда, слишкомъ глубоко сидящія въ водѣ. Калмыцкіе гелюнги въ красныхъ и желтыхъ халатахъ и шапкахъ изъ лисьяго мѣха; персы, обгорѣлые, какъ головешки, съ своимъ гортаннымъ говоромъ, способнымъ подобно густымъ нотамъ контрабаса

покрыть весь оркестръ языковъ человѣческихъ; умные и разсчетливые армяне—эти мирные завоеватели нашего востока; ободранные горцы, являвшіеся въ Астрахань изъ Чечни искать работы и возвращавшіеся назадъ еще болѣе голодными; рослые, могуче сложенные, широкоплечіе и стройные текинцы съ гордымъ орлинымъ взглядомъ и тою увлекательною непринужденностью движеній, которая въ такой высокой степени свойственна свободнымъ рыцарямъ пустыни; медлительные и апатичные бухарцы и хивинцы, въ халатахъ пестрѣе купеческаго одѣяла, съ крючковатыми носами и толстыми чувственными губами, мѣшались въ одну толчею съ юркими астраханскими мѣщанами, босоногими здѣшними „золоторотцами", облизанными и одѣтыми съ иголочки нѣмцами, пробиравшимися на Кавказъ присматриваться, нельзя ли присосѣдиться тамъ къ какому-нибудь дѣлу, чтобы потомъ langsam, langsam und ganz gemüthlich прибрать его къ рукамъ. Тутъ же вертѣлись невѣдомо какъ добравшіеся до Каспія (по крайней мѣрѣ они сами не давали себѣ объ этомъ яснаго отчета) три француза-путешественника, вплоть до Дербента потомъ просвиставшіе всѣ существующія въ ихъ репертуарѣ аріи изъ популярныхъ оперетокъ и только разъ внесшіе въ свою записную книжку единственное сдѣланное ими наблюденіе о томъ, что „кочергинское дербентское вино нисколько не уступаетъ лучшимъ сортамъ бордосскаго". Не обошлось безъ интендантскаго чиновника, рисовавшагося, несмотря на жару, громадной шашкою и шпорами съ малиновымъ звономъ, и даже безъ питерскаго чиновника съ такимъ желтымъ и брезгливымъ лицомъ, точно ему на весь міръ наплевать, лишь бы двадцатаго числа аккуратно получить свое жалованье. Астрахань мало-по-малу отодвигалась. Стройная масса ея домовъ съ кремлемъ, соборомъ и церквами скучивалась, пароходы и суда заходили одни за другіе, пока все это не почудилось какимъ-то смутнымъ маревомъ. Солнце жгло;

даже отъ движенія парохода было не легче: зноемъ охватывалъ насъ раскалившійся воздухъ. Толстый бухарецъ жмурился, точно котъ на печкѣ; мы попробовали-было поискать спасенія въ каютѣ, но тамъ было душно. „Погодите!—утѣшали меня,—въ морѣ свѣжимъ зюйдъ-вестомъ повѣетъ“,—но до моря было еще четыре часа. Волга казалась совсѣмъ недвижной. Больно было смотрѣть въ ея горѣвшее ослѣпительными бликами зеркало... Берега сдвигались; рѣка разбивается здѣсь на тысячи рукавовъ, и, плывя впередъ, мы часто видѣли за понизями и песчаными буграми направо и налѣво мачты судовъ, идущихъ другими руслами. Зеленою щетиной стоялъ камышъ. Порою подымалась стаями всякая дичь, но, не осиливъ зноя, падала опять въ приволья и заросли безлюдныхъ отмелей. Села на бугры всползли, большія, но странно построенныя. Дома точно въ плетневыя, забитыя землею, корзинки поставлены, чтобы не снесло водопольемъ. Лѣсъ дорогъ, камышъ ни по чемъ, потому избы крошечныя, а шалаши—на каждомъ шагу. Безмолвіе и безлюдье въ пустынныхъ прибережьяхъ только кажущіяся. Въ молчаливыхъ воложкахъ, заросшихъ чаканомъ, въ этихъ лабиринтахъ, куда войдти можно, а выползти оттуда трудно, лѣтомъ хоронятся, ловятъ рыбу „вольные люди“, своего рода „бѣглые въ Новороссіи“, описанные когда-то Г. П. Данилевскимъ. Они же снабжаютъ „промысла“ дешевыми работниками, конкуррируя въ этомъ отношеніи съ несчастными калмыцкими байгушами, своеобразная „дубинушка“ которыхъ охватываетъ васъ на Волгѣ невыразимымъ отчаяніемъ. Вотъ уже именно „пѣсня, подобная стону“. Ихъ тѣла, точно вылитыя изъ темной бронзы, копошатся по горло въ водѣ близъ „становищъ“. Они тянутъ сѣти, словно прорѣзывая воздухъ продолжительными страдальческими воплями. Чудится, что въ этихъ послѣднихъ цѣлыя тысячи загнанныхъ и замученныхъ людей бьются въ агоніи, ни съ чѣмъ несравнимой. Кал-

мыка берутъ охотнѣе, чѣмъ „паспортнаго“ русскаго. Во-первыхъ, байгушъ работаетъ, какъ машина, безъ устали, получаетъ денегъ гораздо меньше нашего рыболова, а во-вторыхъ, чѣмъ его ни корми, онъ всѣмъ доволенъ и никогда не капризничаетъ. Зато на свѣжаго человѣка „калмыцкая дубинушка“ дѣйствуетъ ужасно. Съ нами на пароходѣ ѣхала въ Баку какая-то барыня. Слушала, слушала и дослушалась до истерики! Изрѣдка попадаются на пути промысловыя суда и лодки. Онѝ точно замерли въ водѣ, отразясь въ ней каждою своей снастью, каждою бортовою планкой. Вонъ на одной изъ нихъ въ красномъ кумачѣ, вся подъ солнцемъ, словно горитъ какая-то баба,—и въ Волгѣ будто маковъ цвѣтъ вспыхнулъ. Какъ эта идиллическая знойная астраханская окраина непохожа на такія же бойкія промысловыя урочища далекаго сѣвера. Тамъ бы надъ нами орали тучи чаекъ, по бухтамъ сотнями ползали бы карбасы, спѣша на ловъ и возвращаясь съ него, на берегу горланила бы развеселая толпа покрученниковъ, словно не вѣсть чему обрадовавшихся Божьему солнцу да теплу, когда рыбка ловится добычливѣе. Пѣсни бы неслись оттуда во весь этотъ просторъ, и самъ океанъ величаво катилъ бы все впередъ и впередъ безъ конца и безъ края свои неугомонныя волны. Должно быть, на прикаспійскомъ знοѣ работается труднѣе, чѣмъ тамъ. Зато на устьяхъ Волги, гдѣ уже подымутся карагачи да тополи—мѣры имъ нѣтъ. Правда, пропитанные солью, песчаные берега рѣдко, рѣдко улыбнутся вамъ такими садами,—чаще однообразный зеленый чаканъ на десятки верстъ тянется или пустынныя отмели, холмы, горящіе золотомъ подъ солнцемъ. Изрѣдка къ нимъ „неводняки“ пристали, челноки на самый берегъ вытащили и килемъ вверхъ опрокинули. Жжетъ ихъ теперь, смола насквозь проступаетъ—потѣетъ лодка, а подъ нею въ свою очередь потѣютъ спасающіеся отъ пекла промышленники. И дѣлать-то имъ что-

нибудь трудно, и сонъ не беретъ. Самая томительная пора. А тамъ опять камыши и камыши. Мы скоро познакомились съ прелестями этого камышеваго царства Столь страстно ожидаемый вѣтерокъ повѣялъ въ воздухѣ. Пахнуло бодрящимъ и освѣжающимъ дыханіемъ моря, и только-что мы выбрались на рубку, отойти отъ истомившаго насъ жара, какъ вдали, надъ самою водой, тамъ, гдѣ берега сходились все ближе и ближе, показались точно дымки или клочки сѣроватаго тумана.—Что это?—спрашиваю я.—Скоро узнаете, — улыбается капитанъ. — Вѣдь не мгла же?—„Нѣтъ, мгла бы—ничего, это нашъ комаръ ждетъ корму... И дѣйствительно дождался! Я до сихъ поръ съ ужасомъ вспоминаю объ этихъ двухъ часахъ скитальчества по низовьямъ Волги. Мы бросались во всѣ углы, прятались въ каюты, обливались водою, закрывались одѣялами и пледами — но комаровъ не стѣсняло ничто. Тучей они облѣпили и окутали пароходъ. Не было ткани, которой они бы ни пронизывали. „Это—какіе-то летучіе крокодилы!“ въ бѣшенствѣ восклицали французы-путешественники. Только красные и желтые гелюнги, да точно непроницаемою корой покрытые татары были неуязвимы. Короче, когда мы выбрались на взморье,—наши лица обратились въ подушки... Любезный и предупредительный агентъ „Кавказа и Меркурія“, г. Миллеръ, бывшій съ нами на „Купцѣ“, успокаивалъ насъ тѣмъ, что это еще ничего, что бываетъ и хуже... Часто комары такимъ образомъ одолѣваютъ уже подъ самой Астраханью и провожаютъ васъ до Каспія. Въ сильную жару они сидятъ въ камышахъ, и намъ доставилъ неожиданное удовольствіе именно свѣжій вѣтерокъ,—этотъ коварный другъ, котораго мы такъ радостно привѣтствовали.

Любопытные типы попадаются среди самыхъ неинтересныхъ профессій. Возьмите, напримѣръ, г. Миллера, о которомъ я говорилъ только-что. Чего не видѣлъ и не испыталъ онъ, прежде чѣмъ успокоился въ своемъ „пло-

вучемъ“ и вѣчно колыхающемся домѣ на „девяти футахъ“ посреди Каспія. Не было, кажется, страны на свѣтѣ, которую онъ не исходилъ бы и не изъѣздилъ. Онъ пѣшкомъ обошелъ Австралію, до Севастопольской кампаніи командовалъ громадными корветами Бранта, большими морскими судами Савина, ходившими въ Китай, огибалъ не разъ Африку и Америку. Это—человѣкъ, точно весь выкованный изъ желѣза. Годы прошли надъ нимъ, только посеребривъ его голову и бороду. Глаза такъ же зорки, такъ же сильны мускулы, неутомимы ноги. Это полный представитель, увы, уже исчезающихъ моряковъ стараго добраго времени, — моряковъ парусннаго флота, передъ которымъ нынѣшніе являются довольно-таки жалкими карлами. „Нѣтъ, нѣтъ прежнихъ моряковъ, — разсказывалъ Миллеръ. Въ мое время въ Финляндіи были какіе матросы, — англійскіе пасовали передъ ними. Думалъ я, что ихъ еще можно найти,—выписалъ лучшихъ съ финскаго и ботническаго береговъ и отослалъ назадъ... Никуда не годятся. Точно выродились. Въ сороковыхъ годахъ каждый тамошній лихтъ-матросъ могъ командовать судномъ дальняго плаванія; они не только были выносливы, но и замѣчательно умны и знающи. Я даже скажу больше, —они учились много!.. Еще на нашемъ военномъ флотѣ есть хорошіе командиры, встрѣчаются послѣдніе образчики этого типа, но въ коммерческомъ ихъ уже нѣтъ... Да, впрочемъ, гдѣ же нашъ коммерческій флотъ!“

Чѣмъ ближе къ Каспію, тѣмъ больше птичьяго гама и стрекоту. Окрестности оживляются, больше судовъ идетъ навстрѣчу, чаще промысловыя ватаги. Вотъ на берегу какой-то накатъ, видимо отъ напора льду—валъ образовало. За валомъ кровли избъ, ближе—массы столбиковъ, на нихъ невода сушатся... Собаки бродятъ десятками. Пронзительный лай одной изъ нихъ даже сюда доносится и дразнитъ ухо...

— Маячки село! Чудесно здѣсь рыбка ловится. Хозяева живутъ исправно. И дѣйствительно — крыши тесовыя и избы понаряднѣе тѣхъ, что мы оставляли за собою.

— Долго-ли еще до Бирючьей косы?

— Всего отъ Астрахани восемьдесятъ четыре версты считается.

— Только вы нашему счету не вѣрьте, вмѣшивается здоровенная бабенка. Щеки точно яблоки—поди и твердыя такія-же. Ядреная вся, румяная.

— Отчего не вѣрить?

— Да у насъ кто мѣрялъ-то? Мѣрялъ Тихонъ да Тарасъ, у нихъ цѣпь оборвалась. Тихонъ говоритъ: давай свяжемъ, а Тарасъ — и такъ скажемъ. Восемьдесятъ, такъ восемьдесятъ...

— Ишь овцы-то сигаютъ? показываетъ другая на берегъ, столь далекій, что я и его едва различаю, какъ желтую полоску, которая то уйдетъ изъ глазъ, то снова мерещится на окраинѣ широкой разлившейся здѣсь Волги.

— Гдѣ овцы?

— А вонъ!

— Неужели ты видишь?

— Звянить (извините), глянь-кя сюда!

Даже и въ бинокль смутно различаю на берегу какое-то сѣрое, медленно движущееся пятно. Удивительно, какъ этотъ громадный просторъ изощряетъ глазъ. Намъ даже непонятна такая зоркость. Городскіе жители, горизонтъ которыхъ постоянно стѣсненъ стѣнами комнатъ или рядами домовъ, не повѣрятъ, напримѣръ, тому, что разъ лоцманъ камскаго парохода указалъ мнѣ приближающійся пароходъ и назвалъ его даже тамъ, гдѣ я видѣлъ только синюю, прозрачную, заманчивую даль рѣки и голубую полоску ничего не обѣщающаго горизонта.

— Калмыцкое стадо?

— Не... русскій одинъ. Худобы (имущества) у няво страсть!.. Богатѣй первый по всей округѣ...

А Волга все шире и шире... Одинъ берегъ, именно правый, даже изъ-подъ глазъ ушелъ уже. Плывешь впередъ и не знаешь — море ли кругомъ, или еще великая наша кормилица-рѣка разстилается передъ тобою. Несмотря на пекло, въ каюту уходить не хочется совсѣмъ. Очень ужъ просторъ этотъ обаятеленъ, глубже дышишь, точно и грудь ширится подъ впечатлѣніемъ этой безграничности... И вѣдь однообразіе какое. Голубое небо, вода голубая, какъ оно, да тонкая полоска берега — ничего больше, а глаза все чего-то ищутъ, все пытаютъ эти дали... Облако ли отразится жемчужное въ зеркальномъ разливѣ, птица ли, серебряной искрой рѣющая въ недосягаемой вышинѣ, той же искрой серебряной и въ недосягаемой глубинѣ меледится — слѣдишь за ними, пока пароходъ не уйдетъ, тяжело пыхтя и медленно влача за собою нашу баржу...

Начинаетъ опять насъ покачивать.

— Море? добивается помѣстившійся съ нами „батюшка до сихъ поръ въ ожиданіи „морской болѣзни" кушавшій лимоны. Сейчасъ, други мои, качка начнется. Надлежитъ пріуготовиться заблаговременно.

— Какъ же вы пріуготовитесь?

— Ловецъ тутъ одинъ съ нами ѣдетъ: совѣтуетъ трижды плюнуть въ воду и перетянуть затѣмъ животъ поясомъ елико возможно, лечь на спину и пребывать такъ—въ безмолвіи.

— Самое лучшее—бросьте, не думайте.

— Какъ бросить, помилуйте! Я помню, какъ еще во іереи посвященъ не былъ, въ чинѣ діакона священнодѣйствовалъ, привелось мнѣ по Черному морю. Такой эпитеміи пожалуй и преосвященному не выдумать.

— Трепало?

— Помирать собирался!..

— Ну, теперь погода тихая.

— Тихая-тихая, а вдругъ по грѣхамъ нашимъ буря подымется—что тогда?

— Барометръ спокоенъ.

— Съ вами и бесѣдовать-то досадно. Барометръ! Что въ немъ? У насъ іерей былъ, изъ ученыхъ, семинарію всю прошелъ, такъ тотъ и трубу завелъ для планетъ небесныхъ, а все-таки въ проруби утонулъ! А вы тоже — барометръ!

И батюшка отправился къ борту, вѣроятно, трижды совершивъ плюновеніе...

Посреди движущагося простора, на которомъ кое-гдѣ уже змѣятся подозрительные извивы бѣлой пѣны, — эти первые вѣстники ожидающей насъ далѣе качки, — чуть колышется конторка на мертвомъ якорѣ. Сюда пароходы высаживаютъ пассажировъ, отправляющихся на Бирючью косу, куда они добираются уже въ лодкахъ. Вонъ за этой пловучей пристанью мерещится золотымъ отливомъ пустыня... Желтые сыпучіе пески—кругомъ. Ноги тонутъ въ ихъ зыбкой массѣ. Гдѣ робко поднялась жалкая былинка,—разомъ ее высушило солнце, и стоитъ она до перваго порыва вѣтра, отъ котораго пылью разсыплется на знойную почву... Только однѣмъ ящерицамъ приволье. По одну сторону—голубая рѣка, по другую голубое море; кое-гдѣ они сдвигаются шаговъ на сорокъ, и съ этого песчанаго вала такъ величавъ кажется полувоздушный, въ неоглядную даль раскинувшійся Каспій. Бѣлая чайка порою заплачетъ надъ этою лазурною пустыней, да орелъ-рыболовъ отзовется ей изъ недосягаемой выси своимъ хриплымъ клекотомъ, и опять тишина, такая зловѣщая, такая гнетущая, что даже въ жалкомъ поселкѣ никто не смѣетъ нарушить ее, кромѣ волнъ, мѣрно и медленно набѣгающихъ на золотыя отмели. Пролетитъ порою саранча—точно вѣтеръ сухо зашелеститъ бумагой, и опять все смолкнетъ...

II.

Бирючья коса.

На Бирючьей косѣ—я былъ давно, но, судя по разсказамъ — она мало въ чемъ измѣнилась. Впечатлѣнія тѣ— еще въявь стоятъ передо мною, точно сегодня я все это вижу передъ собою...

Ярко горятъ желтыя, страстныя звѣзды. Сумракъ и прохлада. Мимо лѣниво ползутъ шкуны, пользуясь попутнымъ вѣтромъ. Огоньки на нихъ. Около огней выдѣляются изъ тьмы, озаренныя багровыми отблесками, бородатыя лица. Какой-то пароходъ, тяжело пыхтя, перебѣжалъ намъ дорогу, другой было въ догонку за нами пустился, выбрасывая изъ трубы широкую полоску искръ, — да силенки не хватило, отсталъ. Впереди далеко, далеко, точно кометы съ золотистыми хвостами на морскомъ просторѣ. Пароходы оказываются тоже. Дали словно раздвинулись; мечтательно испытуетъ взглядъ таинственную синеву, и нѣтъ ему предѣла, и бродитъ онъ то впереди, то по сторонамъ, любуясь этой красой заманчивой... Такъ бы и ушелъ съ палубы парохода въ прохладное царство лазурной ночи...

Что это?.. Словно зарево впереди... На самомъ краю моря — красное пожарище, оно и на волны легло багровыми бликами... Все гуще и крупнѣе эти отблески, вотъ уже полосою протянулись къ пароходу, когда зарево выдѣлилось громаднымъ дискомъ. Все выше и выше выступаетъ надъ моремъ этотъ мѣсяцъ, точно тамъ въ дали недосягаемой кто-то таинственный поднимаетъ мѣдный щитъ свой... На красномъ кругѣ — пароходъ точно вырѣзался. Какъ разъ между нами и мѣсяцемъ пришелся каждою своею мачтой... Скоро—луна всплыла надъ нами, потерявъ свои зловѣщіе тоны... Голубое сіянье щедро

льется на тихій Каспій и безчисленными серебристыми сѣтями разстилается на его недвижимомъ просторѣ...

Направо—смутныя очертанія. То мигнетъ оттуда огонекъ, то погаснетъ, точно кто-то раскрываетъ и вновь смежаетъ вѣки. Какая-то темная полоса,—а за нею еще другая... Вотъ и новый огонекъ робко затеплился... третій, четвертый.

Оказалась баржа на мертвомъ якорѣ.

— Это наша конторка. Сюда пристаетъ пароходъ. А отъ конторки на Бирючью косу приходится ужъ на лодкѣ добираться. Вотъ и она самая — коса наша. Видите, гдѣ огоньки.

Огоньки эти точно на самомъ морѣ вспыхивали и гасли.

Пароходъ присталъ.

Вещи были вынесены. Кто-то взялъ ихъ, какая-то баба толкнула въ лодку меня, въ догонку за мной полетѣли узлы, сакъ-вояжи, чемоданы.

— Ну, съ Богомъ!

Оглядѣвшись, я замѣтилъ, что со мною здѣсь человѣкъ десять ѣдетъ.

— Вы всѣ на Бирючью косу?

— Да, мы здѣшніе жители... Посередь моря спасаемся.

— Будто бы монахи.

— Хороши монахи! протестуетъ кто-то. Въ темнотѣ я и не различаю его.

— Чѣмъ не монахи—пустынножительство...

— Съ бабами-то?.. Хороша пустынь!

— Отыми у насъ бабъ — въ петлю отъ тоски полѣзть приведется.

— На Бирючьей баба большой человѣкъ. Мужа она держитъ въ струнѣ. Онъ у нея по командѣ ходитъ. Бабы у насъ крупныя, ядреныя. Съ ней и тремъ ловцамъ не справиться. Только въ послѣднее время портиться начали.

— Да карналины эти завели... Тоже танцовать выучились. Кадриль, польки—все могутъ.

— Вы не смотрите, что она за простымъ ловцомъ замужемъ. Есть и такія, что шляпку съ птицей носятъ.

Хорошо... прохладно... Послѣ этого богатаго впечатлѣніями дня такъ и клонитъ ко сну. Переѣзду съ часъ, я и прилегъ на чей-то узелъ... Проснулся уже, какъ лодка остановилась. Всталъ было.

— Постойте, постойте!

— Да вѣдь пріѣхали.

— Нужно еще телѣги подождать. Видите-ли, лодка за семьдесятъ саженъ отъ берега останавливается. Тутъ мелководье...

Скрипя немазанными колесами, во тьмѣ медленно подъѣхала къ намъ съ берега телѣга, и мы, разсѣвшись на нее, торжественно совершили остальную часть морского плаванія. Лошади бойко ступали въ воду, обдавая каждый разъ массою брызгъ и насъ и нашу рухлядь.

— Совѣтую вамъ вплоть до дому на телѣгѣ прокатиться. Тутъ песокъ. Идти трудно.

Въ темнотѣ большая факторія г. фонъ-Бремзена *) кажется еще громаднѣе. Только забравшись въ безукоризненно чистую постель, я оцѣнилъ всѣ преимущества комфорта и цивилизаціи въ столь дикихъ мѣстахъ, какъ Бирючья коса.

---

*) Существуетъ ли она теперь? Увы, знаніе и предпріимчивость въ Россіи не являются капиталомъ. Я слышалъ, что за послѣдніе 12 лѣтъ— много воды утекло въ этомъ отношеніи.

III.

Пустыня, спаленная небомъ.—Чумныя могилы.— Огненный змій.

Точно небо въ неутолимомъ гнѣвѣ своемъ спалило эту пустыню.

Желтые пески, сыпучіе... глубоко уходятъ ноги въ ихъ зыбкую массу... Гдѣ клочки земли, тамъ она сожжена. Былинки - стоятъ высушенныя, точно для гербарія, первый вѣтерокъ—и онѣ пылью разсыплются на знойную, потрескавшуюся почву. Сѣрыя ящерицы скользятъ повсюду, на-бѣгу окидывая васъ робкимъ взглядомъ изумрудныхъ глазъ. Чуть вы ступили—изъ-подъ ногъ такъ и бросятся въ разныя стороны эти отшельники Бирючьей косы до перваго холмика, куда можно имъ зарыться въ горячую и разсыпчатую массу. Другія рядомъ бѣгутъ съ вами, съ такою быстротою змѣясь во всѣ стороны гибкимъ тѣломъ, что вамъ трудно и распознать ихъ очертанія. Даже шорохъ стоитъ здѣсь отъ этихъ сѣрыхъ ящерицъ.

Налѣво—голубая рѣка, направо—голубое море. Посрединѣ узкая коса. На ея оконечности десятка два деревянныхъ домовъ и большая факторія Бремзена... На улицѣ никого. Даже собаки спрятались и лѣниво, чуть-чуть полуоткрывая глаза, провожаютъ насъ недоумѣвающимъ взглядомъ. „И чего-де вы шатаетесь въ такую жару!“ На кровлѣ одной избы—пара котовъ прямо подъ солнцемъ. Хорошо спится имъ въ этотъ зной... Даже въ окнахъ лица не видать.

— Да у васъ дѣти-то есть здѣсь?

— И много.

— Гдѣ же они? Неужели по домамъ сидятъ?

— Нѣтъ—вонъ.

Въ голубыхъ струяхъ рѣки, дѣйствительно, плескалась цѣлая орава мальчишекъ. Весело, бойко... Оттуда и смѣхъ звучалъ, и крики доносились, а надъ ними также весело и рѣзво гонялись сотни ласточекъ, бойко чирикая на весь этотъ просторъ.

Вышли изъ поселка—опять спаленная земля, желтые, зыбучіе пески. Опять тысячи сѣрыхъ ящерицъ. Жукъ скарабей катитъ передъ собой какой-то черный шарикъ. Коса суживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ что рѣку отъ моря отдѣляетъ саженъ десять—двѣнадцать песчанаго вала. Невольно засмотришься налѣво, на этотъ праздничный голубой просторъ. Каспій пока недвиженъ, только у берега чуть колышутся его прозрачныя воды. Даль-то, даль какая! и все это—и тамъ чуть не у горизонта, и здѣсь надъ вами, и по сторонамъ—ослѣпительно сверкаетъ. Больно глазамъ, а оторваться отъ морской красы этой силы нѣтъ. Ослѣпъ бы, да смотрѣлъ. Бѣлая чайка печально, словно рыдая, оретъ на всю эту лазурную пустыню. Точно комочекъ расплавленнаго серебра—вьется она въ воздухѣ... А еще выше—въ другой безпредѣльной синевѣ, сегодня безоблачной и безмятежной, черною точкой повисъ орелъ-рыболовъ и зорко высматриваетъ оттуда добычу. Очень далеко—на самомъ краю Каспія мерещится что-то.

— Это суда стоятъ, которыя не могутъ въ Волгу входить. Тамъ ихъ—сотни.

То покажется, то опять пропадетъ.

Вотъ съ моря потянуло вѣтромъ... Тихо, тихо... По песку зашелестилъ вѣтеръ, чуть-чуть всколыхнулъ сонную воду, и давай она лѣниво плескаться въ отмелый берегъ... Точно кто-то шопотомъ разсказываетъ старую сказку...

По желтому песку кучки перьевъ разсыпаны.

— Ишь, коршуны подлые... Сколько они здѣсь гусей дерутъ—страсть!

Вѣтеръ слегка шевелитъ эти перья, подхватываетъ ихъ и гонитъ дальше...

Вонъ какіе-то песчаные холмики, и много ихъ здѣсь.

— Чумныя могилы! объяснилъ мнѣ провожатый. Тутъ прежде карантинъ былъ. Пропасть народа умерло чумой—ну ихъ здѣсь и хоронили. Вонъ и остатки вала карантиннаго. Садъ былъ въ карантинѣ прелестный.

— Куда жъ онъ дѣвался? Зелень бы кстати была въ этой песчаной пустынѣ.

— Мудрое древле начальство фруктовыя деревья на топливо извело, а цвѣты уничтожило «за ненадобностью».

Дѣйствительно—мудрое!

— Тутъ по поводу этихъ могилъ пропасть легендъ ходитъ.

— Не помните ли хоть одной?

— Въ темныя зимнія ночи, когда буря на морѣ да шурганъ по степи шумитъ, всѣ чумные мертвецы встаютъ изъ могилъ своихъ и тучей носятся по Бирючьей косѣ, и рыдаютъ, и жалуются, что схоронены они далеко-далеко отъ милыхъ и дорогихъ людей, отъ своей родины... Бѣда повстрѣчаться съ ними—въ море сбросятъ или захватятъ въ свою тучу и унесутъ. А то песками да снѣгами засыплютъ... Тоже и въ осеннія ночи шумятъ они тутъ, огни надъ могилами вспыхиваютъ, изъ земли выходятъ и надъ огнями этими сидятъ... А то еще распространенъ здѣсь слухъ, что по ночамъ, и лѣтомъ и зимою — все равно, огненный змій летаетъ надъ косой, а подъ утро на чумную могилу падаетъ и уходитъ въ нее... Является къ ловцамъ неизвѣстный ловецъ подъ вечеръ, поитъ ихъ и кормитъ; гулять зоветъ—пойдутъ они, и заводитъ ихъ прямо на чумныя могилы. Ну и пропадаютъ,—ни слуху, ни духу...

Вѣдь и всего-то пядень земли—а цѣлый циклъ легендъ и суевѣрій. Во всякомъ случаѣ, здѣсь этихъ сказокъ го-

раздо больше, чѣмъ земли, на которой совершаются всѣ ихъ таинственныя чары...

— Особенно огненный змѣй этотъ до молодыхъ бабъ повадливъ. Про это тоже разсказываютъ. Въ трубу влетаетъ онъ змѣемъ, а въ горницѣ парнемъ молодымъ перекидывается, ну и мутитъ дѣвичью либо бабью душу, улещаетъ ее, обманомъ беретъ. А подъ утро—опять въ трубу змѣемъ вылетаетъ назадъ. Отъ такихъ любовныхъ похожденій и приплоду нѣтъ, только сохнетъ дѣвка да таетъ, что свѣча... Смотришь, недѣли въ три и сгоритъ совсѣмъ. Это онъ въ ней душу всю сожжетъ за это время...

Тутъ уже тальникъ пошелъ, только болѣзненный, слабый. На берегу рѣки и по мелководью—трава растетъ, бѣловатая, серебристыми искрами подъ солнцемъ сверкаетъ да по теченью клонится. Волны въ берегъ бьютъ—и она берегу кланяется, отхлынутъ отъ берега—и она киваетъ глубинѣ рѣчной. И хороши же эти волны! Тутъ подъ вѣтромъ онѣ разгулялись немного. Подкатится по мелководью къ берегу и вздувается, точно грудью...

Опять зелень пропала. Бурая земля вся въ трещинахъ. Мимо саранча пролетѣла—точно вѣтеръ зашелестилъ бумагой. Вся она гнѣздится по трещинамъ этимъ. Сѣрый коршунъ—на сѣромъ землистомъ холмѣ—и не отличишь его. Только когда подошли ближе, разсмотрѣли пернатаго хищника. Медленно поднялся онъ въ воздухѣ и съ недовольнымъ клекотомъ, переводя хвостомъ, какъ рулемъ, полетѣлъ за рѣку... А внизу у мелководья—еще нѣсколько такихъ же разбойниковъ. Даже и вниманія на насъ не обратили эти, хотя за спиной у моего спутника и болталась винтовка.

Вонъ стѣнка камышевая вся солнцемъ освѣщена.

— Это что за плетень?

— Жилье тоже.

Подходимъ—дѣйствительно камышевая хижина. Внутри сидитъ на камнѣ голый мальчуганъ и, пользуясь тѣнью, бойко точитъ на кожѣ крюки бѣлужьи.

— Это кому же?

— А батькѣ.

— Гдѣ онъ?

— На промыслѣ... Вернется—новые крючья будутъ.

— Мать гдѣ-же твоя?

— И она на промыслѣ, и сестра тоже съ ними... Я одинъ остался, потому малъ еще...

На всѣхъ мазанкахъ вообще здѣсь камышевыя кровли. Оттого онѣ и золотятся на солнцѣ. За выселками пропасть камышу—конусами сложено или, какъ здѣсь называютъ, шпшами.

— Подъ этими шпшами—страсть что змѣй хоронится!

— Ядовитыя?

— Есть и ядовитыя, больше ужи. У насъ ихъ дѣти ловятъ и забавляются. Въ карманы кладутъ, за пазуху.

Изгороди тоже изъ камышу. Такъ и сверкаютъ на солнцѣ. Въ тѣни отъ нихъ тоже не мало змѣй хоронится. Ихъ убиваютъ здѣсь и съ болѣе практическою цѣлью. Кожу, снятую съ змѣю, зашиваютъ въ какую-нибудь матерію и носятъ вокругъ шеи, какъ вѣрное средство отъ лихорадки...

Только пройдя версты три по Косѣ, мы наткнулись на небольшую рощицу. Тутъ и мурава свѣжая, и тѣнь, и шелестъ листьевъ. А красота какая! Сидишь въ этой рощицѣ и видишь съ одной стороны море, съ другой недвижный разливъ рѣки. Корова бродитъ около, нѣсколько барановъ—спятъ въ тѣни, а у берега старикъ, ветхій, ветхій, подставилъ спину солнцу и жмурится отъ наслажденія, когда оно его насквозь пропекаетъ своими почти отвѣсными лучами... Поди, и видитъ онъ плохо—а все еще пастухомъ ходитъ за стадомъ. Шалаши какіе-то въ рощѣ. Заглянули туда—на соломѣ безмятежно спитъ ребенокъ. Раскраснѣлся весь, ножки и ручки разбросилъ по сторонамъ и улыбается во снѣ, а рядомъ въ чащѣ тальника задорно свищетъ какая-то мелкая пташка, и по

всему зеленому оазису этому всю ночь звенятъ неугомонныя стрекозы...

Идиллія да и только!..

IV.

Крещеный калмычокъ.—Шолна и его продѣлки.—Микула Селяниновичъ на Каспіи.

— Ты куда, Иванъ? останавливаетъ мой спутникъ колченогаго, но щеголевато одѣтаго калмыченка.

Еще мальчуганъ, а взрослымъ хочетъ казаться. Топорщится, пыжится... У самого въ карманахъ шуршатъ только что изловленныя ящерицы, глаза такъ и прыщутъ смѣхомъ, а тоже умѣряетъ шагъ, степенство на себя напускаетъ, даже руки назадъ заложилъ.

— Это откуда калмыкъ? спрашиваю я.

— Я не калмыкъ! обидчиво огрызается мальчуганъ.

— Какъ не калмыкъ?

— Я русскій!

— Онъ крещеный.

— Да все же калмыкъ вѣдь.

— Вонъ калмыки! съ пренебреженіемъ указалъ мальчуга толпу оборванцевъ, подъ пекломъ перебиравшихъ веслами на большой узкой лодкѣ, какъ стрѣла летѣвшей по голубому простору моря.

— Это калмыки, а меня купецъ въ дѣти взялъ!

Разумѣется, я ничего не понялъ. Уже потомъ мнѣ объяснили, что крестящихся калмыковъ принимаютъ въ семью, какъ дѣтей, русскіе; эти пріемыши пользуются всѣми правами законныхъ наслѣдниковъ—имущественными и личными. Некрещенные калмыки относятся къ нимъ очень хорошо, съ видимымъ уваженіемъ.

— Это почти русскій! говорятъ они, указывая подобострастно на какого-нибудь мальчугана, вродѣ встрѣченнаго нами.

Заговоритъ съ ними такой „почти русскій“—калмыкъ считаетъ это величайшимъ вниманіемъ съ его стороны и отвѣчаетъ, опустивъ глаза въ землю. Впрочемъ, такого счастья рѣдко ему удается добиться. Дѣло въ томъ, что крещеные калмыки относятся къ язычникамъ, какъ къ собакамъ. Они ихъ и за людей не считаютъ.

— Этотъ самый крещеный калмыченокъ, сообщали мнѣ потомъ объ встрѣченномъ экземплярѣ, не вышелъ къ своей сестрѣ, когда она пришла къ нему, только потому, что онъ русскій, и прогналъ ее. Я, говоритъ, теперь не считаю ее родной. Я сынъ купца, а она что?— простая калмычка!

— Изъ „орды“ вы! упрекаютъ крещеные калмыки некрещеныхъ.

Русскіе къ калмыкамъ относятся гораздо лучше, чѣмъ эти. Калмыкъ, принимая христіанство, женится на русской. Это тоже не послѣдній поводъ къ гордости. Какъ мы выше замѣтили, ни одна русская не согласится не только выйти замужъ за калмыка-язычника (легально этого и сдѣлать нельзя), но даже сойтись съ нимъ такъ, по простотѣ, какъ это часто практикуется по отношенію къ своимъ парнямъ.

Крещеный калмыкъ разъ навсегда разрываетъ связи свои съ прошлымъ. Мать ему—не мать, мимо отца онъ проходитъ равнодушно, не узнаетъ его; братья и сестры—для него „орда проклятая“. Онъ ихъ еще больше ненавидитъ, потому что они имѣютъ какія-то фиктивныя права на него. На языкѣ у него есть для нихъ только одно слово: „собака поганая“...

Становилось все жарче и жарче. Лазурь морской дали, ослѣпляла глаза. Она вся искрилась, точно это море было неизмѣримою массою голубыхъ, лучистыхъ искръ... По

дорогѣ, на припекѣ, словно золотые свертки, комочками грѣлись ужи. На насъ они и не обращали вниманія. Развѣ ужъ слишкомъ осторожныя отползали въ сторону, обращая къ намъ свою безвредную пасть. Даже не зашипѣла ни одна! На Бирючьей косѣ змѣями играютъ мальчишки. Они стравливаютъ ихъ съ ящерицами, держатъ у себя въ карманахъ, а одинъ изъ сыновей фонъ-Бремзена, умный и бойкій мальчикъ, даже за пазухою хранилъ своихъ любимцевъ. Даль—по косѣ все пустыннѣе и пустыннѣе.

— Теперь по рукаву этому плыви—все луговины да песчаныя понизи. Рѣдко на берегу—пустынная ватага. Чаще кибитка калмыцкая встрѣтится или шалашъ. И опять безлюдье!.. Потому тутъ мѣста такія пошли степныя, привольныя... Развѣ гдѣ горбина бурая, либо холмъ поднимется, ну тамъ часто и цацу калмыцкую увидите.

— Какую цацу?

— Цаца—это по ихнему храмъ... На холмахъ, видите ли, шолна (чортъ) пакоститъ... Ну, такъ они защищаютъ себя отъ него капищами. Тутъ, въ окрестностяхъ самая лучшая цаца у бахши Баалдыра, въ ихнемъ монастырѣ.

— Какой монастырь?

— Вы не думайте, чтобы вродѣ нашихъ. Просто по зеленой понизи—кибитокъ двѣнадцать стоитъ, а въ тѣхъ кибиткахъ монахи ихніе, гелюнги, безъ бабъ спасаются... Вотъ и обитель ихняя вся тутъ.

— Ихняя шолна поганая и къ намъ забирается, не гляди что православные, жаловались промышленники на калмыцкаго чорта.

— Обижаетъ шолна, это точно... Сегодня лужокъ тутъ, гаково ли весело муравка пробивается, кустикъ стоитъ, пташка въ немъ свищетъ всякая, а завтра—съ вѣтромъ шолна намететъ гору песчаную—и шабашъ,—коровенки выгнать некуда.

— Мы пробовали и кресты ставить.

— Помогло?

— Куда! Ихняя шолна нашей вѣры не знаетъ—чего-жъ ей пужаться. Она и тиранствуетъ. И не отмолишься отъ нея ничѣмъ. А то тоже ручей пробивается гдѣ, скрозь сушину нашу; сегодня играетъ на солнышкѣ, всякому страннику на утѣшеніе, а завтра смотримъ—шолна и его засыпала, потому ей всякая немочь людская за первое удовольствіе.

— Еще и того хуже бываетъ. Идешь одинъ по глади нашей. Изморитъ тебя пекло—а кругомъ все понизь одна. Ни примѣтины—ни отмѣтины. Безъ отдыху идешь. И тутъ она, подлая, издѣвку всякую творитъ, возьметъ да пескомъ тебѣ глаза засыплетъ, а отмыть ихъ негдѣ. Воды—и видомъ не видано. Либо подойдешь къ озеру, вчера самъ пилъ отсюда,—чудесная вода была, а сегодня соль-солью; это все *она* шалитъ. Ну, а какъ поставятъ калмыки цацу свою—и шолна уйдетъ въ земь отъ нея, только по ночамъ, тамъ подъ землей гудётъ да плачется, что нѣтъ ей простора прежняго. У нихъ, вишь, всякая шолна свое мѣсто имѣетъ, поставилъ ты цацу—и некуда ей, окромѣ какъ въ земь уйти.

— А по ночамъ еще хуже отъ шолны бываетъ, вступается въ разговоръ сумрачный и бойкій промышленникъ. Идешь ты по степи домой, на ватагу, либо въ село свое пробираешься. Темь кругомъ—ничего не видно. Думаешь: тамъ вонъ село, а поглядишь—въ сторонѣ огонекъ тебѣ свѣтится, точно изъ окошка. Ну, а пойдешь на огонекъ—и пропалъ! Это шолна огонькомъ перекидывается, это она крещеную душу путаетъ. Либо въ воду тебя заведетъ, либо въ такую трясину, гдѣ окромя звѣря ничего не встрѣтишь...

Подошли къ плоту у самаго моря. Тутъ, подъ навѣсомъ нѣсколько рабочихъ г. фонъ-Бремзена потрошили только что привезенную рыбу.

— Каковъ уловъ Богъ даетъ?

— Ничего. Рыбка рубашкой хороша, только мелка очень. Теперь какой промыселъ! Теперь—безовременье. Ты бы раньше поглядѣлъ, какая тутъ озява была...

А самъ въ это время бойко работаетъ ножемъ. Взрѣзываетъ осетру брюхо, отдираетъ клеевину, потомъ еще разъ взрѣзываетъ, ловко выхватываетъ визигу. Клеевина и визига моментально перебрасывается другому рабочему—прополоскать въ водѣ... Янтарное мясо осетра такъ и золотится подъ солнцемъ.

— Это у насъ королевичъ-рыба.

— А король кто?

— А король—бѣлуга... Та всѣмъ рыбамъ царь. Попадетъ бѣлуга матерая промышленнику—цѣлаго улова одна стоитъ.

— У насъ на бѣлугу и бойцы же есть! Одно слово—охотники.

— Возьми хошь Силантьева. Вонъ онъ.

Смотрю, громадина какая-то передо мною. Силы видимо у него—что у Микулы Селяниновича, богатыря земскаго. Борода лопатой, лицо добродушное, улыбка—дѣтская почти, совсѣмъ ужъ не подстать этому циклопу. Глаза смотрятъ зорко. Руки, что твои весла,—совсѣмъ идеалъ моряка-промышленника. Воображаю, каковъ онъ долженъ быть на дѣлѣ! Тутъ-то и работаютъ эти лопатообразныя лапища.

Про этого Силантьева, между прочимъ, вотъ какія чудеса мнѣ разсказывали. Вздумалъ онъ какъ-то зимою рыбу ловить, пробилъ во льду лунку и спустилъ въ нее крючья. На одинъ изъ крючьевъ громадная бѣлуга попалась. Какъ ее вытащить на ледъ? Самому въ воду лѣзть въ платьѣ—обмокнешь и сухой нитки не останется, а морозъ былъ страшный. Недолго думая и выбивъ два отверстія во льду, онъ раздѣлся, чтобы потомъ платье было сухое. Придумалъ тутъ же на мѣстѣ нѣсколько остроумныхъ приспособленій, чтобы рыбу подвести подъ глав-

ную майну, при чемъ ему привелось голому по поясъ въ водѣ работать, да и не сплошь. А поработаетъ—и выскочитъ на ледъ и давай бѣгать да согрѣваться. Наконецъ удалось ему послѣ нѣсколькихъ часовъ самыхъ напряженныхъ усилій вытащить бѣлугу сквозь главную майну. Одѣлся, нѣчто въ видѣ полозьевъ подъ рыбу придѣлалъ, да и притащилъ такимъ образомъ добычу въ село Житное. Свѣсили бѣлугу—тридцать пудовъ вышло.

Ну, не Микула ли Селяниновичъ воскресъ въ этомъ богатырѣ прикаспійскомъ?

— Что же онъ выручилъ за рыбу?

— А считай—пять пудовъ икры было—двѣсти рублей, въ башкѣ 5 пудовъ—10 рублей, да 20 пудовъ въ самой рыбѣ по 4 р. 50 к. за пудъ—90 р. всего и получилъ отъ хозяина триста рублей. Было изъ-за чего и потрудиться!..

— И не заболѣлъ?

— Что ему дѣлается. Болѣть—это бабье дѣло, а промышленнику некогда!.. Ничего, ему толстому чорту еще и на здоровье.

А „толстый чортъ"—точно и не про него—стоитъ себѣ у берега да въ синь морскую посматриваетъ. Поди, не вѣсть какъ далеко видитъ?.. И ничего ему, что солнце точно калеными стрѣлами пронизываетъ его ничѣмъ непокрытую голову да запекаетъ и безъ того почернѣвшее на жарѣ этой лицо... Видно, что морозъ зимою, что это пекло неистовое лѣтомъ, ему—все единственно. Точно не его—а столбы эти деревянные жаритъ оно. Да и на столбахъ, словно потъ, желтыя капли смолы выступили, а у Микулы Селяниновича совсѣмъ лобъ сухой... Камень да онъ—только и равнодушны къ зною такому.

V.

Знатный перс Делянъ-бегъ. — Брось нѣмца въ воду. — Собаки-рыболовы. — Послѣдняя Каспійская ночь.

Нижній этажъ факторіи г. фонъ-Бремзена весь занятъ конторами его и лавкой. Въ лавкѣ—все, что нужно Бирючьей косѣ. Тутъ и помада, и масло, и мука, и чай, и всякая обувь. Нѣчто въ родѣ описанной мною въ книгѣ „Страна Холода" лавкѣ Паллизена на Мурманѣ. Въ лавкѣ постоянно толпятся рабочіе и промышленники. Большая часть предъявляетъ записки отъ конторы и по нимъ получаетъ товаръ. Вся торговля—въ кредитъ. Прикащикъ—отставной офицеръ, очень неглупый малый. На службѣ ему не повезло. Изъ тѣхъ натуръ, что по шаблону жить не умѣютъ и достоинствомъ своимъ не поступаются. Не угодилъ начальству—вышелъ въ отставку—и къ г. фонъ-Бремзену въ лавку. Помощникомъ у этого піонера русскаго юга—красавецъ-персъ. Юноша еще, усики едва пробиваются. Прелестные глаза на изящно-очерченномъ личикѣ...

— Какъ къ вамъ попалъ онъ?

— Изъ Персіи ушелъ. Это—потомокъ знатнаго армянскаго рода Делянъ-беговъ. Нѣкоторые изъ той-же фамиліи давно перебрались въ Россію и заняли очень высокое положеніе въ питерской іерархіи, а этотъ—работникомъ у Бремзена служитъ. Изъ аристократовъ персидскихъ — да въ лакеи!.. У насъ на Бирючьей еще и не такіе экземпляры есть.

— Что вамъ за охота была уйти изъ Персіи?

— Да развѣ у насъ можно жить?.. Лучше здѣсь служить господину, чѣмъ тамъ господиномъ быть самому. У моей матери подъ Тавризомъ большое имѣніе... Не сошелся съ нею и ушелъ! Бѣда тамъ!..

— Такъ вы и думаете остаться всю жизнь рабочимъ?

— Пойду въ солдаты... Выслужусь... Вотъ я учиться началъ по русски...

— И отлично учится—превосходныя способности, подтвердилъ офицеръ-прикащикъ. Посвоему, по армянски— онъ человѣкъ образованный; самостоятеленъ только очень — не хотѣлъ кланяться тамъ на родинѣ, ну и бросилъ сытую жизнь!..

Не правда-ли, странный, уголокъ — бывшій гвардеецъ продаетъ деготь промышленникамъ, а персидскій князь и потомокъ чуть не царственнаго армянскаго рода служитъ работникомъ у остзейскаго аристократа, ставшаго тоже, въ свою очередь, астраханскимъ рыбникомъ! Америка да и только. Я такъ и смотрю на Бирючью косу, какъ на зародышъ чисто демократическаго города. Тутъ и колонисты изъ Германіи, и разстриженный священникъ, содержащій нѣчто въ родѣ трактира, и бывшій банкиръ, обдѣлывающій балыки на продажу. Кстати: у Бремзена здѣсь подъ громаднымъ навѣсомъ—на значительной высотѣ цѣлая масса такихъ балыковъ понавѣшена. Коптятся себѣ да обсыхаютъ...

— Тутъ ихъ тысячъ на пятьдесятъ! объяснилъ мнѣ спутникъ.

У берега точно замерла здѣшняя шняка морская — подчалокъ. Растянулась въ немъ собака и спитъ себѣ, благо тѣни клокъ нашлось. Рядомъ чайка преспокойно усѣлась и чиститъ себѣ клювъ. И въ водѣ отразилась такая же бѣлая, красивая.

— Знаете, какъ называется эта штука?

Большой камень, со всѣхъ сторонъ обтянутый веревочной сѣткой—родъ балласта. Къ кормѣ онъ прикрѣпленъ тоже веревкой.

— Здѣшніе промышленники нѣмцемъ его прозвали, что подало поводъ къ очень смѣшному недоразумѣнію. Одинъ ученый нѣмецъ изъ Петербурга по Волгѣ, близъ

Астрахани, странствовалъ. Разъ онъ ночью плылъ съ калмыцкаго базара, только что прилегъ, какъ вдругъ слышитъ: „Брось нѣмца въ воду!.. Брось нѣмца въ воду... Матвѣй, говорятъ тебѣ, бросай его, чего смотришь“. Всполошился нѣмецъ страшно, вскочилъ... „Ну его—оставь“, отвѣчаетъ другой. До самаго мѣста нѣмецъ былъ въ ужасѣ. Дрожитъ—а сказать ни слова не можетъ. Вспомнилъ кстати, что съ нимъ денегъ много. Молитвы про себя читаетъ да, ожидая безвременной кончины, объ своей Амальхенъ чуть не со слезами думаетъ. Только что подъѣхали къ городу — нѣмецъ поднялъ шумъ, гребцовъ заставилъ арестовать, а самъ прямо къ губернатору да съ постели его и поднялъ. „Помилуйте, говоритъ, у васъ тутъ убійства на каждомъ шагу — меня чуть не утопили въ Волгѣ!..“ Можете себѣ представить, какимъ смѣхомъ разрѣшился весь этотъ кавардакъ, когда нѣмцемъ, котораго собирались бросить въ воду — сей самый кусокъ камня оказался?

Первый разъ недалеко отсюда я видѣлъ, какъ собаки занимаются рыболовствомъ. Одинъ такой четвероногій промышленникъ упражнялся на моихъ глазахъ. То и дѣло онъ нырялъ въ воду съ берега. Нырнетъ или, какъ здѣсь говорятъ, мырнетъ, выхватитъ рыбу—выволочетъ ее на берегъ, прокуситъ ей голову, оставитъ въ сторонкѣ и за другой пускается. И какъ все это ловко дѣлается, умѣло—только руками разведешь. Ловля, впрочемъ, окончилась очень комично. Около промышленника этого все чайка одна суетилась; улучивъ время, когда песъ нырнулъ, она выхватила самую крупную рыбу. Обиженный ловецъ даже захлебнулся въ водѣ отъ злости. Во всю мочь перебирая лапами и стараясь приблизиться скорѣе къ берегу—онъ громко лаялъ—а выскочивъ на берегъ—остервенѣло бросился на пернатаго хищника. Тотъ, разумѣется, тоже не медлилъ и съ рыбой въ когтяхъ поднялся вкось—на гребни холмовъ, которые идутъ надъ отмелью. Собака за нимъ—

чайка дальше и песъ дальше, и все это съ оглушительнымъ лаемъ. Несчастный даже позабылъ остальную добычу на берегу, куда сейчасъ же слетѣлись другія хищницы. Когда песъ возвратился — ѣсть ему оказалось нечего. Сѣлъ на заднія лапы—и давай самымъ жалобнымъ воемъ оглашать молчаливыя окрестности. Что̀ бы—опять начать промыселъ. Нѣтъ! Сидитъ себѣ да воетъ, воетъ да повизгиваетъ, безпомощно обращая къ намъ свою кудлатую морду.

Рыбнымъ промысломъ занимаются и вороны. Только тѣ, какъ истинные мародеры, ожидаютъ, когда волны выбросятъ на отмель мелкую воблу или бѣшенку. Обсохнетъ она—карги тутъ какъ тутъ!.. И дешево, и сердито!.. Впрочемъ, и здѣсь песъ является конкуррентомъ. Чуть налетятъ вороны — собака бросается въ кучу ихъ, отгоняетъ этихъ астраханскихъ соловьевъ и завладѣваетъ полемъ битвы—съ военной добычей включительно.

Отсюда я ѣздилъ въ калмыцкіе монастыри на Каспіи— но книга моя и безъ того уже вышла изъ опредѣленнаго размѣра. Боюсь наскучить читателю. Да сверхъ того эти обители уже не въ районѣ Волги. Когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ — я возвращусь къ гостепріимному старику— бакши Баалдыру, въ кибиткѣ котораго я провелъ такіе пріятные часы.

Также покойно было сверкающее голубыми искрами море, когда мы оставляли спаленную солнцемъ Бирючью косу—эту обѣтованную землю ужей и ящерицъ... Также заманчивы были лазуревыя дали, также безоблачны и знойны небеса... Полковникъ Эльфсбергъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе небольшой пароходъ „Поспѣшный,“ возвращавшійся въ Астрахань. На берегу собралось немногочисленное населеніе колоніи, жаль было прощаться съ этими добрыми и привѣтливыми людьми... Но вотъ—толпа на берегу все скучивается и сливается... Все ниже и ниже кажется самая коса... Дома-становища

прячутся одни за другіе, сбѣгаются въ кучку... Наконецъ и весь этотъ уголокъ кажется смутною черточкой, и только холмы его чуть-чуть намѣчиваются на горизонтѣ,—точно тамъ густятся какія-то тучки...

Ночь, слѣдовавшая за этимъ днемъ, была невыносимо знойна. Мошки — тучами стояли въ воздухѣ. Съ нами не было ни единой представительницы прекраснаго пола (о, какое это великое удобство въ дорогѣ!), и я попросту устроилъ на палубѣ пологъ бросилъ подъ него тюфякъ раздѣлся и въ костюмѣ нашихъ прародителей, только безъ фиговаго листка, пробовалъ заснуть. Рядомъ пыхтѣла труба—за пологомъ звенѣли мошки. На минуту мелькнуло съ берега какое-то зарево — камышъ горѣлъ — и скоро все это точно отошло назадъ — и хорошо спалось мнѣ въ сумеркахъ каспійской ночи...

А мѣсяцъ раскидывалъ свои серебряныя сѣти на недвижныя воды... Тихо плескалась шаловливая рыба въ этомъ ласковомъ сіяньи, и робко мигали огоньки костровъ, разложенныхъ ловцами по безлюдному берегу...

VI.

Поѣздка въ калмыцкій монастырь.

Совсѣмъ заколдованное царство!..

Плывешь часъ, другой плывешь, третій—а берега все тихи и пустынны. Ни ватаги, ни шалаша... Безлюдье полное... Направо и налѣво тихо стелются зеленыя понизи. Трава — жидкая, мелкорослая, точно сплошь подъ гребенку выстрижена. Рѣдко, рѣдко кустъ подымется гдѣнибудь, либо дерево кивнетъ вамъ издали своею облачною верхушкой!.. Отъ этого жгучаго солнца—словно пыль

золотая стоитъ вдали... Глазамъ даже больно!.. А передъ лодкою и позади ея все та же, точно остеклѣвшая, лазурь рѣки безмятежной, незамѣтно струящей свои лѣнивыя воды къ такому же безмятежному теперь Каспію... Каспій мы оставили уже съ часъ, въ воздухѣ еще пахнетъ моремъ. Несмотря на жару, что-то бодрящее, освѣжающее — въ этомъ точно пропитанномъ испареніями водорослей воздухѣ... Небо — совсѣмъ бы чистое было, если бы не комокъ растопленнаго серебра, застоявшійся на самой серединѣ его... Самое крохотное облачко... И уйти бы ему—да видимо двинуться лѣнь, ну и смотрится въ зеркало рѣки и красуется на весь этотъ дремлющій просторъ. Вонъ такая же ослѣпительно сверкающая чайка взмыла вверхъ, еще съ минуту примерещилась утомленному взгляду — и потонула въ покойной синевѣ неба...

— Ночью тутъ бѣда! сообщаетъ гребецъ.

— А что?

— Да шолна (чортъ) пакоститъ... Она вѣдь на эти дѣла подлая. Человѣка нѣтъ, ну и храма Божьяго нѣтъ... Ей—самый просторъ...

— Тоже супротивъ ее и храмъ не заступа, вмѣшивается сумрачный промышленникъ.

— Какъ не заступа?

— А такъ... Она не наша шолна, не христіанская. Она—шолна калмыцкая... Церкви не боится... Цаца ихняя либо кура (калмыцкій храмъ)—ну это точно, узда на нее, сейчасъ уйдетъ изъ округи, а крестовъ, сколько хошь ставь,—она, братъ, въ нашего Бога не вѣритъ... Свое начальство есть...

— Точно. Теперь на Бирючьей косѣ — и храмъ Божій, а шолнѣ ни по чемъ. Дѣйствуетъ, нисколь не нуждается.

— А поставь куру, ну и шабашъ!.. Сейчасъ ограничитъ.

— Всякой нечисти, братъ, своя полная права дана...

— Это точно...

— Гуляй по распредѣленію, гдѣ тебѣ указано, — а на чужое не зарься.

— Ни жены его, ни осла его! сказано.

— Теперь бѣлуга къ примѣру. На плотвяную уду не пойдетъ, а на свой самоловный крюкъ—съ полнымъ удовольствіемъ... Всякому, братъ, свое...

Песчаный мысъ золотой косой врѣзался въ голубую эмаль рѣки... Тихо плещутся струи, набѣгая на отмелую низину... На берегу — груда костей, полузанесенныхъ пескомъ.

— Вотъ она—шолна-то и тутъ потѣшилась видимо.

— Ея дѣло.

— Верблюда-горбача отъ стада отбила, онъ и поколѣлъ здѣсь, сердешный... Поди, заблудный колмычонко какой снялъ съ него шкуру, мясо съ костей карги *) проклятыя склевали. Волковъ—нѣтъ... А то бы и костей не осталось.

И опять молчаніе, и опять пустынныя понизи...

Этимъ поворотамъ воложка, по которому плывемъ мы, и счетъ потеряешь. Конца ему нѣтъ—кажется... То вправо, то влѣво. И какъ утомительно! Взгляду не на чемъ остановиться. Всюду однообразное уныніе прикаспійскаго пейзажа... Песчаныя низины смѣняются чахлою зеленью, изрѣдка жидкая стѣнка камышей подымется. Матовыя метелки красиво перегнулись съ гибкихъ стеблей—и не шелохнутся...

— Это мѣсто допрежь было самое разбойное...

— А что?

— Да во время оно здѣсь ночью никто не плылъ, а днемъ все норовили скопомъ лодокъ десять, пятнадцать.

— Шалили?

— Удалая башка Васька Чертякъ, здѣсь разбой про всю округу держалъ... Калмыковъ грабилъ, русскихъ

*) Карга—ворона.

обиждалъ, однѣмъ у него дѣвкамъ лафа была... Баловалъ онъ ихъ, подлыхъ. Сладкими словесами улещалъ, подарками охаживалъ. У насъ и пононѣ коли какая забалуйная дѣвка найдется—Васькиной утѣхой зовутъ... Страсть, что у него было тутъ висѣлицъ поставлено...

— Висѣлицы зачѣмъ же?

— А такой у него порядокъ дѣйствовалъ! Чиновника поймаетъ—на висѣлицу, купца—въ воду. Всякому—своя честь. А простому народу—ничего. Къ ловцу да крестьянину ласковъ былъ. Одаритъ, угоститъ—и домой отпуститъ. Сказываютъ, вотъ за этимъ поворотомъ, онъ за одинъ разъ сорокъ душъ сгубилъ... Мечемъ ихъ посѣкъ, да въ воду тѣла побросалъ... Мы здѣсь долго и рыбки не ловили, потому мѣсто поганое такое...

— Что-жъ, его поймали?..

— Гдѣ его поймать... Ладились, да ничего не взяли. Къ персидскому салтану, сказываютъ, ушолъ и первымъ у него инираломъ сталъ за отвагу свою молодецкую!..

— А и всего-то простой ловецъ былъ...

— Кому какое счастье...

— Сколько, сказываютъ, кладовъ онъ здѣсь зарылъ.

— Здѣсь кладовъ мало, мѣсто не курганное, не шеломистое...

— А около встрѣчаются курганы?

— Подальше есть... Тутъ—подолье... Ишь ты, низина какая размывается. Гдѣ тутъ кургану быть...

Астраханская губернія вообще богата курганами. Они тутъ повсюду, не говоря уже о такихъ, какіе въ Царевскомъ уѣздѣ тянутся отъ Верхне-Ахтубинскаго села къ Пришибу, а оттуда черезъ Царевъ къ Колобовкѣ. Тутъ между курганами замѣтны и остатки громадныхъ построекъ. На рѣкѣ Царевкѣ, близъ Ахтубы, на горѣ еще въ сороковыхъ годахъ подымались остатки ханскаго дворца, окружность котораго равнялась 200 саженямъ. Благодаря незначительности населенія, и до сихъ поръ въ

Астраханской губерніи сохранилось много кургановъ, несмотря на то, что всевозможные искатели кладовъ уничтожаютъ эти древнія насыпи довольно ретиво. Членъ Астраханскаго статистическаго комитета Головашенко сообщалъ, между прочимъ, что въ 1849 году въ курганахъ находили золотыя монеты афганскихъ султановъ Индіи, изъ коихъ одна выбита въ Дегли въ 1343 году. Въ Астраханскомъ, Красноярскомъ и Царевскомъ уѣздахъ отыскивали клады изъ серебряныхъ монетъ, чеканенныхъ съ 710—767 годъ гиджры ханами золотой орды Тахтагу, Узбекомъ, Азисъ-Шейхомъ и другими. Нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ кургановъ—размываются водою. Таково урочище Шареный бугоръ, подъ которымъ погребены древніе города Атель и Баленджіаръ. Встрѣчаются и позднѣйшіе курганы. Одни изъ нихъ называются караульными, потому что отсюда разбойничьи шайки наблюдали за проѣзжавшими по Волгѣ караванами и грабили богатые товары Индіи и Персіи... Во многихъ домахъ по селамъ и въ Царевѣ можно встрѣтить древніе муравленные кирпичи съ изображеніями разныхъ растеній, а иногда даже покрытые позолотою и яркою краской. Все это оказывается извлеченнымъ изъ кургановъ. Изъ послѣднихъ вообще астраханцы добываютъ пропасть строительнаго матеріала. Цѣлые дома выведены изъ древнихъ кирпичей, находимыхъ тамъ, гдѣ стояла ставка хановъ золотой орды. Въ одномъ изъ кургановъ села Колобовки въ 1859 году найдено золотое блюдо, купленное правительствомъ за 250 р. Большая часть кургановъ сосредоточена на лѣвой, луговой сторонѣ Волги... Земляные курганы были памятниками или же насыпями для шатровъ татарскихъ вождей. Каменные, откуда добывается масса кирпичу, слѣдуетъ считать гробницами татаръ, имѣвшихъ обычай строить такіе мавзолеи для своихъ семействъ (Астане или Текіе). Только въ послѣднее время, благодаря остроумному указанію

академика Рупрехта, можно точно опредѣлять древность этихъ построекъ. Прежде для этого соображали надписи, монеты и т. д., что вело къ значительнымъ ошибкамъ. Г. Рупрехтъ совѣтуетъ измѣрять толщу нетронутаго чернозема, растительнаго слоя, лежащаго вокругъ могилы и подъ нею, такъ какъ старинныя могилы почти всегда насыпались на материкѣ. Разность между первою и послѣднею толщею даетъ указаніе относительной древности могилы...

Въ то время, какъ русскіе относятся къ курганамъ съ чисто промышленной стороны, предполагая въ нихъ богатые клады, калмыки питаютъ къ древнимъ насыпямъ величайшее уваженіе.

— Что̀ ты? спрашиваю я у калмыка, вдругъ ни съ того ни съ сего сложившаго ладони и присѣвшаго передъ курганомъ.

— А—вонъ.

— Ну?

— Тутъ большой батырь лежитъ... Онъ одинъ всю Волгу выпить можетъ, а море ему—до пояса. Прежде были такіе. Еще калмыковъ на этой землѣ не видали, когда великаны, что подъ курганами спятъ, жили... И земля другая тогда была.

— Какъ спятъ?—вѣдь ихъ похоронили.

— Нѣтъ, они спятъ, и долго еще спать будутъ. Еще три тысячи лѣтъ пройдетъ—тогда онъ встанетъ, сброситъ съ себя эту насыпь и начнетъ по всей землѣ царствовать.

Только разъ русскій ловецъ тоже сослался на одного такого богатыря.

— Вишь, чортова душа, подъ какую гору залѣзъ... А большой тоже.

— Чего же онъ прячется?

— Да какъ русь пришла, онъ и запужался. Гдѣ ему, татарину, съ нашей силой справиться!..

Удивительно презрительный тонъ у нашихъ ловцовъ, когда они заговорятъ о калмыкахъ, татарахъ или киргизахъ, хотя ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ здѣсь русскіе не успѣли привить ничего своего, научить ихъ чему-нибудь полезному, если не считать полезнымъ безпросыпное пьянство. Всего изумительнѣе это пренебреженіе въ крестьянинѣ, который въ культурномъ отношеніи нисколько не отличается отъ калмыка, а въ нравственномъ гораздо даже ниже его.

— Развѣ онъ человѣкъ?—собака! У него и душа собачья! говорилъ здѣсь одинъ русскій про калмыковъ.

— Народъ ничего, добрый, только дубье неотесанное! живописалъ другой.

И вѣдь оба были неграмотны и отъ инородцевъ отличались только крестомъ на шеѣ, да кулачествомъ...

„Собачьи души“, „дубье неотесанное“ сами увѣрились, что они представляютъ почему-то низшую породу и вполнѣ подчинились міроѣдству и грабежу даже армянскихъ проходимцевъ ..

Кура, куда мы ѣхали, принадлежитъ къ Харахусовскому улусу. Это калмыцкій монастырь, обитель, гдѣ живутъ только одни гелюнги, и куда женщины почти не допускаются или допускаются въ качествѣ рѣдкихъ богомолокъ. Спасается здѣсь около двѣнадцати гелюнговъ и гицелей монашескаго ордена желтошапочниковъ. Заправляетъ монастыремъ нѣкій бахша Баалдыръ *).

— Это очень гостепріимный и любезный старикъ, предупреждали меня. Вмѣстѣ со мною туда ѣхало семейство г. фонъ-Бремзена, о пребываніи среди котораго на Бирючьей косѣ я сохранилъ столь пріятное воспоминаніе.

Послѣ безчисленныхъ поворотовъ лодки, слѣдовавшей извилинами воложка, мы, наконецъ, добрались до бере-

---

*) Большая часть свѣдѣній и подробностей о калмыкахъ изложена авторомъ въ его книгѣ „По Волгѣ“.

говаго приволья, ограниченнаго только справа какими-то курганами. Прямо передъ нами и налѣво разстилалось оно безъ конца, безъ края. За версту отъ берега мерещилась блеклая зелень и нѣсколько верхушекъ калмыцкихъ кибитокъ, но смутно, неопредѣленно. До ставки Баалдыра, или Харахусовскаго калмыцкаго монастыря, было добрыхъ версты двѣ. За то на курганѣ, вся на припекѣ, въявь выдавалась цацá китайской архитектуры, съ загнутыми кверху остроносыми углами трехъ своихъ кровель, изъ которыхъ самая верхняя заканчивалась какимъ-то конусомъ. Берегъ, по которому шли мы, навѣвалъ на насъ полное уныніе. Ноги глубоко уходили въ песокъ. Тамъ, гдѣ желтѣла сожженная солнцемъ зелень, шмыгали юркія ящерицы, такія же сѣрыя, какъ и вся эта безплодная земля. Песокъ, ящерицы и сухіе стебли невысокой поросли, давно осыпавшейся,—вотъ и вся эта картина калмыцкаго приволья... Чѣмъ дальше, впрочемъ, тѣмъ сухіе стебли сгущались, кое-гдѣ мелькнули слабые еще разливы свѣжей зелени, ящерицы стали многочисленнѣе, такъ и шмыгаютъ подъ ногами. Вонъ коршунъ, сѣрый, какъ и глыба земли, на которой сидитъ онъ, провожаетъ насъ недовольнымъ клекотомъ, не трогаясь съ мѣста. А трава все сочнѣе и гуще, только малорослая, стриженая... Больше и больше выростаетъ цацá, одинокая на своемъ курганѣ. Вотъ и кибитки вырисовались. Всѣ онѣ разбиты полукругомъ посреди сочнаго понизья. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ оригинальный монастырь, который въ полчаса можно снести съ мѣста и поставить дальше. Что-то молчаливое, строго аскетическое во всемъ этомъ. Ни лошади не пасется на лугу, ни овцы... Безмолвіе полное, отсутствіе движенія безусловное... Подумаешь, что тутъ нѣтъ ничего живаго... Въ центрѣ полукруга кибитокъ большая и роскошная кибитка. Это лѣтній храмъ монастыря.

— Должно быть не замѣчаютъ насъ.

— Подать голосъ?

— Ну-ка, Федоръ.

Одинъ изъ гребцовъ свистнулъ, такъ что его слышно было, я думаю, за версту. Свистъ этотъ у меня такъ и сѣлъ въ ушахъ. Услышали его и въ кибиткахъ монастыря калмыцкаго. Вонъ изъ кибитки выбѣжалъ кто-то въ желтомъ. Присѣлъ на корточки, посмотрѣлъ на насъ издали и мигомъ шмыгнулъ въ другую кибитку. Оттуда онъ выскочилъ уже съ краснымъ гелюнгомъ и опрометью оба бросились въ ставку побогаче.

— Бахшѣ Баалдыру докладать побѣжали.

Изъ остальныхъ кибитокъ тоже выглянули желтыя и красныя рясы монаховъ буддистскихъ. Выглянетъ и тотчасъ же спрячется. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, высматривать долго. Неприлично.

Желтый и красный гелюнги, шмыгнувшіе къ Баалдыръ-бахшѣ, выскочили отъ него столь же быстро и стремглавъ побѣжали намъ на встрѣчу. Добѣжали и остановились. Какія толстыя раскормленныя лица!

Одинъ изъ нихъ, поражавшій особеннымъ узкоглазіемъ, потупился и произнесъ что-то въ родѣ привѣтственной рѣчи по-калмыцки. Говорилъ долго, видно въ ставкѣ Баалдыру для пріема пріубраться нужно было; и все такъ монотонно, даже рта не раскрывалъ ораторъ. Булькаетъ у него что-то въ горлѣ—и только. Наконецъ кончилъ и зачѣмъ-то взялся за полы своей красной рясы, точь въ точь какъ благовоспитанныя дѣвицы добраго стараго времени приподымали платьица, выдѣлывая шассе, круазе и т. д. Чтобы не ударить въ грязь, я разразился столь же продолжительною рѣчью, сопровождая ее ораторскими жестами. Окончивъ, я убѣдился, что мы оба добросовѣстнѣйшимъ образомъ не поняли ничего отъ преподнесенныхъ другъ другу образцовъ русскаго и калмыцкаго ораторскаго искусства. Затѣмъ гелюнги обошли насъ всѣхъ, подавая намъ руки...

Чѣмъ больше мы приближались къ этому кочевому монастырю, тѣмъ онъ все замѣтнѣе безлюдѣлъ, а когда мы были уже совсѣмъ около, послѣдняя голова какого-то желтошапочника спряталась въ кибитку. Такимъ образомъ, въ куру мы вступили среди полнаго безмолвія. На всемъ этомъ низменномъ просторѣ, гдѣ-то нервно позванивалъ колокольчикъ, да какъ-то порывисто, дико слышался едва-едва, точно про себя, молитвенный, нѣсколько печальный напѣвъ...

— Гдѣ это поютъ?

— Служба у нихъ вѣрно скоро начинается; очередной гелюнгъ молится и въ колокольчикъ звонитъ.

Я было направился прямо въ куру, но одинъ изъ провожавшихъ насъ гелюнговъ (точно собака у стада) сейчасъ же бросился ко мнѣ и, не говоря ни слова, давай меня бокомъ слегка поталкивать налѣво къ ставкѣ Баалдыра. Чтобы не почелъ я это за невѣжество бритоголовыхъ, монахъ улыбался очень обязательно и, сеживъ ладони, поминутно прикладывалъ ихъ ко лбу большими пальцами.

— Должно быть угощеніе у Баалдыръ-бахши будетъ, думалъ меня обрадовать одинъ изъ гребцовъ.

Я вспомнилъ, чѣмъ насъ угощали на калмыцкомъ базарѣ, и заранѣе пришелъ въ ужасъ!..

Келья или правильнѣе—кибитка Баалдыръ-бахши не только бѣдному калмыцкому байгушу, но кому угодно, среди этой жары, показалась бы степнымъ раемъ. Сверху надъ нами висѣлъ большой зонтъ съ лентами, колыхавшимися во множествѣ отъ вращательнаго движенія этого зонтика. Что-то сказочное было въ нѣсколько дикой роскоши убранства. Стѣны кибитки увѣшаны шелковыми матеріями съ изображеніемъ бурхановъ; восьмирукіе, десятиногіе, трехъ-головые калмыцкіе боги и духи со всѣхъ сторонъ дѣлали намъ гримасы, высовывали языки или, какъ гоголевскій вій, до самаго полу опуска-

ли свои землистыя вѣки. Легкій вѣтерокъ, врывавшійся въ открытую дверь кибитки, шевелилъ эти шпалеры, придавая жизнь чудовищнымъ изображеніямъ тибетскаго художника. Такія же картины по угламъ стояли въ видѣ хоругвей... По всей кельѣ и отъ колыхающихся лентъ зонтика и отъ шелковыхъ изображеній бурхановъ стоялъ тихій, не лишенный прелести, шелестъ... Несмотря на ужасающія рожи боговъ и на пламенные языки демоновъ здѣсь все дышало миромъ, ничѣмъ не возмущаемымъ уединеніемъ. По стѣнамъ, на полочкахъ блестѣли серебряные и золотые идолчики, серебромъ крытое сѣдло въ углу—непремѣнная принадлежность ставки богатаго калмыцкаго игумена. Полъ весь устланъ дорогими, мягкими коврами. Цѣлая масса ковровъ образуетъ сидѣнія. На одномъ изъ нихъ брошена маца — цилиндрическая подушка. Съ этого ложа при нашемъ входѣ слегка привсталъ, какъ бы вы думали, кто? — да никто иной, какъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Иллюзія была полная; такое сходство трудно себѣ представить. Только костюмъ нѣсколько противорѣчилъ ему. Баалдыръ-бахша не только лицомъ, но и ростомъ похожъ на знаменитаго малорусскаго поэта. Это чисто хохлацкое, и не какъ уже не калмыцкое лицо, даже и узкоглазія незамѣтно. Сохраняя привѣтливую важность, Баалдыръ-бахша подалъ намъ руку и пригласилъ садиться на такія же ковровыя сидѣнія. Впрочемъ, для желающихъ оказалось два европейскихъ стула. Въ ставкѣ, сверхъ того, находилось — вольтерское кресло, какъ оказалось,—подарокъ г. фонъ-Бремзена. Калмыцкій игуменъ — по собственному признанію—предпочиталъ его разнымъ коврамъ съ мацами и еще какими-то круглыми подушками.

Какъ и встрѣтившіе насъ калмыки — онъ привѣтствовалъ посѣтителей длинною рѣчью съ величавыми жестами и патетическими повышеніями голоса въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Дифирамбъ ойратскаго оратора вовсе отъ того

не становился понятнѣе. Нужно было отвѣчать. Но, вѣдь, не каждую же секунду произносить рѣчи, а я еще только что посреди луга отвѣтствовалъ блистательнымъ образчикомъ ораторскаго искусства встрѣтившему меня гелюнгу. Положимъ, Баалдыръ-бахша не понимаетъ — но молчать было бы невѣжествомъ. Нужно было кому-нибудь пожертвовать своею скромностію, чтобы не прослыть гордецами и неблаговоспитанными людьми. Тѣмъ не менѣе, на созданіе новой рѣчи совершенно не хватало изобрѣтательности. Спутникъ выручилъ меня. Онъ сталъ въ позу Цицерона и (да благословитъ Богъ учителя латинскаго языка!) съ подобающими жестами началъ:

— Quousque tandem Catilina abutere patientia nostra!... и т. д., и т. д., и т. д.

Единственно, что у него осталось въ памяти отъ всей латинской премудрости, какъ нельзя лучше пригодилось въ эту минуту. А у насъ еще спорятъ противъ пользы классическихъ языковъ! Помилуйте, да что бы онъ сдѣлалъ безъ нихъ, лицомъ къ лицу съ этимъ безпощаднымъ ораторомъ, калмыцкимъ Демосфеномъ-Баалдыръбахшею?...

Игуменъ ойратскаго монастыря слушалъ удивительно внимательно, казалось, онъ боялся проронить хотя одно слово съ начала до конца непонятной ему рѣчи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хозяинъ благосклонно кивалъ мнѣ, точно одобряя ея содержаніе, что, разумѣется, внушало говорившему еще болѣе ораторскаго жара. Наконецъ, онъ кончилъ и сѣлъ.

— Русскіе говорятъ хорошо!—перевелъ мнѣ другой спутникъ, сохранявшій невозмутимость до конца.

— Они въ этомъ случаѣ только слабый отблескъ такого мудраго гелюнга, какъ Баалдыръ-бахша!

Мой отвѣтъ былъ переданъ старику и доставилъ ему видимо великое наслажденіе. Онъ еще нѣсколько разъ пожалъ мнѣ руку.

— Большой ли полковникъ мой гость? опять перевели мнѣ вопросъ Баалдыра-бахши.

— Я вовсе не полковникъ.

— Да, вѣдь, ты изъ Петербурга. А въ Петербургѣ все полковники живутъ.

Кое-какъ удалось втолковать бахшѣ, что я писатель. Переводчикъ тыкалъ въ меня пальцами, потомъ, схватывая книгу, водилъ по ней, точно писалъ, усердно стучалъ себя по лбу и даже почему-то счелъ нужнымъ нѣсколько разъ раздвинуть руками, точно онъ плавалъ.

— А... мой гость значитъ большой русскій лама!

И внимательность Баалдыръ-бахши еще удвоилась.

Лакированные китайскіе столики точно изъ-подъ земли выросли передъ нами.

„Ну, теперь держись, большой русскій лама, калмыцкое угощеніе начинается“ — подумалъ я. И въ памяти моей мелькнули грязные пальцы калмыковъ, игравшіе роль салфетокъ на калмыцкомъ базарѣ, курдючье сало съ сахаромъ и корицей, буза—отвратительное пойло.

Къ счастію, мнѣ пришлось пріятно обмануться. Не успѣлъ я еще придумать приличную форму для отказа, какъ намъ подали въ безукоризненно-чистыхъ китайскихъ чашечкахъ душистый чай...

VII.

Замѣчательная прислуга у Баалдыръ-бахши.

Это—подростки, готовящіеся въ гелюнги. Бритоголовые, румяные, толстые, точь-въ-точь дѣти—послушники въ „Соловкахъ“. Глаза потуплены въ землю. По кибиткѣ скользятъ безшумно, будто ихъ и нѣтъ здѣсь вовсе. Опрятны—на образецъ. Чашки чаю перемѣнялись передъ нами какъ-то незамѣтно. Только что отопьешь, не успѣешь оглянуться—другая передъ тобой....

— Это я которую же?—въ полномъ недоумѣніи обратился ко мнѣ спутникъ.

— Ничего, душа мѣру знаетъ.

— Да, вѣдь, съ этими личардами пожалуй и десять незамѣтно проглотишь.

Барыни, отказавшіяся отъ чаю, пили прохладительный кумысъ, изъ китайскихъ лакированныхъ ковшей. Потомъ совершенно уже не кстати явилась какая-то сладкая кутья съ бараньимъ саломъ и похлебка изъ мяса, почему-то хрустѣвшаго на зубахъ.

Баалдыръ все это время торжественно молчалъ. Точь въ-точь какой нибудь ипостасный архимандритъ, пріемлющій посѣтителя и въ то же время памятующій повсечастно, что во многоглаголаніи нѣсть спасенія. Я самъ бывалъ у такихъ. Наставятъ передъ тобой разной снѣди, непремѣнно постной, не позабудутъ и графинчикъ хересу и наливки какой-нибудь, трижды прославившей нѣкоего отца Іоанна.

— Пожалуйте отъ плодовъ земныхъ! приглашаетъ васъ архимандритъ.

Вы вкушаете, а хозяинъ сосредоточенно молчитъ и лишь изрѣдка воздыхаетъ, прикрывая ротъ ладонью и поддерживая другою рукой рукавъ рясы. Вамъ даже неловко дѣлается. Не радъ онъ вамъ, что ли? Думаете— не во время пришли. Рады бы уйти скорѣй. А онъ только истовый обрядъ келейный исполняетъ.

Только вы пріостановились и вилку положили:

— Пожалуйте отъ даровъ морскихъ—рыбки!..

— Не могу...

— Ну еще отъ лозы виноградной!..

— Хересу не угодно-ли, пожалуйте...

И радушенъ вѣдь, а языка не развяжетъ.

Такъ и Баалдыръ-бахша. Все время, пока мы ѣли, онъ только глазами указывалъ своимъ келейникамъ перемѣнять намъ чашки, ставить намъ новыя блюда.

Наконецъ, насытились, и столы убрали. Сидимъ молчимъ—молчитъ и Баалдыръ-бахша.

— Женатъ ли и есть ли дѣти у большаго ламы? обращается онъ ко мнѣ, спустя минутъ пять.

Я отвѣтилъ.

— Видалъ ли большой лама царя въ Петербургѣ, и правда ли, что за царемъ постоянно сто генераловъ ходитъ и пятьсотъ полковниковъ?

— Правда ли, что есть тамъ такая большая пушка, что изъ нея и стрѣлять нельзя, потому что отъ одного выстрѣла всѣ дома падаютъ, люди глохнутъ?..

— Пріятно бесѣдовать съ умнымъ человѣкомъ, потому что какъ земля отъ солнца, такъ и глупый отъ умнаго свѣтъ получаетъ! закончилъ онъ въ первый періодъ нашей бесѣды комплиментомъ мнѣ.

Опять молчаніе.

— Всегда ли вы одинъ здѣсь живете? спрашиваю.

— Всегда... Богомольцы съ дарами приходятъ, поддерживаютъ куру, не оставляютъ.—И Баалдыръ воздохнулъ точно сельскій попикъ, когда о благолѣпіи храма Господня зайдетъ разговоръ.—Есть у насъ богатые калмыки, тѣ каждый годъ десятину отъ своихъ доходовъ несутъ. Другіе еще болѣе жертвуютъ... Ну, и мы молимся за нихъ, чтобы лихая болѣзнь не постигла, чтобы начальство не притѣсняло...

— Да, вѣдь, большинство калмыковъ харахусовскаго улуса—бѣдняки, байгуши.

— Ну что же, что бѣдняки. И у бѣдняка для куры что-нибудь найдется. Жеребенка приведетъ, овцу... Кошму принесетъ... А этого нѣтъ — муки дастъ, сахару, чаю... Кто же намъ поможетъ, наше дѣло—молиться, а ихъ работать... Если никто молиться не станетъ—земля плода не дастъ, небо дождя не пошлетъ, солнце грѣть перестанетъ, въ рѣкѣ и въ морѣ рыба переведется, въ камышѣ ни одного звѣря не будетъ... Перестанемъ мо-

литься—сорокъ болѣзней съ четырехъ странъ свѣта прійдутъ, по десяти съ каждой, а лѣчить будетъ некому, голодъ, моръ!.. Калмыки народъ умный, понимаютъ это хорошо!..

— Да, вѣдь, что же нибудь дѣлаете вы, не все же молитесь?

— Дѣлаемъ. Ѣздимъ по кочевьямъ—милостыню собираемъ. Коней держимъ... Когда есть время, рыбу ловимъ... За курой смотримъ, чтобъ опрятно все было, чтобъ огонь горѣлъ постоянно, чтобы нечистый духъ не осилилъ... Наше дѣло тоже не легкое. По пяти разъ въ день моленіе совершаемъ, каждое по два часа... Такъ предопредѣлено—однимъ трудиться, другимъ управлять, а третьимъ молиться!..

Я было ему сталъ разсказывать про нашихъ монаховъ, но не знаю, вѣрно ли ему передалъ переводчикъ, ихъ образъ жизни ему не понравился. Втолковать себѣ онъ не могъ, зачѣмъ монахъ работаетъ. „Развѣ у васъ мало чернаго народа"? только и переспросилъ онъ.

Заговорили о медицинѣ.

— Это все предопредѣлено!.. Но тоже и ваши доктора много хорошаго знаютъ... У насъ разсказываютъ, что много лѣтъ назадъ у оросовъ (русскихъ) ни одного хорошаго эмчи (доктора) не было вовсе. Лѣчили водой и огнемъ, а таинствъ нашихъ не знали. Ну, царь Петръ, большой царь, въ Тибетъ къ нашему Далай-Ламѣ пословъ отправилъ съ богатыми дарами, чтобы тотъ ламъ-эмчи подарилъ ему. Далай-Лама велѣлъ десяти гелюнгамъ отправиться къ Московъ-царю и научить его подданныхъ таинствамъ лѣчебнаго дѣла... Съ тѣхъ поръ у васъ и настоящіе эмчи пошли, а теперь ваши „духтуръ" гораздо лучше нашихъ гелюнговъ. Еще и теперь, говорятъ, вы каждый годъ посылаете молодыхъ духтуръ къ нашему Далай-Ламѣ учиться—только я этому не вѣрю.

Баалдыръ-бахша имѣлъ случай лично на себѣ испытать дѣйствіе западной медицины: у него заболѣла нога. Лѣ-

чили его всѣ эмчи—хуже, раны показались. Онъ пригласилъ доктора изъ Астрахани. Тотъ сказалъ, что́ дѣлать, и съ тѣхъ поръ ногѣ легче. Тѣмъ не менѣе, калмыцкій архимандритъ прикованъ недугомъ къ своей кельѣ—кибиткѣ и никуда изъ нея не выходитъ.

— Болитъ нога сильно... Вотъ посмотри,—и, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ „дамъ", Баалдыръ-бахша показалъ намъ свою удивительно сильную, красиво сложенную ногу. Барыни попробовали было отвернуться, но любезный хозяинъ и ихъ пригласилъ посмотрѣть, какую штуку сшутилъ съ нимъ нечистый.

— Ты, должно быть, тоже эмчи... обратился онъ ко мнѣ — въ томъ же состояніи невинности. Ежели ты ученый—лама, значитъ и лѣчить умѣешь... Посовѣтуй, что́ дѣлать?

Много стоило труда втолковать ему, что не всякій лама, ученый—медикъ. Онъ такъ и остался неубѣжденнымъ, объясняя мой отказъ какими-то другими соображеніями.

— Чему же учатъ вашихъ! недовольно разсуждалъ онъ. У насъ сначала грамотѣ гелюнга учатъ, а потомъ лѣчить.

Наконецъ нога спряталась, и дамы успокоились. Обязательный калмыцкій монахъ предложилъ было посмотрѣть, (точно какія достопримѣчательности показывалъ!) особенное родимое пятно на спинѣ, но я успокоилъ его усердіе, заявивъ, что и безъ того уже доволенъ его радушіемъ и глубоко цѣню его любезность...

— А то что же, я могу показать—если интересно! убѣждалъ насъ Баалдыръ-бахша...

— Есть у тебя твое лицо?..

Я не понялъ, въ чемъ дѣло.

— Вы, русскіе, умѣете лица на бумагу переводить.

— Нѣтъ, у меня портретовъ съ собою нѣтъ.

— Смотри, пріѣдешь въ Петербургъ, пришли свое лицо, У меня много есть, и онъ показалъ мнѣ скуластую кра-

савицу, какое-то ускоглазіе калмыцкое въ военномъ мундирѣ и нѣсколько портретовъ „штатскихъ" посѣтителей, которыхъ онъ неизмѣнно величалъ полковниками.

— Это вотъ три—полковника. Когда свое лицо пришлешь—я тоже другимъ его буду показывать. Вотъ-де какіе ламы посѣщали меня... Вѣдь, ты нарочно пріѣхалъ изъ Астрахани, чтобы меня посѣтить?..

Вмѣсто портрета своего я далъ ему карточку визитную. Онъ разъ двадцать заставилъ повторять ему мою фамилію и наконецъ записалъ ее по своему вмѣстѣ съ адресомъ.

— Буду въ Петербургѣ—непремѣнно зайду къ тебѣ... Ты лама, я лама—мы братья, только ты старшій!

— А собираешься ты въ Петербургъ развѣ?

— Хочу поѣхать Царю поклониться и самыхъ большихъ генераловъ посмотрѣть, какіе это они такіе? Да! опомнился онъ и страшно взволновался. Скажи, пожалуйста, правда-ли, что у васъ тамъ зимою живутъ въ домахъ, изо льда строенныхъ, точно во дворцахъ какихъ-то волшебныхъ. Полы въ этихъ ледяныхъ домахъ лисьими мѣхами покрыты, большія печи поставлены? И тепло, говорятъ, несмотря на то, что ледъ?

Я засмѣялся.

— Наши писали оттуда, потому спрашиваю. А только я и самъ не вѣрилъ, поправился онъ.

Заинтересовался я, какимъ образомъ калмыцкій монастырь отправляетъ своихъ гелюнговъ по прихожанамъ.

— Мы по улицамъ посылаемъ, ну и къ богатымъ людямъ тоже. Нѣтъ вблизи куры—такъ и нашему гелюнгу рады. Онъ пріѣдетъ, справитъ всякія требы, больныхъ полѣчитъ - и прочь отъѣзжаетъ съ подарками для монастыря.

Очевидно, сборщики ламы играютъ тутъ такую же роль, какъ нѣкогда квесторы католическихъ обителей въ Польшѣ.

— Каждый изъ вашихъ гелюнговъ можетъ такимъ образомъ отъѣзжать?

— Нѣтъ, по выбору, надежныхъ посылаемъ... Тамъ вѣдь не трудно испортиться, тамъ все не по нашему—чего добраго осрамитъ. Нужно такого, чтобы онъ честь монастыря (хурула) отстаивалъ, чтобы по немъ и объ насъ высокое мнѣніе получили люди. Вотъ одного недавно мы отправили—отличный гелюнгъ и пѣвецъ хорошій... Онъ могъ трубу перекричать въ хорѣ. Десять жеребятъ заржутъ—а все его не заглушатъ. Чудный голосъ!.. Пріятный.

Хорошо понятіе о пріятности! Характерно и сравненіе съ десятью жеребятами!

— Его одного слышно версты на три кругомъ... Рядомъ сидѣть нельзя, когда онъ поетъ—оглохнешь!

Окружающіе калмыки причмокивали языкомъ, видимо раздѣляя восторгъ своего настоятеля...

VIII.

Необыкновенно толстый калмыкъ ввалился въ юрту. Широкая, шелковая ряса (иначе не знаю, какъ и назвать этотъ своеобразный халатъ)—съ иголочки, на пальцахъ—золотыя кольца, на головѣ, несмотря на жару, дорогая лисья шапка съ хвостами.

— Менде, менде нирба...

Нирба поклонился намъ и что-то проговорилъ Баалдыръ-бахшѣ.

— Это тоже монахъ?

— Да еще изъ главныхъ, предупредили меня. Нирба—значитъ экономъ куры.

Какъ одинаковы типы во всѣхъ обителяхъ! Такой же толстый и раскормленный, такой же щеголь, каковы эко-

номы всевозможныхъ монастырей. И сапоги у него, не какъ у другихъ калмыковъ, а русскіе, да еще со скрипомъ, чисто апраксинскаго пошиба.

Нирба завѣдываетъ кухнею и имуществомъ куры. Онъ находится во время приготовленія будана въ кухнѣ, слѣдитъ обыкновенно за поваромъ, который въ громадномъ котлѣ варитъ иной разъ цѣлыя туши бараньи, съ трудомъ переворачивая ихъ длинными мутовками. Поваръ этотъ—тоже гелюнгъ, но уже не щеголеватый, а весь черный отъ дыма, пропитанный насквозь бараньимъ саломъ. Платье надѣнетъ—на немъ лоскута чистаго нѣтъ, все обгажено, все обсалено, все лоснится. Нирба во время трапезы въ курѣ рѣжетъ мясо, онъ же раздаетъ пришлецамъ порціи будана, принимаетъ всевозможные дары отъ странниковъ и странницъ изъ отдаленныхъ калмыцкихъ улусовъ. У него и на лицѣ, какъ оно ни лоснится отъ жира, нѣтъ свойственной гелюнгамъ сонливости и апатіи, что-то лукавое въ чертахъ его и въ выраженіи глазъ совсѣмъ нашъ ярославецъ. Сейчасъ видно, что этотъ не объ одномъ горнемъ помышляетъ, но и отъ земныхъ благъ не прочь, лишь бы снизошли на него таковыя.

Нирба явился доложить, что богослуженіе готово.

— Не хотите ли помолиться съ нами? предложилъ Баалдыръ. Вы своему Богу—а мы своему... Богъ вездѣ!..

Самъ Баалдыръ, благодаря своей ранѣ, оставался въ кельѣ. Нечего было и говорить, что мы рады были увидѣть наконецъ настоящее калмыцкое служеніе, а не показное, оборванное, какъ на Калмыцкомъ базарѣ *).

Самая кибитка съ капищемъ находилась въ центрѣ зеленой степи. Остальныя кибитки-кельи окружали ее со всѣхъ сторонъ въ равныхъ разстояніяхъ одна отъ дру-

---

*) Калмыцкій базаръ и вообще бытъ калмыковъ описаны авторомъ въ книгѣ его „По Волгѣ“.

гой. Отсюда на всѣ четыре стороны развертываются безконечныя дали...

Кочевой храмъ точно таковъ же внутри, какъ и описанный нами въ статьѣ „Калмыцкій базаръ". Тотъ же молитвенный барабанъ, тѣ же бурханы изъ желтаго металла, тѣ же тибетскія хоругви, тѣ же жертвенныя чашечки со всевозможными жидкостями, тѣ же тонкія тибетскія свѣчки... Служеніе совершали девять монаховъ, десятый—гебке стоялъ въ дверяхъ; у него въ рукахъ какая-то плетка. Гебке обязанъ наблюдать за порядкомъ богослуженія и исполненіемъ всѣхъ обрядовъ. Онъ же слѣдитъ, чтобы молящіеся не нарушали благоговѣйной тишины, приличной храму. Это что-то вродѣ нашихъ уставщиковъ. На гебке—громадная баранья шапка съ языкомъ, падающимъ назадъ, и большимъ краснымъ гребнемъ на верху, точно на старинныхъ рыцарскихъ шлемахъ. Обыкновенному безбородому и безусому, почти скопческому лицу калмыцкаго гелюнга эта шапка придаетъ какой-то грозный, устрашающій видъ. На гебке длинная красная мантія съ такими же наплечниками. Черезъ правое плечо у гебке висѣлъ орарь или родъ нашего ораря, красный а черезъ лѣвое плечо желтый. Гебке выбирается изъ наличнаго состава куры ежегодно въ праздникъ Зулу. Ему отдается, какъ символъ его власти, серебряный жезлъ или просто, какъ мы видѣли, напримѣръ, плетка. Ею онъ можетъ за нарушеніе порядка бить не только прихожанъ или богомольцевъ, но и гелюнговъ. На этихъ послѣднихъ были надѣты такія же красныя и желтыя мантіи, какія нами описаны въ цитированномъ выше очеркѣ. Гелюнги разсѣлись въ строгомъ порядкѣ. Къ девяти, бывшимъ уже въ курѣ, прибавилось еще трое. Когда началось богослуженіе, калмыцкое духовенство оказалось расположеннымъ въ слѣдующемъ порядкѣ: справа:

1-й, вращающій правый барабанъ,

2-й, главный лама, такъ сказать, церемоніймейстеръ.
3-й } гелюнги, дующіе въ раковины, оправленныя се-
4-й } ребромъ.
6-й съ колокольчиками.

Слѣва: 7-й, гелюнгъ, вращающій барабанъ и изрѣдка позвякивающій въ колокольчики.
8-й, гелюнгъ съ литаврами.
9-й, съ дудкой.
10-й } послушники съ барабанами.
11-й }
12-й у двери—гебке.

Тибетскія свѣчи изъ ароматическаго состава распространяли по курѣ пріятное благоуханіе, заглушая смрадъ лампадокъ, въ которыхъ горѣло обыкновенное коровье масло; кое-гдѣ курился горячій аршанъ. Еще не началось богослуженіе, какъ медлительно сначала завертѣлись кюрде—молитвенные барабаны, подъ тихое, меланхолическое пѣніе, сплошь состоявшее изъ одной какой-то фразы. Точно каждый гелюнгъ подъ носъ ее мурлыкалъ, только въ ладъ съ другими. Эта же фраза изображена на барабанѣ, она же въ безчисленныхъ свиткахъ внутри его. Потомъ каждый изъ гелюнговъ вынулъ изъ-за пазухи свою чашку, и нирба-экономъ налилъ въ нихъ будану съ мелкимъ бараньимъ крошевомъ. Еще не успѣли мы разсмотрѣть окружающей насъ обстановки, какъ яства эти были уничтожены, при чемъ чашки наливались и опоражнивались разъ по шести, по крайней мѣрѣ. Гелюнги обладаютъ, видимо, способностью не ѣсть даже, а вдыхать въ себя пищу. Кажется, и руками не шевелитъ, а чашка пуста оказывается. Чисто гоголевскій Пацюкъ, которому сами галушки въ ротъ влетали. Окончивъ свою трапезу, каждый добросовѣстно вытеръ чашку пальцами и облизалъ ихъ. Затѣмъ, эти своеобразныя тарелки были отправлены обратно за пазуху. Гелюнги номеръ 2-й и 3-й, чисто по-бычачьи, уставились другъ на

друга, точно впрыгнуть въ глаза одинъ другому хотѣли. Посмотрѣвъ такъ минуты двѣ—они разомъ зарычали что-то. Потомъ № 7-й вдругъ ударилъ въ литавры — цангъ; не успѣлъ еще замереть ихъ рѣзкій, металлическій звукъ, какъ сначала тихо залились серебряные колокольчики — хонко, заскрипѣли большія раковины — дунгъ, и начали отбивать темпъ барабаны—кенгарги. Въ отличіе отъ церковнаго оркестра Калмыцкаго базара, здѣсь не было бюра—громадныхъ колѣнчатыхъ мѣдныхъ трубъ, очень оглушавшихъ меня нѣсколько дней тому назадъ. Дикая мелодія то стихала, то разгоралась. Лица трубачей то блѣднѣли, то наливались кровью. Одинъ гелюнгъ, дудившій въ раковину, казалось, вотъ-вотъ лопнетъ... Даже щеки у него дальше носа выпятились, а глаза словно выскочить хотѣли... Видимо, онъ желалъ намъ доставить величайшее наслажденіе.

Сначала погасла эта раковина, потомъ смолкли литавры — цангъ, и подъ тактъ серебряныхъ колокольцевъ и глухого пыхтѣнія кенгарги словно откуда-то издалека тихо, тихо послышался меланхолическій напѣвъ. Я вышелъ изъ куры въ степь. Здѣсь дикая мелодія казалась еще эффектнѣе. Что-то самобытное, ропчущее, жалующееся было въ ней... Но вотъ напѣвъ все ближе и громче... Одинъ за другимъ всѣ гелюнги примкнули къ нему, и, наконецъ, въ самый развалъ, въ разгорѣвшійся напѣвъ ворвался голосъ гебке, отъ котораго судорога проняла всѣхъ; точно громадный колоколъ звучитъ надъ самымъ ухомъ... Ревъ былъ ужасный, хоть издали онъ не лишенъ своей прелести. Какъ разгорѣлась, такъ же постепенно гасла молитва гелюнговъ, пока опять не остались только голоса заунывнаго пѣвца гелюнга № 2 и нервной порывистой трели серебряныхъ хонко... Точно внутри у васъ что-то шевелитъ этотъ тихій и грустный мотивъ.

Посрединѣ между гелюнгами стояла чашка съ хлѣбомъ, изюмомъ и другими жертвоприношеніями. Гелюнги бро-

сили въ нее нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ. И напѣвъ сталъ опять разгораться. По мѣрѣ его усиленія гелюнги мѣшали въ чашкѣ массу пшеницы, въ которой ребрами поблескивали гривенники. Одинъ изъ насъ подалъ туда же какую-то кредитную бумажку. Гелюнги недоумѣло переглянулись и потомъ вопросительно уставились на гебке. Этотъ что-то пробормоталъ.

— Отъ иновѣрцевъ не принимаютъ. И жертвователю вернули деньги.

Видимо, здѣсь еще не дошли до той цивилизаціи, какую обнаружили гелюнги Калмыцкаго базара, съ ловкостью фокусниковъ ловившіе наши подачки. Мѣсиво денегъ, зерна и изюму поставили къ бурханамъ, а на сцену явился серебряный кувшинчикъ съ какою-то желтою жидкостью. Ее поочередно наливали каждому гелюнгу на серебряное блюдечко; они выпивали съ особенно благоговѣйнымъ видомъ. Налили и намъ въ подставленныя горсти. Я попробовалъ—какой-то ароматическій сиропъ!.. Точно и наши священники, гелюнги посреди молитвъ преравнодушно вынимали тавлинки, нюхали табакъ, отчихивались и съ новой энергіей принимались за тотъ же мотивъ. Одна только разница—бритыя лица. Самый старшій изъ нихъ, котораго мы шутя прозвали благочиннымъ, удивительно напоминалъ типомъ добросовѣстно обритаго совѣтника губернскаго правленія, даже и складка губъ какая-то чиновничья — уголками внизъ. Этотъ-то самый совѣтникъ губернскаго правленія и выпѣвалъ въ носъ такъ дико, что всѣ посѣтители старались отойти отъ него подальше. Точно въ ноздряхъ у него особый механизмъ какой-то былъ. Съ подобающею важностью, когда опять разгорѣлся напѣвъ, и въ немъ слились и звонъ литавръ и рычаніе трубъ, и гулъ барабановъ кенгарги, этотъ гелюнгъ сталъ разбрасывать направо и налѣво зерна проса. По окончаніи этой новой церемоніи, напѣвъ погасъ разомъ, безъ всякихъ переходовъ, и только лама № 1 буль-

калъ что-то удивительно монотонное, точно ручей переливался гдѣ-то рядомъ съ камешка на камешекъ.

Богослуженіе длилось очень долго.

Мы уже подумывали уйти, когда всѣ монахи заголосили какой-то речитативъ и по окончаніи его встали. Только были сброшены лисьи и собольи шапки — и передъ нами предстали обыкновенные бритоголовые калмыки. Гебке разоблачался не самъ, его раздѣвали двое послушниковъ съ подобающимъ благоговѣніемъ. Сняли сначала шлемъ изъ бараньей кошмы съ краснымъ гребнемъ, потомъ—орарь и, наконецъ, избавили его отъ мантіи—и вдругъ мы въ этомъ уставщикѣ калмыцкаго хурула узнали — оратора, встрѣтившаго насъ передъ кибитками! Нависшій на лобъ шлемъ совершенно преображалъ его.

— Менде, менде! привѣтствовали насъ гелюнги, поочередно пожимая намъ руки.

— Не хотите-ли лошадей нашихъ посмотрѣть? сдѣлалъ мнѣ предложеніе гебке.

Мы вышли. Солнце уже спускалось; золотистая пыль точно встала надъ зеленымъ лугомъ. Въ сторонѣ тревожно фыркалъ только что пригнанный сюда табунъ.

Ради почета—принесли серебряное сѣдло, которое занимало столь важное мѣсто въ порядкѣ келейнаго благолѣпія калмыцкаго игумена. Я долженъ быть непремѣнно прокатиться на немъ. Лошади были превосходны. Сильныя, съ огонькомъ...

Прокатился я разъ, какъ вдругъ мнѣ показали маленькаго невзрачнаго конька. Лохматый, запластанный какой-то, такъ рвань водовозная!

— Дикій, недавно приведенъ... Горячій...

А тотъ стоитъ себѣ смиренно, понуривъ голову, и не фыркаетъ даже при нашемъ приближеніи, даетъ себя гладить, съ полнымъ удовольствіемъ даже, потому что морду протягиваетъ.

— Этотъ-то дикій у васъ?

— Очень опасный конекъ... Огонь!

Я расхохотался и вскочилъ на него было. Но тутъ случилось со мною что-то неожиданное. Конекъ какъ-то кинулся на переднія ноги, поддалъ задними, — и я совершилъ самое неграціозное сальто-мортале черезъ голову ему... А я имѣю претензію считаться ѣздокомъ не изъ заурядныхъ!..

Всталъ, встряхнулся. Кажется, ничего не ушибъ — а конекъ стоитъ себѣ, какъ и прежде, такъ же смирно и морду, шельмецъ, протягиваетъ; на-ко—дескать, погладь!.. Даже досадно стало на этого четвероногаго Мефистофеля!

— Хорошій конь, добрый конь будетъ! похваливали его калмыки. Выѣздить только нужно.

— Они его сначала изморятъ, голодомъ доймутъ. Онъ и станетъ у нихъ ласковый, объясняли мнѣ.

— Хитеръ только. Ишь онъ и ушами не пошевельнетъ. Самый степенный съ виду—а на-ко, выкуси!

Въ утѣшеніе мнѣ (а можетъ быть, чтобъ пощадить мое самолюбіе), калмыкъ говорилъ, что въ цѣломъ хурулѣ нѣтъ ни одного наѣздника, котораго бы этотъ лохматенькій пегасъ не сбросилъ на земь... А такъ ничего—всегда ласковый, даже живостью особенно не отличается.

Когда мы вернулись къ Баалдыръ-бахшѣ, столы опять были уставлены блюдцами съ рисовой кашей, бараньей похлебкой и чаемъ. Едва-едва удалось намъ отдѣлаться отъ угощеній любезнаго и гостепріимнаго хозяина.

Было уже поздно. Пора возвращаться на Бирючью косу...

Сумерки тихо окутывали прикаспійскую понизь... Рѣка потускла. Издали доносился величавый гулъ морского прибоя. Чей-то хищный клекотъ точно падалъ сверху; гдѣ-то догорали послѣдніе огнистые тоны вечерней зари. На одной изъ луговинъ выдѣлился въ сумеркахъ силуэтъ верблюда, дальше сверкнуло пламя костра, разложеннаго калмыками.

— Мы совсѣмъ не по тому пути возвращаемся?

— Да, нужно въ Дальчикъ заѣхать.

— Эго что такое?

— Рыбный промыселъ. Такъ, небольшая ватажка...

Дремотно опускались весла въ тусклую воду... Дремотно лодка скользила по узкому разливу воложка. Спустя часъ, уже въ синевѣ ночи блеснули на берегу огоньки, послышался неистовый лай собаки, и мы замѣтили съ каждымъ ударомъ веселъ быстро выраставшую ватагу... Какія-то деревянныя постройки... Какіе-то навѣсы. Челны у берега...

А въ вышинѣ уже теплились яркія южныя звѣзды. Съ луговъ пахло тонкимъ ароматомъ кебеня, да откуда-то, Богъ вѣсть, изъ какой дали, тихо, нервно, то перехватываемый, то разгоравшійся тревожилъ душу грустный напѣвъ калмыцкой флейты.

IX.

На «девяти футахъ».

Пароходъ не долго стоитъ у Бирючьей косы: спуститъ калмыка, приметъ другого и прочь. Скоро мы увидѣли словно повисшій въ голубой дали „четырехбугорный маякъ“. Насъ закачало, морская волна, набѣгая, стала облизывать мокрые борты „Купца“, словно стараясь добросить бѣлые клочья своей пѣны къ намъ на рубку... Въ снастяхъ засвисталъ вѣтеръ, зашелестѣлъ флагъ у мачты и зазмѣился. Лазурный, полувоздушный просторъ прямо въ лица дышалъ своей оживляющей свѣжестью... Скоро, когда берегъ позади совсѣмъ пропалъ и море раскинулось кругомъ царственное и величавое, чарующее своими медлительными валами и таинственно мистическое

въ священномъ покоѣ,—вдали показался цѣлый лѣсъ мачтъ. Я съ любопытствомъ присматривался къ этому пловучему городу. Десятки конторокъ стоятъ здѣсь посреди Каспія на мертвыхъ якоряхъ, сотни судовъ причалили къ нимъ и около... Тутъ ключемъ кипитъ неугомонный трудъ человѣка. Нагружаютъ и разгружаютъ суда. Изъ Астрахани приходятъ мелкосидящія шкуны и пароходы и передаютъ свою кладь морскимъ съ болѣе значительной осадкой... Нельзя себѣ представить ничего оригинальнѣе этой своеобразной улицы домиковъ, выстроенныхъ на баржахъ въ перемежку съ слегка покачивающимися кораблями. Тутъ весну, лѣто и осень живутъ и посягаютъ, играютъ въ винтъ и ссорятся на колышащейся палубѣ подъ вѣчный говоръ волнъ и скрипъ снастей... Кругомъ — ни клочка земли. Темно-синее небо опрокинулось надъ голубымъ моремъ... Огнистыя зори розовымъ заревомъ окрашиваютъ бѣлые паруса подходящихъ и уходящихъ судовъ, стѣны конторокъ, борты пароходовъ. На золотомъ востокѣ по утрамъ и западѣ—по вечерамъ тонко рисуются стройныя мачты съ паутиной снастей, рѣзко выдѣляются черные корпуса большихъ судовъ... Отгоритъ день — погаснетъ небо, чтобы тотчасъ же опять вспыхнуть желтыми, страстными звѣздами южной ночи, и среди сумрака и прохлады тѣ же тысячи звѣздъ заблещутъ внизу съ мачтъ и съ палубъ кораблей, съ бортовъ пароходовъ, изъ оконъ конторокъ; точно пламенныя кометы пробѣгаютъ порою между ними—изъ черныхъ трубъ невидимо движущихся во мракѣ судовъ... Еще ярче кажутся онѣ въ лазурномъ царствѣ каспійской ночи, среди котораго вдругъ случайно родившаяся зазвучитъ иногда хоровая пѣсня и долго будитъ своими смѣлыми раскатами остывающія и засыпающія дали. А мѣсяцъ взойдетъ — въ серебристомъ сіяніи его чуть-чуть мерещатся тогда огоньки этого пловучаго города, но зато самъ онъ выступаетъ кажущимися бѣлыми силуэтами

своихъ такъ красиво рисующихся домовъ-кораблей.... „Девять футовъ“ и днемъ и ночью одинаково прелестны... Не хотѣлось даже уходить отсюда, хотя за ними чудились еще болѣе заманчивыя дали. Во второй разъ насъ доставилъ сюда уже „выздоровѣвшій“, щегольски отдѣланный и педантически опрятный пароходъ „Кавосъ“, на которомъ, дѣйствительно, казалось весело всѣмъ—такое свѣтлое производилъ онъ впечатлѣніе. Тогда именно, стояла такая чудная ночь, когда не хотѣлось сходить съ палубы. Тѣмъ болѣе, что позади въ Астрахани мы оставили за собою собачій холодъ, а тутъ на насъ своимъ нѣжащимъ тепломъ дышалъ благодатный югъ на зло послѣднимъ числамъ октября, скврнаго вездѣ, но въ низовьяхъ Волги особенно отвратительнаго.

Зато, когда мы приближались сюда лѣтомъ, вмѣстѣ съ тепломъ насъ отовсюду охватывалъ густой и на первыхъ порахъ довольно таки противный запахъ мазута—тонкаго слоя нефти, на громадное пространство покрывающаго море. Поэтому нѣкоторые называютъ Каспій „нефтянымъ моремъ“. Та же вонь несется изъ безчисленныхъ пароходныхъ трубъ, ее же выбрасываютъ печи конторокъ,—дѣваться отъ нея здѣсь некуда, и поневолѣ надо съ нею мириться. На „девяти футахъ“ еще издали бросились въ глаза намъ громадныя наливныя желѣзныя шкуны Нобеля, красные корпуса которыхъ съ толстыми башнями на нихъ такъ рѣзко выдѣляются на голубомъ просторѣ. Ихъ замѣчаешь прежде всѣхъ другихъ и потомъ уже вашъ взглядъ останавливается на стройныхъ трехмачтовыхъ парусныхъ судахъ и на большихъ морскихъ пароходахъ. Вотъ чуть-чуть колышется громадный „Барятинскій“, въ противоположномъ направленіи покачивается ожидающій насъ „Великій Князь Константинъ“ а еще далѣе стоятъ пока на якоряхъ „Проворный“, какая-то „образомъ нелѣпая“ и растопыренная персидская паровая посудина съ пестрымъ львомъ и еще болѣе пе-

стрымъ солнцемъ у его хвоста, изображенными на ея носу; вонъ другая, такая же, только еще неуклюжѣе, пыхтитъ и дѣлаетъ тщетныя усилія перебраться подальше. Эта изъ Энзели и тоже персидская... Стройно и красиво, „грудью впередъ" идетъ намъ на встрѣчу опѳренная парусами шкуна... Вся бѣлая, она удивительно изящна среди этой вверху и внизу чистой лазури. Полымемъ горятъ на ней подъ южнымъ солнцемъ красныя рубахи матросовъ, принарядившихся сегодня ради праздника. Яркимъ зеленымъ пятномъ чудится на палубѣ какая-то баба... Приваливъ на своемъ маленькомъ „Купцѣ" къ борту громаднаго для Каспійскаго моря „Великаго Князя Константина", мы оставались здѣсь до самаго вечера, когда легкій туманъ поднялся надъ остывающей стихіей. Вся горя заревымъ золотомъ, она уходила въ розовую мглу, осіянную прощальными лучами заходившаго солнца... Алыѳ тоны заката густѣли и густѣли; скоро и море, будто пожарище горѣвшее до тѣхъ поръ, померкло, покраснѣло, какъ раскаленная мѣдь, потомъ стало тускнуть, и живо тихія сумерки смѣнили ярко сіявшій день. Сначала робко намѣтились въ безоблачныхъ небесахъ созвѣздія, невиданныя на сѣверѣ; полярная звѣзда ушла далеко, далеко назадъ; мало-по-малу великолѣпно разгорался млечный путь... „Великій Князь Константинъ" далъ третій свистокъ и двинулся на югъ... Мы проходили мимо рыбницъ, стоявшихъ на якоряхъ. Глядя сверху внизъ съ высокой палубы нашего парохода на низкія этихъ судовъ, я дѣлаюсь невольнымъ свидѣтелемъ супружескихъ нѣжностей отважныхъ рыболововъ, поселившихся тамъ съ семьями... Около меня показывается что-то громадное и косматое; всматриваюсь—утренній, поражавшій своей необыкновенной шашкой интендантъ воинственно драпируется какою-то необыкновенно всклоченною, словно дыбомъ ставшей, буркой...

— Скоро начнетъ качать?—трепетно допрашиваетъ онъ у перса-матроса.

— Гхарруши пагодамъ будытъ!

— Почему это ты думаешь?

— Не одына гасспадынъ піана нѣтъ...

Улыбаясь невольно этой оригинальной примѣтѣ, я ухожу внизъ, въ каюту...

Пароходъ „В. К. Константинъ“—одинъ изъ лучшихъ ходоковъ по Каспійскому морю. Разумѣется, отъ морскихъ нельзя требовать удобствъ рѣчныхъ паровыхъ судовъ. Каюты на первыхъ меньше и вообще нѣтъ того простора, но за то чистота повсюду педантическая, кухня прекрасная, а капитанъ и его помощники дѣлаютъ съ своей стороны все, чтобы путешествіе являлось дѣйствительнымъ удовольствіемъ для пассажировъ. Командиръ „Константина“, баронъ Вреденъ, когда засвѣжѣло и начало насъ покачивать, круто повернулъ направо и, пользуясь своимъ отличнымъ знаніемъ здѣшнихъ мѣстъ, пошелъ берегомъ. Такимъ образомъ, когда на Каспіѣ разыгралось довольно-таки сильное волненіе, мы шли безмятежно, воображая, что погода стоитъ тихая и море улеглось, какъ ребенокъ въ колыбели.

— Вѣдь это рискованно идти вдоль берега? — спрашиваетъ кто-то въ темнотѣ.

— Смотря для кого. Вреденъ 12 лѣтъ на парусныхъ судахъ ходилъ—онъ морякъ опытный. Съ нимъ еще ни разу не случалось приключеній.

— Что правда, то правда! И пароходъ лучше многихъ новыхъ. Его машина двадцать шесть лѣтъ каторжной работы выдержала безъ всякихъ исправленій. На ходу она не бьетъ, не заставляетъ корпусъ судна вздрагивать, не глушитъ васъ своими ударами, не одуряетъ шумомъ.

Прелести „Константина“ заключались хорошей ванной, которой мы поочереди и пользовались. Команда работала въ такой тишинѣ, что невольно насъ, находившихся ввер-

ху на рубкѣ, ко сну клонило. Матросы и лоцманы здѣсь персы. Ихъ берутъ предпочтительнѣй передъ русскими. Они скользятъ мимо босикомъ. Странная манера: ноги голы, а животъ перетянутъ широкими шерстяными тканями. Такъ же они и зимою обходятся.

Привыкнувъ до-сихъ-поръ слышать, что русскіе рабочіе—первые въ мірѣ, я былъ крайне изумленъ предпочтеніемъ, отданнымъ здѣсь персіанамъ. Разспросивъ командира парохода и служащихъ, я узналъ слѣдующее: за русскаго нельзя поручиться, чтобы онъ въ самый критическій моментъ не оказался пьянымъ, а персы не пьютъ вовсе; первые капризны и заносчивы, вторые же довольствуются тѣмъ, что̀ имъ даютъ, и никогда ни на что не жалуются. Правда, они—плохіе моряки, но зато подъ надлежащимъ присмотромъ ѳпытныхъ людей своею исполнительностью заглаживаютъ этотъ недостатокъ. Изъ всего, что̀ мнѣ говорили, я могъ заключить, что кромѣ дѣйствительно пагубной привычки пить—русскіе отличаются хорошимъ, но въ данномъ случаѣ неособенно удобнымъ качествомъ: въ нихъ болѣе развито сознаніе собственнаго достоинства, и они привыкли выше оцѣнивать свой трудъ. Персы съѣдятъ вечеромъ горсточки по двѣ рису—и довольны, отъ жалованья въ 18 руб. въ мѣсяцъ у нихъ остается навѣрно 16, которые они и привозятъ домой, плюсъ 24 руб. награды, выдаваемой имъ въ качествѣ преміи, если они проживутъ здѣсь цѣлый годъ. Это имѣетъ особенное значеніе. Дѣло въ томъ, что персы—отличные семьяне и страстно привязаны къ своимъ женамъ и дѣтямъ. При остановкахъ парохода въ родномъ городѣ, они сейчасъ бѣгутъ домой со всѣми своими экономіями. Часто случается, что по третьему звонку на палубѣ изъ шестнадцати человѣкъ экипажа оказывается только десять, восемь. Остальные, не имѣвъ силъ распроститься съ женой и дѣтьми, прячутся у нихъ.

— Вѣдь, это же для командующаго судномъ стóитъ русскаго пьянства!

— Да, но зато на борту корабля персъ трезвъ, внимателенъ и въ высшей степени аккуратенъ.

Нужно видѣть, какъ персъ-рулевой выстаиваетъ на своемъ дѣлѣ по нѣскольку часовъ. Босоногій лоцманъ не отводитъ зоркаго взгляда отъ моря; заговорите съ нимъ—онъ вамъ не отвѣтитъ. Онъ знаетъ Каспій, больше, онъ угадываетъ его по вдохновенію какому-то... Плывемъ, плывемъ—вдругъ пароходъ поворачиваетъ. Подходитъ къ лоцману помощникъ капитана.—„Зачѣмъ ты измѣнилъ курсъ. Вѣдь, въ прошлый разъ мы отлично прошли тутъ?“ —„Да... А теперь море должно было „испортиться“ здѣсь, —говоритъ онъ на свой гортанный манеръ, путая слова. Оно наглоталось видно камней изъ той рѣченки...“ И когда мы черезъ недѣлю—двѣ проѣзжали здѣсь же, на „угаданномъ“ персомъ-лоцманомъ мѣстѣ торчала изъ воды мачта шкуны, напоровшейся на случайную мель и благополучно утонувшей. На „Кавосѣ“ былъ одинъ боцманъ-персъ. Видимое дѣло,—человѣкъ со средствами. Онъ отлично одѣтъ, но такъ же, какъ и его младшій товарищъ, ходитъ босикомъ и ѣстъ свою горсточку рису, не зная иной пищи. За ними приходится смотрѣть въ оба только во время праздниковъ шахсей-вахсей. Они въ это время, въ теченіе мѣсяца, не ѣдятъ цѣлые дни и не пьютъ, разрѣшая себѣ это только съ появленіемъ звѣзды на небѣ. Поэтому на утомительной морской работѣ они обезсиливаютъ до послѣдней возможности... Изъ всѣхъ персовъ—хозяева судовъ и капитаны пароходовъ предпочитаютъ персовъ бакинскихъ, какъ самыхъ смышленыхъ и сильныхъ. Любо было смотрѣть на ихъ неустанную и молчаливую возню на „Константинѣ“. Выдастся нѣсколько минутъ отдыха, подожметъ на полу корточки и, мечтательно глядя въ лазурную даль, запоетъ одну изъ тѣхъ наивныхъ восточныхъ „гаасли“, отъ которыхъ

такъ и повѣетъ на васъ запахомъ южныхъ розъ, зноемъ незнающаго пощады солнца и муками сердца, исходящаго кровью отъ нераздѣленной любви...

X.

Чечня въ туманѣ.

Ночью мы подошли къ чеченскому берегу. Утромъ пароходъ сильно закачало. Въ сосѣднихъ каютахъ послышались стоны и жалобы. Я выбрался на палубу, памятуя, что свѣжій воздухъ лучше всего въ этомъ отношеніи. Къ моему удивленію, вѣтра не было, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ вчера.

— Чтó это значитъ? Отчего такъ качаетъ?

— А Чечня! Здѣсь почти всегда,—указалъ мнѣ капитанъ смутно рисовавшіяся на западѣ горы.—Случается, море чуть-чуть только шевелится, а дойдешь до этихъ береговъ и начнетъ валять... Сегодня еще слава Богу. А при юго-восточномъ вѣтрѣ для непривычнаго—адъ.

На палубѣ почти всѣ пассажиры лежали въ повалку. Между ними, какъ призраки, двигались персы-матросы, помогая женщинамъ, унося однихъ внизъ, другихъ поддерживая у борта. Мы идемъ прямо на югъ. Петровскъ —скоро, и тамъ должна окончиться эта мука. Вонъ налѣво торчатъ изъ воды мачты должно быть тоже разбитой шкуны; вокругъ на волнахъ радужные оттѣнки мазута, очевидно, она была налита нефтью. Масло, какъ видите, въ противорѣчіе всѣмъ показаніямъ англійскихъ и нѣмецкихъ плавателей, въ данномъ случаѣ вовсе не унимало волненія, какъ не уняло его черезъ мѣсяцъ, когда около насъ разбило одно суденышко съ нефтью, а волны подъ нею такъ же бушевали, какъ и до этой ава-

ріи. Солнце поднимается все выше. Горы Чечни—словно придвигаются къ намъ, еще какъ будто бы окутанныя туманомъ. Однѣ за другими вершины ихъ выступаютъ на западѣ—невысокіе хребты, кажется, вдвигаются въ море, хотя между нимъ и берегомъ разстилается плоскость, омываемая рѣкою Сулакомъ... Другіе позади идутъ амфитеатромъ... Между ними и моремъ полоса воздуха; чудится, что они висятъ надъ землей, не имѣя съ нею ничего общаго. Все такъ легко, такъ прозрачно, такъ едва-едва намѣчено, что ждешь—поднимется солнце выше и что ото всего этого миража не останется ничего. Однѣ волны будутъ нестись туда въ безконечную даль. Но день становился все жарче и ярче, а горы Чечни не пропадали и не обрисовывались рѣзче. Все тѣ же полувоздушныя, сливающіяся однѣ съ другими. Всѣ въ недоконченныхъ полутонахъ. За ними—и то въ бинокль—можно было различить то преступавшіе, то вновь исчезавшія вершины Андійскаго хребта—этого главнаго гнѣзда нѣкогда воинственнаго, а теперь смирившагося племени, мало-по-малу вымирающаго подъ напоромъ чуждыхъ имъ условій русской жизни, а главное, подъ просвѣщеннымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ рьяныхъ господъ, самозванно облекшихся здѣсь миссіей просвѣтительства. Сѣверная часть Чечни вся обрисовывается передъ нами плоскогорьями, и надъ нею уже висятъ конусы южной, до сихъ поръ невѣдомо какъ сохранившей свои лѣса. Эти черныя горы—настоящая твердыня, гдѣ каждый рѣшительный воинъ и хорошій стрѣлокъ обойдется во сто жизней. Тутъ хребты перепутываются такими узлами, что самые опытные люди теряются въ нихъ. Долины похожи на какіе-то провалы, ущелья—являются трещинами, по которымъ съ немолчнымъ ревомъ бѣгутъ потоки... Еще недавно—въ тридцатыхъ годахъ—какъ плоскогорья, такъ и южная часть Андійскаго хребта были покрыты роскошными вѣковыми лѣсами, въ которыхъ, не пробуя топора,

росли самыя драгоцѣнныя деревья. Были цѣлыя мѣстности, гдѣ дѣвственныя дебри знали только ревъ звѣря и никогда не слыхали человѣческаго голоса. Первый врубился въ нихъ безпощадными просѣками Ермоловъ. Его подражатели неистово истребляли лѣса; и тамъ, гдѣ ничего не могъ сдѣлать топоръ, пускали въ ходъ огонь. Теперь сѣверныя плоскогорья обезлѣсѣли совсѣмъ, а у Сулака есть цѣлыя версты, гдѣ земля сухая и потрескавшаяся, какъ кожа ящерицы, стала окончательно неспособной даже питать жалкую траву; только голубые цвѣты и синеватыя, ползучія, сухія вѣтви колючки разстилаются тамъ, гдѣ шумѣли торжественно и величаво непроходимые боры. Нельзя сказать, чтобы мы явились здѣсь благодѣтелями! Съ уничтоженіемъ лѣсовъ высохли рѣки, климатъ измѣнился къ худшему, и тамъ, гдѣ у вольныхъ чеченцевъ росли въ садахъ нѣжнѣйшія деревья южной флоры, теперь дозрѣваютъ болѣе грубые плоды... Разумѣется, чуть-чуть дальше — дѣло измѣняется. Въ чудомъ уцѣлѣвшихъ лѣсахъ Андійскаго хребта и въ его долинахъ громадные дубы, чудовищныя чинары, карагачи въ самое жаркое лѣто защищаютъ убогія лачуги горцевъ отъ солнечнаго зноя. Орѣхи и клены переплетаются съ дикою грушей въ непроницаемыя стѣны. Отвѣсы скалъ покрыты движущимися подъ вѣтромъ сѣтями спустившагося сверху винограда... Изрѣдка встрѣчается поле съ кукурузой, просомъ и пшеницей... Въ равнинѣ Терека и Сунжи славятся бахчи арбузовъ и дынь и начинается царство винограда, изъ котораго добываютъ такъ-называемое кизлярское вино. Здѣсь же въ послѣднее время выдѣлываются и тѣ сорта винъ, которые потомъ идутъ въ продажу подъ именемъ астраханскихъ. Въ горныхъ узлахъ, въ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтра, у бѣшено несущихся потоковъ, въ устьяхъ ущелій, выходящихъ на залитыя солнцемъ плоскости, раскинулись чеченскія села (аулы), поселки

5

(юрты) и хутора (хутаны). Всего чеченцевъ по кавказскимъ статистическимъ свѣдѣніямъ 1881 г. считается въ настоящее время около 165,000 д. обоего пола. Пока въ ихъ жизнь не вмѣшалась наша администрація—они любили селиться гнѣздами, т. е. гдѣ-нибудь на вершинѣ скалистой горы какъ можно неприступнѣе лѣпился аулъ — а вокругъ, внизу по лѣсамъ, полямъ и долинамъ раскидывались хутаны и юрты, игравшіе роль, такъ сказать, чисто хозяйственную. Политическая жизнь билась на утесахъ—практическая дѣятельность вся совершалась внизу... До сихъ поръ уцѣлѣли здѣсь урочища, при однихъ именахъ которыхъ воодушевляются старые кавказцы. Скажите имъ про Дарго, про Ведень, Шали, Маюртупъ или Валерикъ, воспѣтый Лермонтовымъ, и вы не оберетесь разсказовъ, ставшихъ уже легендой. Въ Дербентѣ есть старики, помнящіе знаменитую сухарную экспедицію, служившіе подъ начальствомъ генерала Галафеева и участвовавшіе въ штурмѣ Веденя въ 1859 г Эти отошедшіе въ область преданій бои въ горныхъ узлахъ, рыцарскія схватки грудь съ грудью, засады и вылазки, гдѣ звѣриная хитрость часто соединялась съ безпримѣрнымъ мужествомъ и жестокость чисто волчья съ идиллическою нѣжностью—ждутъ своего Вальтеръ-Скота. Странно, что изъ нашихъ романистовъ никто еще не пробовалъ разработать этотъ богатый матеріалъ. Какіе типы даетъ кавказская война и какую несравненную декорацію для повѣствователя!.. Не тутъ-ли искать сильныхъ характеровъ и необычайныхъ событій? А судьба этихъ орловъ—нѣкогда свободныхъ рыцарей-горцевъ, запертыхъ нынче въ административныхъ курятникахъ, горцевъ, братья которыхъ тысячами вымираютъ въ Анатоліи и Сиріи, поселенные турецкимъ правительствомъ среди враждебныхъ имъ племенъ!

XI.

Чеченцы.

По своимъ преданіямъ, чеченцы пришли сюда съ низовьевъ Волги. Ихъ предокъ выселился оттуда со всѣми своими чадами и домочадцами, стадами и богатствами въ горы, окружающія Ханкальское ущелье въ семи верстахъ отъ Грознаго. Онъ построилъ родъ крѣпости, обнесъ ее частоколомъ, что не помѣшало тремъ разбойникамъ задумать убить богатыря и имущество его раздѣлить между собою. Не успѣвъ ворваться къ нему силой, они выдали за него замужъ свою сестру, славившуюся умѣньемъ приготовлять сыры; красавица должна была выбрать время и зарѣзать мужа. Чрезъ нѣсколько времени братья пришли къ ней, воображая, что дѣло уже сдѣлано, но оказалось, что она стала отличною женою и любитъ мужа болѣе, чѣмъ своихъ братьевъ. Послѣдніе убрались прочь, назвавъ богатыря и свою сестру *нохчи* (сыръ, творогъ), и это имя осталось за цѣлымъ племенемъ. Чеченцы до сихъ поръ называютъ себя такъ и считаются потомками богатыря изъ Ханкальскаго ущелья. Они дѣлятся на роды, разселившіеся по всѣмъ мѣстамъ, но тѣсно связанные обычаемъ и взаимными обязательствами. *Аулъ—случайное* соединеніе нѣсколькихъ сотенъ людей, неимѣющихъ ничего общаго между собою, *родъ*—крѣпость, гдѣ они чувствуютъ себя сильными и непобѣдимыми. Чеченцы одной и той же фамиліи, хотя бы они и не знали другъ друга,—стоятъ одинъ за другого, сообща мстятъ врагамъ и сообща защищаются. Въ 1880 и 1881 г. въ редактируемыхъ извѣстнымъ авторомъ „Аѳона" Н. Благовѣщенскимъ *Терскихъ Вѣдомостяхъ*, издающихся въ Владикавказѣ, Н. Семеновъ напечаталъ свое замѣчательное изслѣдованіе о человѣческомъ народѣ. Онъ

совершенно сходится съ Берже и другими лицами, изучавшими горныя племена Кавказа. „Всѣ члены одной фамиліи за каждаго изъ нея и каждый изъ нихъ за всѣхъ —говоритъ онъ;—свои всегда правы, чужіе всегда виноваты; противъ чужихъ ничего не преступно, напротивъ, если поступокъ противъ нихъ полезенъ и выгоденъ фамиліи, то онъ всегда похваленъ. Членъ своего рода, гдѣ бы и что̀ бы онъ ни былъ,—всегда братъ и имѣетъ права на помощь.“ Наши администраторы оказались безсильными въ борьбѣ съ этимъ обычаемъ. И теперь, если, наприм., чеченецъ Чоропскаго рода, будучи хоть за 70—100 верстъ, услышитъ, что убито одно изъ лицъ, носящихъ общую съ нимъ фамилію, хотя бы ему неизвѣстное вовсе, онъ беретъ кинжалъ и ружье, сѣдлаетъ коня и стремится для кровавой расправы, хотя одинъ противъ цѣлаго аула, на вѣрную смерть...

И дики тѣхъ ущелій племена,
Ихъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война.
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ битвъ и дѣлъ необычайныхъ!

Что они и теперь остались такими же—доказываетъ 1877 годъ. Усмиреніе мятежа, охватившаго какъ Чечню, такъ и Дагестанъ во время нашей войны съ Турціей — было, въ сравнительно меньшемъ масштабѣ, повтореніемъ кавказской горной эпопеи. Мы не помиримъ съ собою здѣшняго горца до тѣхъ поръ, поко не станемъ относиться съ уваженіемъ къ его человѣческой личности. Онъ можетъ имѣть какіе угодно пороки (и есть-ли народъ безъ упрека въ этомъ отношеніи!), но одному онъ всегда былъ чуждъ: чеченецъ никогда не являлся рабомъ и всегда отстаивалъ свою честь и свое достоинство. Ему легче умереть, чѣмъ поступиться тѣмъ и другимъ. Смерть для него не страшна. Побѣжденный, онъ терпитъ побѣдителя, но не ползаетъ передъ нимъ и не ждетъ его милостей. Какъ во времена оны—„наши отряды, по словамъ

Пассека, были кораблемъ, который все разрѣжетъ, куда ни идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣдовъ, гдѣ прошелъ: ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности“—такъ и теперь. Регламентація, административные порядки, вторгаясь въ чуждую имъ жизнь, ни мало не измѣняютъ ее. Люди ожесточаются, вымираютъ, но не усвоиваютъ себѣ навязываемыхъ имъ нравовъ. Говорятъ, что чеченецъ очень жестокъ, что онъ безпощадно истребляетъ слабаго врага, но вѣдь этотъ врагъ вторгался къ нему, уничтожалъ его аулы, жегъ его лѣса, вытаптывалъ жалкіе клочки обработанной земли. Его обвиняютъ въ двуличности и лживости, но не слишкомъ-ли много требовать благородства и прямодушія отъ племени, захваченнаго нами, такъ сказать, въ средневѣковой періодъ его развитія—это разъ, а во-вторыхъ, отъ слабаго и разбитаго врага, имѣющаго дѣло съ сильнымъ. Образецъ истиннаго джентльментства—текинцы, эти легендарные полу-рыцари, полу-разбойники, такъ искренно признавшіе послѣ разгрома Геокъ-Тепе нашу власть, развѣ они теперь, когда прошло только нѣсколько лѣтъ, остались такими же? Развѣ въ Мервѣ и Асхабадѣ уже не слышатся упреки въ коварствѣ, лживости и двуличности, обращенные къ нимъ? Побѣдитель—не церемонится, побѣжденный долженъ поневолѣ хитрить и притворяться до тѣхъ поръ, пока ему не покажется, что сила на его сторонѣ. Право, нельзя требовать отъ полудикаго горнаго народа, чтобы онъ въ этомъ случаѣ являлъ примѣры идеальнаго великодушія, правдивости, прямоты—когда мы видимъ, что и въ христіанскихъ провинціяхъ—европейцы, побѣжденные европейцами же, поневолѣ дѣлаются не лучше затравленныхъ хищниковъ кавказскихъ горъ. Къ своимъ эти довѣрчивы до глупости. 1877 годъ въ этомъ отношеніи весьма знаменателенъ. Зандаковскій чеченецъ Али-Бекъ-Хаджи-Алдамовъ сталъ разсказывать ичкеринцамъ, что русскіе всѣхъ солдатъ услали въ Турцію и надуваютъ

горцевъ, переодѣвъ въ военное платье женщинъ; что Кази-Магома (сынъ Шамиля) во главѣ войскъ султана уже занялъ Тифлисъ и двинулся къ нимъ, ичкеринцамъ, —этого было совершенно достаточно, чтобы вся Ичкерія поднялась,—не вѣря нашимъ властямъ и ни мало не сомнѣваясь въ дѣйствительности розсказней Хаджи Алдамова. Оно и понятно: всегда легко вѣрить тому, чего хочешь, и чѣмъ страстнѣе желанія, тѣмъ беззавѣтнѣе вѣра.

XII.

Оффиціальные этнографы и дѣйствительность.

Чеченцевъ обвиняютъ (преимущественно писатели изъ чиновниковъ) въ томъ, видите-ли, что они недостаточно нѣжны и внимательны къ своимъ женамъ, не цѣлуютъ и не ласкаютъ своихъ дѣтей и потому, *разумѣется*, (почему „разумѣется“?), не любятъ ихъ. Ну, а русскій крестьянинъ нѣженъ къ своей супругѣ? Значитъ-ли изъ этого, что онъ не чувствуетъ къ ней никакой привязанности? Удивительный, право, въ этомъ отношеніи пріемъ нашихъ этнографовъ. Составятъ себѣ кодексъ идеальныхъ добродѣтелей, подъ который если подвести любой цивилизованный народъ, то окажется, что онъ гораздо хуже, чѣмъ тѣ же чеченцы, а отъ сихъ послѣднихъ оффиціальный изслѣдователь именно и требуетъ, чтобы они вполнѣ соотвѣтствовали всѣмъ высокимъ требованіямъ его прекрасной души. Прочтите „La terre“ Эмиля-Золя— и скажите, чѣмъ французскій крестьянинъ выше несчастнаго, лишеннаго всякихъ человѣческихъ правъ, чеченца? Этотъ, видите-ли, наклоненъ къ хищничеству. Ну, а Бюто не наклоненъ къ нему, а просвѣщенный мореплаватель Джонъ Буль, а выпученный Михель сво-

бодны отъ этого упрека, а деревенскій Иванъ Еремѣевъ, разъ почувствуетъ силу,—не сожметъ въ ежовыхъ рукавицахъ все дышащее окрестъ? Разумѣется, и мосье Бюто, и герръ Михель, и нашъ Иванъ Еремѣевъ усвоили себѣ болѣе утонченные пріемы головотяпства. Какой-нибудь Амадъ Адаевъ до нихъ не доросъ, и тогда, когда Бюто будетъ выбранъ впослѣдствіи мэромъ, а Иванъ Еремѣевъ—волостнымъ старшиной, — Ахмедку рано или поздно погонятъ въ каторжныя работы; но между правдою юридической и нравственной — цѣлая пропасть, и терпя нашихъ хищниковъ „на законномъ основаніи", не станемъ уже очень набрасываться на незнающаго закона, но отлично владѣющаго кинжаломъ Ахмедку. Вмѣсто того, не полезнѣе ли было бы войти въ его положеніи, какъ прилично добрымъ опекунамъ, разобрать по душѣ, чего этотъ неистовый Ахмедка головотяпствуетъ и нельзя ли его какъ-нибудь угомонить „тихо, смирно и благородно"?

Чеченскія народныя пѣсни лучше всего опровергаютъ показанія оффиціальныхъ сентименталовъ о томъ, будто бы эти „варвары неспособны любить". Вотъ, между прочимъ, одна изъ такихъ пѣсенъ въ моемъ посильномъ переводѣ.

Я съ ними дрался и ночью и днемъ,
Какъ вдругъ говорятъ мнѣ—„въ аулѣ родномъ
Твоя умираетъ Фатима".

Какъ трусъ я позорно изъ битвы бѣжалъ,
И вѣтеръ тоскуя мнѣ въ уши свисталъ:
„Скорѣй! умираетъ Фатима!.."

Лишь только домчался къ семьѣ я родной,
Гляжу—засыпаютъ могилу землей...
Землей засыпаютъ Фатиму.

Я кинулся, землю отрылъ я едва—
Лежитъ она, вижу, блѣдна и мертва...
Что дѣлать? спросилъ я Фатиму.

Куда же отсюда направлюся я?
„Измѣнникъ и трусъ"—меня встрѣтятъ друзья...
Куда мнѣ дѣваться, Фатима?

Одно остается мнѣ—смѣлой рукой
Кинжалъ себѣ въ сердце вонзить и съ тобой—
Улечься въ могилу, Фатима!..

Кто такъ способенъ чувствовать и любить, того нельзя назвать дикаремъ, доступнымъ только однимъ грубымъ и животнымъ инстинктамъ!..

Я останавливаюсь на этомъ несправедливомъ отношеніи къ горнымъ племенамъ Кавказа, потому что это — именно явленіе послѣдняго времени. Прежде, когда Кавказъ былъ полонъ людьми, участвовавшими въ бояхъ Чечни, Дагестана и Западнаго берега, когда здѣсь занимали мѣста богатыри, еще недавно мѣрявшіеся съ витязями, жившими въ орлиныхъ гнѣздахъ, — отношеніе къ мѣстному поселенію было болѣе человѣчное.

Я только противъ огульныхъ обвиненій. Если бы они не вызывали разныхъ мѣропріятій—Господь съ ними—лайся, если есть охота. Жаль, что на нихъ основывается то или другое отношеніе къ „полудикимъ варварамъ, жестокимъ убійцамъ, хищникамъ, неисправимымъ ворамъ" и т. д. Оффиціальная номенклатура богата и не такими, хотя въ сущности рѣшительно ничего не доказывающими эпитетами. Говорятъ, что чеченецъ не трудится, а только воруетъ. Хорошо, а кто же ухитрился навезти съ нечеловѣческими усиліями землю изъ долинъ на каменныя скалы недоступныхъ горъ, и часто даже не навезти, а нанести чуть ли не пригоршнями, укрѣпить эти клочки искусственно созданныхъ полей каменною кладкою и разбить на нихъ сады, гдѣ каждое дерево было лелѣемо, до тѣхъ поръ, пока не пришли побѣдители и не уничтожили этого? Кто же въ потѣ лица своего трудился надъ рубкою вѣковыхъ деревьевъ, которыя едва-едва беретъ топоръ?... Вѣдь если бы „воры - чеченцы"

только махали шашками, да обкрадывали другъ-друга, то давно бы отъ нихъ не осталось ни одной живой души, а ранѣе наступило бы время, когда и воровать имъ нечего было. Чеченецъ, видите ли, „не вѣря никому, зарываетъ кувшины съ серебряными деньгами въ углу сакли или двора“. Но, во-первыхъ, гдѣ онъ достанетъ эти деньги? А нашъ мужикъ, если ему удастся завести кубышку—не зарываетъ ее тоже?... Да, вѣдь, куда же и дѣвать ихъ? Сберегательныхъ кассъ и банковъ нѣтъ въ деревняхъ и аулахъ. Чеченцы — конокрады, — вопіютъ господа-начальство, это у насъ на Руси, гдѣ конокрадство въ нѣкоторыхъ губерніяхъ является чуть ли не организованнымъ промысломъ. Обвиняется въ полной беззаконности цѣлое племя, въ средѣ котораго живутъ, крѣпкіе и охватывающіе всю его дѣятельность, всѣ взаимныя отношенія — обычаи (адатъ). Адатъ этотъ, какъ мощное дерево, пустилъ корни въ самую глубь народа и переплелъ и перевилъ своими узловатыми и твердыми развѣтвленіями каждую мельчайшую черту, каждую особенность и каждую личность. Адатъ требуетъ уваженія младшихъ къ старшимъ и въ то же время обезпечиваетъ за младшими ихъ человѣческое достоинство. Всякій старикъ можетъ потребовать услугъ отъ юноши, но послѣдній въ случаѣ нужды обращается къ помощи старшаго, и тотъ обязанъ ему оказать ее. Если хоть кровный врагъ заѣхалъ къ чеченцу — онъ дѣлается въ домѣ послѣдняго другомъ и братомъ. Гость старшій въ домѣ, хозяева его слуги. Гостя-врага защищаютъ, жертвуя своей жизнью, его враги — хозяева; за убитаго гостя долженъ мстить убійствомъ же хозяинъ; если гостя обокрали—хозяинъ возвращаетъ ему сумму, въ какой выражается потеря перваго. Гость говоритъ: мнѣ нравится такая-то вещь — хозяинъ уступаетъ ему немедленно. Случайно съѣхавшіеся на одномъ пути — братья. Минуту назадъ они не знали о существованіи другъ дру-

га — теперь же должны „беззавѣтно помогать и защищать одинъ другого. Преступно прикоснуться къ платью чужой женщины; оскорбленіе, нанесенное женщинѣ,—кладетъ пятно не только на виновнаго, но и на всѣхъ носящихъ съ нимъ одну фамилію. Соблазнитель дѣвушки дѣлается чужимъ всѣмъ до тѣхъ поръ близкимъ ему людямъ. Его выдаютъ головою. Достоинство свое надо сохранить всегда и вездѣ: не кричи, не плачь, не издавай стоновъ, если съ тебя даже сдираютъ кожу. Пусть за тобою несется погоня, пусть тебя убьютъ сейчасъ — но черезъ селенія проѣзжай медленно и гордо, чтобы не сочли тебя трусомъ... И этотъ „адатъ" существуетъ не какъ нашъ писанный законъ, т.-е. не для свѣдѣнія и неисполненія, — нѣтъ, — нарушенія его въ горныхъ кланахъ немыслимы. Лазейки и обходы, столь усердно практикуемые цивилизованною расою, — чужды „варварамъ и разбойникамъ чеченцамъ".

Симпатичныя стороны чеченцевъ сказываются въ ихъ былинахъ и пѣсняхъ. Бѣдный по количеству словъ, но чрезвычайно образный языкъ этого племени какъ будто созданъ, по словамъ знающихъ изслѣдователей Андійскаго хребта, для легенды и сказки наивной и поучительной въ одно и то же время. Униженные хвастуны, наказанные завистники и хищники, торжество великодушныхъ, хотя иногда и слабыхъ, уваженіе къ женщинѣ, являющейся помощницей мужу и товарищемъ,—вотъ корни народнаго творчества въ Чечнѣ. Присоедините къ этому — остроуміе горца, его умѣніе шутить и понимать шутку, веселость, нераздѣльную съ его живостью, веселость, которую не осилило даже тяжелое нынѣшнее положеніе этого племени, — и вы, разумѣется, при всемъ своемъ уваженіи къ мундирнымъ моралистамъ, согласитесь со мной, что чеченцы народъ какъ народъ, ничѣмъ не хуже, а пожалуй и получше всякаго другого, выдѣляющаго изъ своей среды такихъ добродѣтельныхъ и

безпощадныхъ судій. Способности этого племени — внѣ всякихъ сомнѣній. Изъ кавказскихъ интеллигентовъ есть уже много чеченцевъ; въ школахъ и гимназіяхъ, гдѣ учатся они — ими не нахвалятся. Тѣ, которые высокомѣрно унижаютъ непонятнаго имъ горца, должны въ то же время согласиться съ г. Семеновымъ, напримѣръ, который при всей строгости отношенія къ маленькимъ порокамъ Чечни не могъ не сдѣлать вывода, что, разговаривая съ простымъ чеченцемъ, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ чуткимъ къ такимъ явленіямъ общественной жизни, которыя почти недоступны нашему крестьянину среднихъ губерній. А послѣ такого заключенія какъ-то даже непонятно становится, какимъ образомъ тотъ же почтенный авторъ считаетъ этого „полудикаря“ чуть ли не исчадіемъ рода человѣческаго?

XIII.

Сказаніе объ ученомъ муллѣ Нассырѣ-Эддинѣ.

Пока „В. К. Константинъ“ зарывается въ волны Каспія то носомъ, то кормою, не переставая въ то же время переваливаться съ одного борта на другой, мы, пользуясь двумя-тремя часами, остающимися намъ до Петровска—первой остановки въ нашемъ морскомъ странствіи— передадимъ здѣсь двѣ - три сказки чеченцевъ. Не станемъ останавливаться на героическихъ и фантастическихъ. Богатырскій и волшебный эпосъ у всѣхъ народовъ почти одинаковы. Особенности племени сказываются гораздо ярче въ юморѣ его, хотя и тутъ есть много общаго между какимъ-нибудь чеченцемъ, выросшимъ въ горныхъ узлахъ Андійскаго хребта, и нашимъ владимірскимъ пахотникомъ. И тамъ и здѣсь народное твор-

чество одинаково добродушно подтруниваетъ надъ муллой и батькой, надъ кадіемъ и судіей неправеднымъ. Это, такъ сказать, общеобязательныя темы, но изъ нихъ у чеченцевъ особенно выдѣляются сказанія о знаменитомъ Нассыръ-Эддинѣ, ученомъ муллѣ, прикидывавшемся дуракомъ и простофилей для того, чтобы тѣмъ легче оболванивать свою простодушную паству. Шуточныя легенды о немъ были записаны въ аулѣ Дарго. Ихъ такъ много, что передать всѣ невозможно. Нѣтъ такого хмураго чеченца, который не просіялъ бы и не развеселился, разъ заговоритъ объ остроумномъ Нассыръ-Эддинѣ. Дебютировалъ мулла весьма удачно: ему захотѣлось жениться въ ранней молодости, и онъ сталъ приставать къ отцу. Старикъ наконецъ приказалъ ему: „Иди утромъ на рѣку и спрячься тамъ, куда наши женщины ходятъ съ кувшинами за водой. Первая изъ нихъ и будетъ твоей женой“. Нассыръ-Эддинъ, уже высмотрѣвшій себѣ невѣсту, поморщился, но долженъ былъ исполнить отцовскій приказъ. Онъ залегъ за камнемъ и, пропуская всѣхъ проходившихъ женщинъ, бросился оттуда на свою бабушку, когда та явилась послѣ другихъ.

— Чтó тебѣ надо?

— Я долженъ жениться на тебѣ! — приставалъ Нассыръ-Эддинъ, обнимая ее.

Старуха расплакалась и разсказала отцу Нассыръ-Эддина объ оскорбленіи, нанесенномъ ей. Тотъ взялъ ружье и бросился къ рѣкѣ, нашелъ сына и кричитъ, цѣлясь въ него:

— Готовься умереть, собака!..

— За чтò?

— Какъ! не ты-ли хотѣлъ жениться на моей матери?

— Да, но въ такомъ случаѣ давай сюда ружье, сначала я тебя застрѣлю. Я еще только собирался жениться на твоей матери, а ты на моей ужъ тридцать лѣтъ женатъ!..

Отецъ плюнулъ.

— Женись, дуракъ, на комъ хочешь.

Надо было жить Нассыръ-Эддину съ женою, — а средствъ никакихъ. Былъ у него разбитый горшокъ, истолокъ онъ черепки его и идетъ по аулу, крича:

— Кто купитъ зелье для истребленія крысъ?..

Нѣсколько человѣкъ выбѣжали, взяли снадобье и заплатили деньги. Одинъ изъ нихъ, немного погодя, является къ муллѣ:

— Какъ надо употреблять твой порошокъ?

— Поймай крысу за хвостъ, держи ее кверху лапами и насыпь ей зелья въ ноздри, да смотри въ глаза не попади—ослѣпнетъ крыса.

— Дуракъ! если я ее поймаю, такъ вѣдь и просто убить могу.

— Чего лучше, умный человѣкъ,—тогда у тебя и порошокъ останется и крысу ты покончишь.

Собрались къ нему гости,—слѣдовало по обычаю угостить ихъ чаемъ, а котелокъ у Нассыръ-Эддина маленькій. Онъ пошелъ къ сосѣду и занялъ у него большой и новый, стоившій двадцать такихъ, какой былъ у муллы. Напоилъ гостей, и когда разошлись, онъ вложилъ свой котелокъ въ сосѣдскій и отнесъ къ нему два вмѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени бѣжитъ сосѣдъ къ Нассыръ-Эддину:

— Ты забылъ у меня свой котелокъ.

— Неправда.

— Какъ же въ моемъ котлѣ оказался другой.

— Это значитъ, душа моя, что Господь тебя очень любитъ за твою добродѣтель, и повелѣлъ онъ поэтому большому котлу родить для тебя маленькій.

Еще разъ собрались гости; опять Нассыръ-Эддинъ занимаетъ у сосѣда большой котелъ. Но увы—прошло нѣсколько дней—а занятое не возвращается. Бѣжитъ сосѣдъ къ муллѣ.

— Что̀ же ты не вернулъ котла?

— Увы, братъ мой!.. Должно быть ты за это время очень согрѣшилъ предъ Богомъ.

— А что̀?

— Онъ повелѣлъ умереть твоему котлу, и онъ умеръ и схороненъ мною даромъ... Пусть его сынокъ—маленькій котелъ утѣшаетъ тебя въ этой утратѣ.

Нассыръ-Эддинъ согласился съ пророкомъ: сѣять имъ пшеницу вмѣстѣ, а урожай пополамъ. Магометъ послалъ чудныя погоды, и нивы поднялись на-диво. Собралъ зерно Нассыръ-Эддинъ, обмолотилъ его, и взяла его жадность, не захотѣлось дѣлиться. Зарылъ онъ пшеницу въ землю и сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, около. Является пророкъ.

— Ну, что̀ же ты? Гдѣ моя доля?

— Тамъ же, гдѣ и моя. Ты бы лучше смотрѣлъ, а то у меня весь урожай пропалъ, и я изъ-за тебя голодать долженъ.

Пророкъ разгнѣвался и послалъ грозу. Заблестѣла молнія, пронизывая воздухъ, загремѣлъ громъ... Стало свѣтло, какъ днемъ.

— Эге... Сколько бы ты свѣчей не позажигалъ на небѣ—все равно, прибавь еще тысячу, а моей пшеницы тебѣ не увидать.

Понадобилась Нассыръ-Эддину корова, а денегъ—купить ее—нѣтъ. Въ раздумьи идетъ онъ и видитъ горца, ведущаго за собою именно такую корову, какая ему нужна.

— Сколько стоитъ твой козелъ?—кричитъ онъ ему.

Продавецъ разозлился и взялъ-было камень въ руки, но Нассыръ-Эддинъ забѣжалъ впередъ и, встрѣтивъ какого-то всадника, говоритъ ему: „Сейчасъ ты увидишь моего брата,—я хочу посмѣяться надъ нимъ. Онъ ведетъ корову, а ты спроси его: продаетъ-ли онъ этого козла“? Хорошо! И встрѣтивъ горца, всадникъ спрашиваетъ его:

— Если недорого, я бы у тебя купилъ твоего козла.

Тотъ разозлился еще хуже. Но Нассыръ-Эддинъ все забѣгалъ впередъ и повторялъ съ нимъ ту же штуку. Наконецъ продавецъ испугался, не шутитъ-ли надъ нимъ джинъ (злой духъ) и, увидавъ муллу, самъ уже кричитъ ему:

— Купи, пожалуйста, козла!...

— Нѣтъ, я раздумалъ. Теперь мнѣ только рога его нужны.

— Ну, возьми его за цѣну роговъ.

Такъ Нассыръ-Эддинъ и обзавелся коровой, заплативъ только за козлиные рога какую-то мелочь.

Понадобились ему деньги, гдѣ достать? Сосѣдство бѣдное, да, сверхъ того, всѣ знаютъ Нассыръ-Эддина за величайшаго плута, только одинъ мѣстный богачъ еще питаетъ уваженіе къ его святости, но за то онъ скупъ и не дастъ ему такъ ни копѣйки. Замѣтилъ мулла, что этотъ богачъ каждый день ходитъ въ мечеть мимо его оконъ, и сталъ онъ всякій разъ при видѣ его громко молиться: „О, Аллахъ, пошли мнѣ съ твоимъ ангеломъ триста рублей, пусть онъ мнѣ опуститъ ихъ въ трубу. Если они будутъ отъ тебя — я ихъ приму, а если отъ шайтана—выброшу ихъ обратно въ окно“...

— Какъ же ты узнаешь—отъ бога они или отъ чорта?— не выдержалъ богачъ.

— Богъ цѣликомъ пошлетъ, а чортъ — тотъ хоть нѣсколькихъ копѣекъ да пожалѣетъ, не додастъ.

Заинтересовался мѣстный Ротшильдъ. Забрался къ Нассыръ-Эддину на крышу и опустилъ ему въ трубу триста рублей безъ десяти копѣекъ. Сталъ считать мулла вслухъ и говоритъ опечаленный:

— Должно быть шайтанъ подшутилъ надо мною... Надо выбросить деньги назадъ.

А богачъ стоитъ ужъ у окна, ждетъ и радуется своей шуткѣ.

— А впрочемъ, что-жъ я!—вдругъ опомнился Нассыръ-Эддинъ.—Аллахъ всегда справедливъ. Я у него просилъ триста, онъ послалъ мнѣ 299 р. 90 коп... Но вѣдь холстъ и шнурокъ стоятъ ровно 10 коп... Значитъ, это божій подарокъ...

И мулла благоговѣйно становится на молитву—благодаритъ Бога за исполненіе его желанія. Взмолился богачъ: „Отдай назадъ,—это я тебѣ бросилъ деньги...“

— Не скажешь ли, что ты же еще и родилъ меня?... Богъ мнѣ послалъ своего ангела съ деньгами, а тебѣ завидно стало.

— Пойдемъ въ такомъ случаѣ къ кадію, онъ разберетъ дѣло...

Нассыръ-Эддинъ одѣлся въ лохмотья и отправился, но на половинѣ дороги вдругъ повернулся назадъ.

— Куда ты?

— Домой.

— Зачѣмъ?

— Этакъ не мудрено выиграть процессъ, ты верхомъ, отлично одѣтъ и богато вооруженъ. Разумѣется, кадій тебя признаетъ правымъ. Бѣднаго человѣка всегда вѣдь легко обидѣть!

— Ну, хорошо... мое дѣло - правое и мнѣ бояться нечего. Возьми мое платье, мое оружіе и моего коня... Давай мнѣ свои лохмотья...

Являются они къ кадію. Заявляетъ богачъ жалобу.

— Неправда!—спокойно отвѣчаетъ мулла.—Онъ слышалъ, какъ я молился, видѣлъ ангела, бросившаго мнѣ деньги въ трубу, и хочетъ у меня отнять ихъ.

— Я готовъ присягнуть на коранѣ, что эти деньги кинулъ ему не ангелъ, а я.

— Ты—нищій, могъ дать мнѣ столько! Этакъ ты, пожалуй, въ чемъ не присягнешь, пожалуй даже въ томъ, что я въ настоящую минуту стою въ твоемъ платьѣ.

— Разумѣется, это платье мое!

— Ты, кадій, видишь наглость этого лжеца. Такъ и оружіе, что на мнѣ, тоже твое?

— Еще бы!

— Ну недостаетъ одного только, чтобы и конь, на которомъ я пріѣхалъ, твоимъ оказался!

— И конь мой...

— Это не только что лгунъ, но и сумасшедшій,—воскликнулъ разгнѣванный кадій и прогналъ вонъ жаловавшагося ему богача.

Шахъ — Аксакъ-Темиръ (Тамерланъ) наслышался о Нассыръ-Эддинѣ и приказалъ позвать его къ себѣ, чтобы испытать умъ этого муллы.

— Скажи мнѣ, сколько на небесахъ звѣздъ?

— Столько же, сколько шерстинокъ на моемъ черномъ баранѣ, что я привелъ къ тебѣ въ подарокъ.

— Лжешь ты, мулла.

— „Лучше онѣмѣть, чѣмъ лгать!“ Сочти сначала шерстинки, а потомъ звѣзды, сравни, и ты устыдишься за себя.

— Ну, а гдѣ середина земли?

— Тамъ, гдѣ ты сидишь...

— Я велю отрубить тебѣ голову, ты морочишь меня, Нассыръ-Эддинъ.

— Прикажи лучше своимъ ученымъ провѣрить мои слова, а потомъ гнѣвайся на меня, о, шахъ!

Въ слѣдующій разъ мулла отправился къ Тамерлану, неся съ собою въ даръ ему жаренаго гуся. По пути онъ проголодался и съѣлъ одну ножку.

— Гдѣ же другая!—разсердился шахъ. Какъ ты смѣлъ принести мнѣ оглоданнаго тобою гуся.

— Другая нога?—удивился Нассыръ-Эддинъ. Да развѣ бываютъ двуногіе гуси? Въ первый разъ слышу... Валлаги, биллаги, таллаги!... Любитъ же Аллахъ васъ, если у васъ водятся двуногіе гуси... У насъ они всѣ объ одной ногѣ—что дѣлать!

— На этотъ разъ я прикажу казнить тебя, мулла, чтобъ ты не смѣлъ обманывать своего шаха.

— Что ты нападаешь на бѣднаго человѣка — взгляни: вотъ нашъ гусь—они всѣ одноногіе. Вонъ у тебя подъ окномъ.

Гусь подъ окномъ дѣйствительно стоялъ на одной ногѣ, поджавъ подъ себя другую.

Шахъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ на воздухъ, гусь выпрямилъ другую ногу и отлетѣлъ прочь испуганно.

— Ну, сколько же ногъ у здѣшнихъ гусей?..

— Еще бы, о, шахъ! Чего же тутъ удивительнаго. Выстрѣли-ко въ тебя, такъ вмѣсто двухъ—оказалось бы, пожалуй, и шесть ногъ. Со страху чего не выраститъ... Я разъ, когда жена моя была беременна, выстрѣлилъ по воробьямъ на крышѣ — схожу внизъ, а она мнѣ вмѣсто одного трехъ ребятъ принесла, да я и то не удивлялся. А въ другой разъ...

Но шахъ не сталъ слушать, а отпустилъ его домой, наградивъ золотомъ и серебромъ. Фабула этой сказки распространена, кажется, повсюду:

Я привелъ здѣсь эти сказки не въ томъ видѣ, какъ онѣ разсказаны въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ*. Я дополнялъ и измѣнялъ ихъ сообразно указаніямъ интеллигентнаго чеченца, котораго мнѣ случилось встрѣтить на пути изъ Владикавказа въ Ростовъ. Молодой человѣкъ этотъ ѣхалъ для поступленія въ одинъ изъ нашихъ университетовъ и передалъ мнѣ много данныхъ о своихъ родичахъ. Къ сожалѣнію, размѣры газетной статьи не даютъ мѣста этому любопытному матеріалу...

Чеченцы умѣли быть веселыми даже въ бою, если вѣрить въ ихъ пѣсни. Вотъ одна — я взялъ ея основной мотивъ, насколько мнѣ могъ передать его мой бакинскій знакомый, хорошо знающій языки Чечни и Дагестана и очень плохо русскій:

Острый мечъ—рази вѣрнѣй
Я смѣюся встрѣчной пулѣ
Кто, скажите, всѣхъ смѣлѣй,
Веселѣе всѣхъ въ аулѣ?
Это—я! съ дороги прочь!
Все равно—моя побѣда.
Не меня ли въ эту ночь
Цѣловала дочь сосѣда?
Говорить такъ говорить!
Было сказано Амимой:
„Что за счастье полюбить
И героемъ быть любимой."
Знать, что виденъ ты въ бою—
Яркой молніею въ тучѣ,
Что отдашь ты жизнь свою
За одинъ мой взглядъ летучій.
Упорхнулъ бы онъ скорѣй,
Но, напрасны всѣ усилья,
Вѣдь отвагою своей—
Ты ему обрѣзалъ крылья!..."
Такъ шептала въ эту ночь
Мнѣ краснѣя дочь сосѣда!
Смерть врагу—съ дороги прочь!
Для *нея* моя побѣда!

Судите сами! Кто правъ: снисходительная логика обыкновенныхъ смертныхъ или строгій судъ вицмундирной добродѣтели!

XIV.

Петровскъ.

Чеченскій берегъ и горы Чечни, по прежнему туманно рисовавшіеся вдали за нимъ, становились все красивѣе и красивѣе. Въ бинокль можно разсмотрѣть густые сады, заполонившіе лощины и ущелья. Мы стали направляться быстро къ землѣ—качка скоро уменьшилась. Изъ каютъ

ПОЖЕРТВОВАНО
С. Е. КОФМАНОМ

показались зеленыя лица. Измученные пассажиры торопились надышаться воздухомъ и насмотрѣться на эту лазурную ширь и даль мало-по-малу успокоившагося Каспія. Вѣтеръ перемѣнился, теперь дуло отъ берега, обдавая насъ какимъ-то незнакомымъ ароматомъ цвѣтовъ, вѣроятно поднявшихся на горныхъ склонахъ. Небо синѣе, всѣ краски дѣлаются ярче, формы горъ причудливѣе. Теперь мы ужъ и простымъ глазомъ видимъ сады ихъ ущелій, словно зелеными волнами разливающіеся по берегу. Къ Петровску они пропадаютъ опять. Вонъ вдали видна красивая крѣпость съ круглыми башнями подъ коническими кровлями. Внизу бѣлые, ослѣпительно горящіе подъ полуденнымъ свѣтомъ домики съ чахлою зеленью въ перемежку... Вотъ впереди—изящное бѣлое строеніе нѣсколько фантастическое по своему стилю. Всматриваюсь,—что-то слишкомъ знакомое. Не будь этой крѣпости направо, потомъ громадной отдѣльно стоящей башни и недостроеннаго собора,—можно было бы подумать, что мы подходимъ не къ прикаспійскому городу, что у нашихъ бортовъ голубѣютъ и бьются средиземныя волны, а передъ нами раскидывается Андалузская Алмерія или Пуэрто-Реалъ. Даже въ бѣломъ домѣ, выставившемся впередъ, каменная бѣлая лѣстница устроена зигзагомъ и снаружи. Точно также строются дома на югѣ Испаніи—и, право, чѣмъ-то свѣтлымъ, безконечно дорогимъ, поэтическимъ повѣяло на меня отъ этихъ воспоминаній.

Во второй разъ я посѣтилъ Петровскъ уже осенью. Яркая лунная ночь точно серебрянымъ свѣтомъ обливала его дома. По длинной улицѣ темными пятнами чудились раины громадныхъ деревьевъ. Гдѣ-то вздрагивала и жаловалась восточная пѣсня и сладко пѣли струны джіанури. Въ сумракѣ послышался топотъ и поднялась пыль. Въ ея облакѣ скоро обрисовалась фигура статнаго всадника въ буркѣ. Онъ весело крикнулъ мнѣ какое-то при-

вѣтствіе и исчезъ... И опять тишина, безлюдье, и опять грустная мелодія одна плачетъ среди этой словно прислушивающейся къ ней ночи.

Петровскъ весь въ будущемъ: восточный берегъ Кавказа, за исключеніемъ Баку, обдѣленъ, обиженъ и забытъ до послѣдней степени. Потому-ли, что Каспій является для насъ теперь внутреннимъ моремъ, мы не обращаемъ на него никакого вниманія—не знаю. Но мы почти сознательно убили Дербентъ съ его когда-то громадною промышленностью и ничего не сдѣлали для всего дагестанскаго и чеченскаго побережья, кромѣ постройки крѣпостей, обошедшихся казнѣ въ милліоны, а въ сущности выведенныхъ хрупче, чѣмъ эфемерныя сакли горныхъ ауловъ. Петровскъ мы держимъ на положеніи какого-то пасынка, которому не достается и крохъ съ сравнительно богатаго стола, предложеннаго Батуму, Новороссійску и даже Поти, а между тѣмъ значеніе перваго громадно при соединеніи его рельсовыми путями съ Тифлисомъ или Владикавказомъ. Эта питательная линія призвала бы къ жизни лежащія втунѣ богатства Чечни и Дагестана. Я не стану толковать о ея стратегическомъ значеніи. Таковое для меня непонятно. Съ горцами главнаго и Андійскаго хребта ладить не трудно: обращайтесь съ ними по-человѣчески, уважайте въ нихъ свободныхъ людей, не давайте простора хищничеству господъ, являющихся на Кавказъ покормиться, наказывайте почаще за широко практикующееся здѣсь превышеніе власти, откажитесь разъ навсегда отъ захвата чужихъ имѣній и земель—и нечего будетъ заботиться о стратегическихъ линіяхъ. А то, въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ тому, что здѣсь творится, и вы убѣдитесь, что даже христіанское населеніе, при Ермоловѣ, Воронцовѣ и Барятинскомъ молившееся на русскихъ, теперь чуть не стало насъ ненавидѣть со всею искренностью и страстностью южныхъ натуръ. Для меня Кавказъ не

чуждый край, я тамъ родился и выросъ и потомъ не разъ и подолгу посѣщалъ его—и эта перемѣна декорацій вся совершилась на моихъ глазахъ. Я знаю, что мои наблюденія дадутъ поводъ нѣкоторымъ упрекнуть меня въ желаніи бросить тѣнь на наше положеніе въ этомъ краю. Но я всѣхъ такихъ попрошу обратиться къ замѣчательной книгѣ г. Е. Маркова: „Кавказъ". Его нельзя заподозрѣть ни въ отсутствіи патріотизма, ни въ плохомъ знаніи края, а у него вы найдете массу еще болѣе разительныхъ указаній и полныхъ справедливаго негодованія разоблаченій. Сюда для управленія особенно горцами необходимы серьезные и умные люди, обладающіе сильными характерами и громаднымъ тактомъ прежде всего, но не тѣ господа, которые, называясь „дѣятелями", на одно только и годны: на поощреніе мѣстнаго винодѣлія—въ качествѣ потребителей, разумѣется. Не странно ли, что край столь богатый, разнообразный, разноплеменный, край, гдѣ тысячи противоположныхъ элементовъ сталкиваются на одной аренѣ, гдѣ если есть покоренные, то есть и „свободно присоединившіеся", люди съ извѣстными правами, уважать которыя мы обязались — управляется въ какомъ-то угарѣ, въ вѣчномъ колебаніи между тѣми или другими системами, безъ всякихъ руководящихъ началъ и при полномъ отсутствіи общей государственной идеи. Чиновничій катценъ-яммеръ, разумѣется, сталъ всѣмъ поперекъ горла, и теперь едва ли здѣсь вы найдете хоть одного довольнаго человѣка,—разумѣется, если онъ только не принадлежитъ къ тѣмъ, которымъ хоть трава не расти, а двадцатаго числа подай имъ жалованье!

Когда, преблагополучно утопивъ на пристани нѣсколько казачьихъ лошадей, мы отплыли отъ Петровска, я невольно остался на палубѣ. Причудливыя горы Чечни тонули въ таинственномъ полусвѣтѣ. Море слегка колыхалось, яркія южныя звѣзды страстно горѣли надъ нимъ, какой-то изъ пассажировъ третьяго класса напѣвалъ грузинскую пѣсню, знакомую мнѣ съ дѣтства.

А утромъ, когда заря алымъ отсвѣтомъ легла на спокойное море, направо уже весь Дагестанъ выдвинулся передъ нами своими причудливыми и мрачными вершинами. Аулы—внутри за первымъ кряжемъ, на берегахъ порою только сады, громадные, тянущіеся на цѣлыя мили. Лѣтомъ, когда мы ѣхали вдоль этой окраины, колеса нашего парохода попали точно въ кашу. Обезсиленная саранча опустилась въ него, покрывъ волны на десятки верстъ своимъ сѣроватымъ налетомъ. Посреди садовъ, говорятъ, замѣтны до сихъ поръ слѣды петровскаго похода на Дербентъ: окопы и рвы тамъ, гдѣ останавливался на бивакъ русскій отрядъ...

— Удастся ли намъ высадиться въ Дербентѣ?

— Это будетъ зависѣть отъ погоды и волненія. Если море тихо—пароходы кидаютъ якорь передъ городомъ, нѣтъ—идутъ дальше къ Баку. Дербенту иногда по мѣсяцу приходится такимъ образомъ быть отрѣзаннымъ отъ всего свѣта.

Гавани, какъ оказалось, нѣтъ. Нѣкогда счастливый своими плантаціями марены, обогащавшими населеніе, Дербентъ, когда анилиновыя краски совершенно подорвали производство гарансиновыхъ, разсчитывалъ отправлять хлѣбъ, виноградъ и плоды. Въ теченіе нѣскольких лѣтъ его жители собирали добровольно наложенную самими на себя подать для устройства мола въ море. Такимъ образомъ, имъ удалось скопить въ управленіи намѣстника болѣе 300,000 р. Пора была приступать къ работамъ, пригласили кого слѣдуетъ, составили смѣты, потребовали *свои* деньги и получили въ отвѣтъ:

— Никакихъ вашихъ денегъ нѣтъ...

— Какъ нѣтъ!.. Вотъ квитанціи.

— Ни по какимъ статьямъ въ приходѣ не значатся... Должно быть онѣ пропали при введеніи единства кассъ.

Такъ и не нашли бездѣлицы—трехсотъ тысячъ!.. Впрочемъ, отъ „единства кассъ“ у насъ ухитрились исчезнуть

также нѣсколько милліоновъ денегъ, собранныхъ волжскими купцами на улучшеніе фарватера этой рѣки.

Дербентцы стали жаловаться. Прошло еще лѣтъ пятнадцать, и состоялось рѣшеніе: тѣхъ денегъ не искать, а выдать истцамъ триста тысячъ въ разсрочку изъ казны.

— Помилуйте, да за все это время однихъ процентовъ мы должны были получить болѣе 150,000 р. Какія же тутъ разсрочки...

Но, разумѣется, выше головы не перескочить, и дербентцы замолчали.

XV.

Какъ попадаютъ въ Дербентъ.

Отсутствіе сколько-нибудь сносной гавани въ Дербентѣ сказывается очень тяжело.

Терпитъ мѣстная промышленность, терпятъ проѣзжающіе...

— Нашъ городокъ—просто дагестанскимъ ауломъ сдѣлался. Ни къ нему подъѣхать, ни отъ него отъѣхать...

Въ темномъ царствѣ каспійской ночи показался направо какой-то огонекъ. Пароходъ круто повернулъ по направленію къ нему.

— Что это?—спрашиваю я.

— Маякъ нашъ!—смѣется капитанъ. Вы еще такихъ не видывали. Ничего, по простотѣ живемъ—не въ Англіи вѣдь...

Огонекъ росъ и разгорался. Медленно колышась, ощупью подходили мы къ нему. Тутъ то и дѣло попадаютъ на мели, расчистить которыя, между прочимъ, хотѣли дербентцы, собирая отъ всей своей нищеты сотни тысячъ, исчезнувшія «отъ единства кассъ». Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ тише мы шли. Пламя на какой-то отмели

росло, и скоро оно уже раскидывалось во всѣ стороны. Подъ нимъ смутно обрисовывались силуэты людей, столпившихся около. У самаго парохода въ потемкахъ мелькали неуклюжія лодки; гортанныя татарскія восклицанія доносились къ намъ оттуда. Море волновалось и шипѣло вокругъ, и когда наконецъ «Великій Князь Константинъ» бросилъ якорь, каспійскіе валы то поднимали эти лодки въ уровень съ нашей палубой, то обрушивали ихъ внизъ въ какія-то бездны, дна которыхъ мы не видѣли во мракѣ...

Не имѣя знакомыхъ въ Дербентѣ—остановиться негдѣ. На мое счастіе здѣсь оказался сослуживецъ моего отца. Онъ любезно предложилъ мнѣ помѣститься у него. Разсуждать было некогда. Я по трапу спустился и вдругъ увидѣлъ лодку, куда мнѣ надлежало попасть,—надъ собою, потомъ она опять полетѣла внизъ, и только-что я собирался прыгнуть въ нее—волны повернули ее носомъ ко мнѣ. Мимо меня перелетѣлъ какой-то тюкъ, неожиданно при своемъ паденіи на дно ея застонавшій и заохавшій, вслѣдъ за нимъ послѣдовалъ другой—съ тѣмъже плачевнымъ результатомъ... Въ догонку за первыми пассажирами бросали узлы, сундуки, чемоданы. Наконецъ, воспользовавшись удачнымъ положеніемъ лодки, прыгнулъ туда и я, сѣвъ на что-то твердое, разомъ расколовшееся подо мною.

— Батюшки!... Сметана моя... завизжала стонавшая баба.

Помѣстившійся рядомъ жандармъ провелъ пальцемъ по сукну моего пальто и лизнулъ.

— Въ Петровскомъ брала?—заключилъ онъ дѣловымъ тономъ.

— Въ Петровскомъ, кавалеръ, въ Петровскомъ.

— То-то, у насъ такой нѣтъ,—хорошая сметана!

Сидѣть въ сметанѣ, даже „хорошей“, было невозможно, я хотѣлъ перебраться на другое мѣсто, но тутъ лодку

поставило—какъ мы ставимъ наши послѣдніе рубли—ребромъ, и я чуть-чуть не оказался въ морѣ. Рѣшивъ, что погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ и послужить ужиномъ для каспійскихъ сомовъ вовсе уже не такъ заманчиво, я остался на своемъ мѣстѣ. Наконецъ, мы тронулись по направленію къ огню на берегу. Лодку вскидывало, перебрасывало, ставило то на корму, то на носъ, при чемъ татаринъ-рулевой ругалъ татаръ-гребцовъ, а тѣ отвѣчали ему не менѣе энергическою бранью. Море принимало, очевидно, нашу скорлупу за рѣшето и старалось вытрясти во что бы то ни стало насъ на дно къ себѣ; тѣмъ не менѣе огонь все росъ и росъ и наконецъ оказался пылавшею на длинномъ шестѣ пропитанною смолою соломой. При ея раскидывавшемся во всѣ стороны пламени выступали то одни лица, то другія. Горбоносые, бородатые, въ бараньихъ шапкахъ люди горланили намъ оттуда что-то, наши „туземцы“ словно вызовы бросали имъ другіе крики, и наконецъ шальная волна подхватила насъ, бережно донесла до какого-то помоста и, попробовавъ разбить его нашими особами, оставила насъ въ покоѣ. Шумъ и гомонъ на берегу. Трагическіе злодѣи въ бараньихъ шапкахъ окружили меня и что-то говорили мнѣ весьма убѣдительно, но совсѣмъ непонятно... Оглушенный и растерянный, я совсѣмъ забылъ о своихъ вещахъ—и къ крайнему удивленію увидѣлъ ихъ въ фаэтонѣ, куда меня звалъ мой провожатый. Какими-то темными улицами, пустырями и опять улицами мы добрались, наконецъ, до гостепріимнаго дома... Не могу выразить, съ какимъ удовольствіемъ я сѣлъ у настежь открытыхъ въ садъ дверей... Луна уже зашла. Въ сумракѣ круглились казавшіяся чудовищными по величинѣ деревья. Весь садъ былъ полонъ тихими звуками; тамъ, несмотря на ночь, кипѣла жизнь, и изрѣдка во тьмѣ проносились алмазныя искорки свѣтящихся червячковъ...

При свѣтѣ вынесенныхъ на балконъ лампъ на ближайшихъ кустахъ выступали какіе-то большіе цвѣты, наполнившіе все кругомъ своимъ чуднымъ, незнакомымъ мнѣ благоуханіемъ. Каспійская ночь обвѣвала насъ своей прохладой; гдѣ-то далеко-далеко слышалась татарская пѣсня...

XVI.

Первыя впечатлѣнія.

Дербентъ, знаменитый своими стѣнами, постройка которыхъ приписывается одними — Александру Македонскому, другими—Нуширвану, живописнымъ мѣстоположеніемъ, оригинальнымъ складомъ населенія, великолѣпными винами и благодатною почвою, принадлежитъ намъ всего только 82 года. До тѣхъ поръ онъ изъ рукъ персіанъ переходилъ къ туркамъ, становился независимымъ, вновь захватывался персами, подпадалъ подъ власть предпріимчивыхъ сосѣдей и опять замыкался ото всѣхъ въ свои древнія стѣны, не желая служить никому. Въ 1133 г. мусульман. эры (1720 г.), когда шахъ Гуссейнъ царствовалъ въ Персіи, его намѣстникъ султанъ Нудеръ разбойничалъ въ Дербентѣ, сбрасывая всѣхъ противившихся ему съ высокихъ башенъ на шашки своихъ солдатъ, ожидавшихъ жертву внизу. Когда въ Персіи всѣ возмутились противъ шаха, дербентцы самого Нудера утопили въ морѣ; но отъ этого имъ не стало легче. Въ Дагестанъ явился турецкій Хундняръ-Султанъ-Мустафа-ханъ и, завоевавъ его, подчинилъ себѣ и Дербентъ. Въ 1138 году пришелъ Петръ I и, заставъ въ Дербентѣ имамомъ Кули-бега-Курчи, далъ ему ханское званіе. Кули-бегъ умеръ черезъ три года, всѣми оплакиваемый, и его замѣнилъ Мамедъ - Али - ханъ, который,

чтобы покончить съ строптивыми дербентцами, зазвалъ главныхъ недовольныхъ, въ числѣ семисотъ человѣкъ, въ мечеть и приказалъ всѣмъ имъ выколоть тамъ глаза. Но дербентцы отъ этого не стали мягче, и когда персидскимъ шахомъ сдѣлался Надиръ и назначилъ сюда намѣстникомъ Али-Кули-султана, они зарѣзали Мамедъ-Али-хана, а новому своему правителю передъ самымъ носомъ заперли ворота. Ихъ за это опять малость прирѣзали, о чемъ они не забыли и, узнавъ въ 1161 г., что Надиръ убитъ въ Персіи, точно такъ же распорядились съ своимъ градоправителемъ. Всѣ эти взаимныя одолженія продолжались вплоть до 1806 г., когда подъ Дербентомъ явился Зубовъ, взялъ его и присоединилъ къ Россійской державѣ. Съ тѣхъ поръ ханство дербентское было стерто съ лица земли, въ цитадели поселили какого-то храбраго маіора въ качествѣ коменданта. Одинъ изъ такихъ, желая поскорѣе познакомить новыхъ россійскихъ согражданъ съ выгодами принадлежать могущественной державѣ, собралъ вліятельнѣйшихъ беговъ на дворъ мечети и ни за что ни про что отодралъ ихъ розгами. Вольнолюбивые беги ушли въ горы и стали воевать съ нами, усиливъ число нашихъ недруговъ въ Дагестанѣ. Другіе начали жаловаться „по начальству", но начальство жалобы ихъ прислало на благоусмотрѣніе самого господина коменданта.

— Въ Россійской Имперіи — всѣ равны передъ розгой! — величественно отвѣтилъ онъ имъ, но былъ немедленно смѣщенъ и, кажется, даже съ послѣдствіями, Ермоловымъ, не любившимъ такихъ „уравнителей". Затѣмъ насталъ уже періодъ рыцарскаго управленія краемъ. Съ Ермоловымъ пришли другіе люди, скоро завоевавшіе русскому имени здѣсь великое уваженіе... Въ послѣднее время мы опять вернулись къ „равенству передъ розгой" и весьма исправно деремъ даже преданныхъ намъ осетинъ, чеченцевъ и, какъ я слышалъ, даже исполнен-

ныхъ сознанія собственнаго достоинства гордыхъ дагестанцевъ. Къ чему поведетъ это „уравненіе“ — будетъ видно впослѣдствіи. Въ прошлую турецкую войну до тѣхъ поръ спокойныя горныя племена Дагестана возстали какъ одинъ человѣкъ. Частные люди въ томъ же Дербентѣ знали, что муллы изъ Константинополя ходятъ по горнымъ auламъ, всюду проповѣдуя газаватъ (священную войну). Разсказывали, что софты разносили вѣсти о полномъ пораженіи русскихъ на обоихъ театрахъ войны, о занятіи Мухтаромъ-пашей Тифлиса. При этомъ горцамъ обѣщали—отдать имъ всѣ имущества русскихъ, армянъ и грузинъ. Хорошо еще, что они поторопились возстать: Волга не покрылась льдомъ; подоспѣло подкрѣпленіе. Не-то все береговое христіанское населеніе было бы вырѣзано, и дѣятельность господъ уравнителей обошлась бы намъ такимъ образомъ весьма дорого. За мятежъ было выгнано въ Турцію тысячи двѣ байгушей, почти не принимавшихъ въ немъ участія. Заводчики же и непосредственные участники спокойно остались въ своихъ аулахъ. „Откупились“, — говорятъ кругомъ. Лгутъ или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ за что-жъ пострадали несчастные и совсѣмъ невиновные бѣдняки? Выселяются въ Турцію впрочемъ и теперь. Какъ это дѣлается на Кавказѣ, явствуетъ изъ очень недавней „исторіи“, которую мнѣ разсказывали передъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса. Существуетъ храброе, честное и трудолюбивое племя ингушей въ Терской области. Земли нѣкоторыхъ ауловъ ихъ очень понравились нѣкоему ловкому человѣку изъ ихнихъ же, хотя находящемуся въ нашей службѣ. Надъ вопросомъ, какъ раздобыть ихъ, онъ долго не останавливался. Распустивъ (ложно) подъ рукою слухи, что правительство готовится ввести у ингушей различныя насильственныя мѣры, оскорбительныя для ихъ религіи и племенной чести, онъ въ тоже время сообщилъ имъ, что султанъ согласенъ отвести имъ въ

Турціи самыя лучшія земли, что эмиссары его встрѣтятъ ихъ на границѣ и доставятъ въ обѣтованный край безъ всякихъ издержекъ со стороны переселенцевъ. По русской же территоріи ихъ безвозмездно перевезутъ наши власти. Ингуши, какъ всѣ честные люди, въ высшей степени довѣрчивы. Они поднялись и подали просьбы о переселеніи... На это послѣдовало согласіе; ингушей вызвали, объявили имъ, чтобы они отправлялись въ Турцію, заплативъ предварительно слѣдующія съ нихъ подати за сей и за будущій годы плюсъ расходы по перемѣщенію ихъ до границы. Такимъ образомъ, еще вчера достаточные люди выброшены нищими въ Турцію. Въ 1875 году мнѣ случилось путешествовать по восточному берегу Чернаго моря. Я проѣзжалъ кладбищемъ мертваго народа, — обезлюдѣвшей послѣ переселенія землей Адыго; потомъ мнѣ привелось быть у абхазцевъ, которыхъ наше управленіе, несмотря на ихъ преданность Россіи, бросило въ объятія туркамъ—и тамъ вездѣ я видѣлъ то же, что на сей разъ пришлось мнѣ наблюдать въ другомъ концѣ Кавказа. У Евгенія Маркова я нашелъ прямыя указанія, что и въ другихъ мѣстахъ на Кавказѣ творится то же самое.

Странствуя по Россіи, я всегда поражался нашею страстью лѣзть въ ширь и даль, совсѣмъ не думая о томъ, чтобы сначала по-человѣчески устроиться у себя дома. Въ самомъ дѣлѣ, по карману ли намъ расползаться такъ, думать объ отдаленныхъ экспедиціяхъ, присоединеніяхъ и присовокупленіяхъ, когда у самихъ въ домѣ холодно и голодно, и стѣны сквозятъ, и кровля разваливается, и въ выбитыя стекла свободно дуетъ обмораживающій вѣтеръ. Какъ бы мы посмотрѣли на человѣка, который, оставивъ свое жилье въ невозможномъ положеніи, сталъ бы захватывать все больше и больше земли у окружающихъ и, нисколько не думая о ея обработкѣ, все бы пыжился да ширился. Это обстоятельство бросилось мнѣ

въ глаза и въ Дагестанѣ. Ни дорогъ, ни иныхъ сообщеній. Болѣе тридцати лѣтъ мы владѣемъ краемъ и не провели въ немъ мало-мальски сноснаго шоссе или даже простой грунтовой дороги, чтобы призвать къ жизни эту богатую и красивую страну съ неисчерпаемыми источниками народнаго богатства, съ любопытнѣйшимъ этнографическимъ калейдоскопомъ ея населенія, и въ то же время пустились въ Мервы и истратили тамъ десятки милліоновъ, одного изъ которыхъ было бы достаточно здѣсь. Гдѣ возможно было бы,—подъ бокомъ у такого административнаго и экономическаго центра, какъ богатый и интеллигентный Тифлисъ,—терпѣть цѣлую страну, представляющую собою какое-то царство изъ „Тысячи и одной ночи", никому невѣдомое и бокъ о бокъ граничащее съ цвѣтущею житницею—Кахетіей? Гдѣ удовольствовались бы такимъ положеніемъ, при которомъ изъ Дербента, ключа Кавказа,—Дербента, созданнаго, чтобы царствовать надъ Каспіемъ,—нельзя было бы попасть въ Тифлисъ, въ Баку, въ свой же сопредѣльный Дагестанъ,—Дагестанъ, по которому странствуютъ до сихъ поръ, какъ по какимъ-то безлюднымъ степямъ Сахары или недоступнымъ Кордильерамъ и Андамъ? А тамъ, гдѣ мы тратимся широкою рукою, — въ крѣпостяхъ и военныхъ сооруженіяхъ, на что идетъ большая часть нашихъ доходовъ, чего мы достигли? Правду говоря, читая передъ своею поѣздкою книгу г. Маркова о Кавказѣ, я думалъ, что авторъ преувеличиваетъ и сгущаетъ краски, но, увы! пришлось убѣдиться, что талантливый путешественникъ еще не всякое лыко ставилъ въ строку. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, какъ въ Дагестанѣ построена Гунибская крѣпость: „Крупные, неотесанные камни сложены кое-какъ и связаны глиной. Высота стѣнъ не внушительна. Одинъ станетъ на плечо другому и преспокойно перелѣзетъ внутрь крѣпости. Самая ничтожная пушчонка съ одного выстрѣла разнесетъ эту жалкую

ограду, годную для огражденія скотнаго двора или виноградника только". Въ послѣдній мятежъ горцевъ (1878 г.) при каждомъ выстрѣлѣ изъ орудій, своихъ же, въ крѣпости рушилась „вся амбразура, гдѣ стояли орудія, и какъ дождь падали камни крѣпостныхъ стѣнъ. Постройка эта была признана настолько прекрасной, что инженеру, возводившему карточныя стѣны, поручили соорудить такія же и въ Карадахѣ, въ Ходжамукалѣ и въ Хунзахѣ. Ему же былъ отданъ подрядъ на устройство морской пристани въ Петровскѣ".

Выйдя утромъ изъ своей комнаты на плоскую, выступающую впередъ, кровлю перваго этажа, крытую по мѣстному обычаю киромъ, я былъ очарованъ миражемъ, открывавшимся передо мною. Безлѣсная гора довольно круто поднимается надъ моремъ. По этому скату раскинулся въ своихъ колоссальныхъ древнихъ стѣнахъ городъ, каждый домикъ котораго, каждая мечеть годились бы въ эффектную декорацію какой-либо оперы изъ жизни востока. Бѣлыя выбѣленныя окна на сѣрыхъ стѣнахъ весело блистали на солнцѣ, зеленыя деревья надъ ними недвижно замерли въ воздухѣ, несмотря на раннее утро ужъ напоенномъ зноемъ и ароматомъ цвѣтовъ; изящныя галлерейки, какъ ласточкины гнѣзда, цѣплялись всюду, гдѣ имъ оказывалось мѣсто. Въ вершинѣ угла — бѣлые параллелограммы комендантскихъ домовъ и укрѣпленія цитадели; посрединѣ Дербента громадный зеленый куполъ „Персидской" мечети... По другую сторону, на востокъ, голубая, полувоздушная полоса Каспія, немолчный и ласковый шелестъ пышнаго сада, точно розовымъ дождемъ осыпаннаго цвѣтами. Какія-то чужеядныя растенія цѣпкими стеблями перекидываются съ одного дерева на другое, падая цѣлыми водопадами нѣжной зелени, посреди которой, словно жадно раскрытыя губы, ярко красные вѣнчики слегка колыхались подъ лѣнивымъ движеніемъ полузасыпающаго вѣтерка. Послышалось

точно шуршаніе бумаги: пролетала саранча и съ сухимъ шлепаньемъ падала въ траву...

— Отсюда вы видите только казовый конецъ Дербента, —сказали мнѣ.

— Почему это?

— Нашъ городъ теперь кромѣ своихъ восточныхъ кварталовъ весь въ развалинахъ.

— Вы говорите о стѣнахъ?

— Нѣтъ. Стѣны еще цѣлы.

Цѣлы, несмотря на то, что эту величайшую, древнѣйшую и наиболѣе сохранившуюся историческую драгоцѣнность Кавказа разрѣшили жителямъ разбирать на постройки. Правда, южнаго конца ихъ уже не существуетъ: его расхитили и поставили изъ отличныхъ, тесанныхъ тысячу лѣтъ назадъ камней какіе-то безлюдные теперь дома. Необходимо строгими запрещеніями, специальными мѣрами охранить эту „святыню“ Дербента... Въ Баку стѣны жалкія въ сравненіи съ нашими, ихъ происхожденіе далеко не такъ загадочно и отдаленно отъ нашей эпохи, но онѣ уцѣлѣли, благодаря Высочайшему повелѣнію,—иначе и отъ нихъ не осталось бы ничего!..

XVII.

По татарскимъ улицамъ.

Первый визитъ — разумѣется — главной мечети (месджитъ). Ея зеленый куполъ виденъ и съ каменистыхъ горъ, насупившихся надъ Дербентомъ, и съ голубого Каспія, сегодня такъ ласково и спокойно разстилающагося внизу. Думаютъ, что во времена оны мечеть эта была христіанскимъ храмомъ, потому что она обращена къ востоку, а не къ Меккѣ и Мединѣ — положеніе обязательное для

мусульманскихъ построекъ такого рода. Сверхъ того, въ ней замѣтны слѣды алтаря, и, судя по существующимъ лѣтописямъ греческихъ эпархій въ этомъ краю, — церковь, ставшая мечетью, прожила тысячу пятьсотъ лѣтъ. Я шелъ въ месджитъ, любуясь своеобразною жизнью, кипѣвшею вокругъ на узкихъ прохладныхъ улицахъ, на площадяхъ съ ладонь, но облитыхъ слѣпящимъ свѣтомъ солнца, и на переулочкахъ, точно щели разбѣгавшихся во всѣ стороны. Ни одного русскаго лица, ни одного европейскаго костюма. Мѣстные татары и армяне въ своихъ живописныхъ чухахъ съ неизбѣжными серебряными и черными въ кожаной оправѣ кинжалами у пояса, полунагіе мальчуганы въ громадныхъ бараньихъ шапкахъ, оборванные лезгины съ грозными суровыми глазами и „настежь открытою“ солнцу и вѣтру грудью, муллы въ зеленыхъ накидкахъ и бѣлыхъ чалмахъ и щеголевато одѣтые въ сѣрыя черкески лѣнивые беги — дворяне этого края, цѣлые дни просиживающіе у лавокъ, толкуя съ купцами Богъ знаетъ о чемъ, наконецъ самые эти купцы — въ одно и то же время—мастеровые и продавцы своихъ издѣлій. Вонъ сумрачный дагестанецъ — въ крошечной, какъ кротовая нора, лавченкѣ, сидитъ, полируя громадное лезвіе кинжала. Другой рядомъ насѣкаетъ золотомъ стальное дуло пистолета; третій шьетъ шелками по сукну узоръ для щеголеватыхъ туфель, на которыя засмотрѣлась недвижно остановившаяся около „мѣстная дама“, въ безобразномъ мѣшкѣ, закрывающемъ ее всю, за исключеніемъ прелестныхъ нѣжныхъ, томно сіяющихъ глазъ... Въ стѣнахъ — ворота, въ воротахъ тоже прилѣпились лавченки, во дворахъ онѣ же — диву даешься, кому тутъ покупать всю эту „хурду-мурду“. Понадобилось мнѣ познакомиться съ запретнымъ здѣшнимъ товаромъ — теріакомъ — опіумомъ, сваленнымъ въ вязкую коричневую массу, изъ которой потребители дѣлаютъ собственноручно крошечныя пилюли, — обратился

къ лавочникамъ, они бросили мнѣ односложно: „іохтуръ“ —(нѣтъ), но въ то же время лукаво улыбаясь. Какой-то „бегъ“ плохо, но все-таки говорившій по-русски, объяснилъ мнѣ: „тебѣ не продай — давай денга, я возьметъ“. Я вручилъ ему требуемую сумму и не успѣлъ еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ вдоль мясныхъ лавченокъ, у дверей которыхъ висѣли только-что свѣжеванные бараны, какъ новый знакомецъ догналъ меня и вручилъ „комъ“ теріака съ рѣзкимъ и характернымъ запахомъ опія. Оказалось, что продажа его строжайше запрещена. Но это запрещеніе только касается мелкихъ торговцевъ. Она не мѣшаетъ читать вамъ въ объявленіяхъ бакинской таможни: „Съ публичнаго торга продаются конфискованные у персидскихъ торговцевъ два пуда теріаку“. Такимъ образомъ, то, за что̀ купца преслѣдуетъ мѣстная полиція, — невозбранно совершается правительственными учрежденіями. Ни одного сѣдобородаго туземца я не видалъ въ Дербентѣ. Здѣсь—персидскіе обычаи и персидскія моды. Концы ногтей и бороды одинаково красятся хною, придающею имъ отъ розоваго до фіолетоваго всѣ оттѣнки, родственные красному цвѣту. Нищіе, байгуши, щеголяющіе подъ этимъ благодатнымъ солнцемъ въ какихъ-то отрепьяхъ рубахъ, тѣмъ не менѣе свои сѣдины красятъ въ красное, точно онѣ у нихъ облиты свѣжею кровью. Кое-гдѣ у лавокъ останавливались всадники съ зеленымъ трехъ-угольнымъ обшитымъ бахромою знаменемъ, древко котораго у нихъ болталось за спиною. Они что-то пѣли заунывное и дикое. Это—начальники каравановъ, приглашавшіе правовѣрныхъ на поклоненіе въ Мешхедъ и Кербелу. Скоро суета и кипѣнь базарной части города съ ея узенькими вымощенными крупнымъ булыжникомъ уличками остались позади, и мы вступили въ тихіе кварталы, въ царство безмолвія и безлюдья, съ домами слѣпыми на улицу и открывавшимися изящными галлерейками во дворики, изъ-за которыхъ черезъ стѣну то-

и дѣло перекидывались пышныя верхушки осыпанныхъ цвѣтами и незнакомыхъ сѣверянину деревьевъ. На плоскихъ кровляхъ порою показывались по самые глаза закутанныя женщины, но, увидѣвъ насъ, точно проваливались куда-то... Только одни пѣтухи безнаказанно орали здѣсь, торжественно цѣлому міру провозглашая свои безчисленныя побѣды надъ смиренными курами. Даже собаки и тѣ, молчаливо скаля зубы и поджавъ хвостъ, убирались отъ насъ въ подворотни. Надъ плоскими кровлями торчали мазанныя громадныя круглыя трубы, похожія на какіе-то чудовищные муравейники; порою изъ боковыхъ переулковъ доносился специфическій запахъ буйволовъ. Мы шли чисто татарскими „махалами", околотками. Посреди нихъ печально ропщущей струей били одинокіе фонтаны. Вонъ на плоской крышѣ бритоголовые татарчаты пускаютъ змѣй. Увидѣли насъ и бормочутъ сквозь зубы что-то до-нельзя непривѣтливое. Откуда-то полетѣлъ въ насъ камень—да на счастіе вдали показался чаушъ (здѣшній полицейскій) въ сѣрой черкескѣ, съ чернымъ кинжаломъ. Онъ тотчасъ же самъ откомандировалъ себя въ наше распоряженіе и быстро довелъ насъ до мечети.

XVIII.

Персидская мечеть.

Сквозь маленькія ворота (большія оставались въ сторонѣ) мы вошли въ величавый, широкій и четырехъ-угольный дворъ, вымощенный большими плитами, между которыми зеленою щетиной пробивалась трава. Посрединѣ огромные, словно сказочные чинары бросали свою прохладную тѣнь и слегка шевелились густыми верхушками, откуда тысячи птицъ славили безоблачное, темноси-

нее, строгое южное небо и щедрое на жару и свѣтъ—солнце... Только ихъ голоса и слышались въ торжественномъ безмолвіи древней „месджитъ". Посреди двора—большой бассейнъ съ водой, около котораго въ эту минуту никого не было. Дворъ мечети отовсюду ограниченъ высокими стѣнами. По одну сторону—келіи, точно усыпальницы — такая священная тишина стоитъ тамъ; по другую — высокій навѣсъ—айвана, куда въ страшную іюльскую жару прячутся богомольцы. Сюда же выходитъ сонный домъ муллы выбѣленными воротцами, которыя въ эту минуту полуотворены. Сквозь нихъ я вижу кусты пышныхъ розъ и ярко-красныя, словно открытыя губы, цвѣты гранатника; по другую сторону въ темнотѣ и прохладѣ недвижно сидитъ въ глубинѣ характерной персидской арки какая-то бѣлая фигура. Это мулла, исполняющій роль мирового судьи, т. е. разбирающій дѣла по шаріату. Главный фасадъ—древняя насквозь прозеленѣвшая стѣна мечети, покоющаяся на вдѣланныхъ въ нее гигантскихъ коллонахъ. Надъ стѣною куполъ, заканчивающійся не полумѣсяцемъ, какъ у суннитовъ, а звѣздою. Въ стѣнѣ глубоко, врѣзанныя величавыя арки, подъ одной изъ нихъ, главной—вязь изящная и старинная, изображающая стихъ изъ Корана. По одну сторону, надъ главнымъ входомъ изъ стѣны выросло и поднялось выше кровли большое дерево, насквозь пронизанное солнцемъ, трепещущее каждымъ чуткимъ листкомъ своимъ въ знойномъ воздухѣ. Сдѣлавъ колѣно внизу, оно выпрямилось, какъ канделябра, надъ тишиною и прохладой старинной еще первый вѣкъ гиджры помнящею аркой. Такое же точно дерево росло и по другую сторону главнаго входа, и также оно поднялось изъ стѣны, гдѣ, должно быть, въ старыхъ камняхъ было мало питательнаго матеріала, и оно высохло... Дербентскіе шіиты вѣрятъ, что, когда высохнетъ и упадетъ второе дерево, тогда и мечеть провалится, и весь ихъ городъ сползетъ въ этотъ

полувоздушный, чистый и, какъ персидская бирюза, лазурный сегодня Каспій. Внутри въ мечети мы застали нѣсколькихъ молящихся на колѣнахъ. Они не повернули головы къ намъ. Изрѣдка ихъ вздохи да веселое щебетанье птицъ, свободно влетавшихъ подъ древніе своды и улетавшихъ отсюда, наполняли тишину татарскаго храма. Двойные ряды аркадъ со стрѣльчатыми сводами. Сквозь нихъ солнце льетъ сюда въ сумракъ и прохладу и свое золотое сіяніе... По коврамъ также безшумно, какъ вошли, мы выбрались наружу и по полуразвалившимся ступенькамъ поднялись къ основанію зеленаго купола. Отсюда весь Дербентъ раскинулся подъ нами на востокъ и надъ нами на западъ. Тихія татарскія околотки-махалы, каждая съ своею крошечною мечетью, дышали какимъ-то идиллическимъ спокойствіемъ. Въ плоскія кровли бѣдныхъ домиковъ были вмазаны вмѣсто трубъ разбитые кувшины; на другихъ лежали связки *бешу*, хворосту, употребляющагося для печенія *чуреков*ъ,—мѣстнаго хлѣба въ видѣ лепешекъ. Хворостъ этотъ бросается въ *тяндыръ* (нѣчто въ родѣ громадныхъ кувшиновъ) и зажигается. Когда тяндыръ раскалится, къ его стѣнкамъ прилѣпляются плюшки тѣста—и черезъ минуту незатѣйливый, но вкусный чурекъ готовъ. Во дворикахъ шіитскихъ домовъ, которые я вижу съ высоты, точно ласточкины гнѣзда, прилѣпились къ стѣнамъ галлереи и галлерейки, заслоненныя изящною зеленью южныхъ деревьевъ, охваченныя кое-гдѣ сѣтями виноградной поросли и заполоненныя порою пышными кустами цвѣтовъ, благоуханный привѣтъ которыхъ порою доносится и сюда въ лѣнивой струйкѣ вѣтра, медленно-медленно долетающихъ къ намъ со стороны моря... Вонъ, по одной улицѣ движутся красныя яркія пятна. Оказалось, — мѣстныя щеголихи, но уже почтеннаго возраста (молодыя—въ бѣломъ) въ красныхъ чадрахъ идутъ въ баню, тяжелые бѣлые куполы которой мы различаемъ въ манерѣ пло-

скихъ крышъ... На одной галлерейкѣ сидитъ молодой бегъ, раскинувъ руки на круглыя цилиндрическія подушки, крытыя пестрою мовью, а передъ нимъ въ почтительной позѣ красавица съ „наргиле“ въ рукахъ, готовая подать его по первому знаку своего повелителя... Востокъ настоящій, еще не тронутый нигдѣ и никѣмъ на каждомъ шагу въ этихъ махалахъ...

— Вотъ домъ, гдѣ жилъ Марлинскій!—показываетъ мнѣ спутникъ на мазанку, сквозною галлереей выходящую во дворъ съ какимъ-то веселымъ деревцомъ посерединѣ...

— Искендеръ бегъ,—одобрительно заговорилъ провожавшій насъ по мечети татаринъ.

Тутъ еще помнятъ Бестужева подъ этимъ именемъ. Его любили въ Дербендѣ и знали въ свое время всѣ...

— Большой батырь (богатырь) былъ,—толкуетъ татаринъ. Ляжетъ, бывало, на коверъ, вытянется, возьметъ одной рукой конецъ штыка, и все ружье подыметъ такимъ образомъ надъ собою прикладомъ вверхъ...

Желтыми пятнами мерещутся полные соломы и сѣна харманы — плетеные навѣсы, гдѣ стоятъ кони... Вонъ такіе же желтые токи. Три лошади бѣгаютъ кругомъ, выбивая изъ сноповъ соломы копытами пшеницу или ячмень... Арбы съ саманомъ двигаются оттуда внизъ... Вверху хаосъ сѣрыхъ построекъ, плоскія кровли которыхъ одна за другою кажутся ступенями безчисленныхъ лѣстницъ и надо всѣмъ бѣлыя строенія комендантскаго дома, — дворца, нѣкогда построеннаго тамъ еще персидскими „султанами и ханами“, по назначенію шаха управлявшими Дербентомъ...

XIX.

Стѣны Александра Македонскаго.

Выйдя изъ мечети, мы направились къ стѣнамъ, постройка которыхъ ошибочно приписывалась Александру Македонскому. Онѣ и до сихъ порь извѣстны подъ его именемъ.

Незыблемыя и некрушимыя онѣ стоятъ еще вокругъ Дербента величавыми твердынями до девяти и до десяти футовъ толщиною и до сорока пяти въ вышину, сложенныя изъ отлично вытесаннаго камня, болѣе тысячи лѣтъ устоявшаго здѣсь, несмотря на то, что надъ ними поднялись цѣлыя деревья, что мохъ треплется во всѣ стороны изъ скважинъ, что какіе-то голубые цвѣты улыбаются солнцу и небу, все глубже и глубже въ старое сердце дряхлаго камня запуская свои разрушительные корни. Стѣны выступаютъ кое-гдѣ громадными четырехъ-угольными башнями, зубцы и кровли которыхъ давно обвалились, а внутрь нѣтъ доступа отъ руинъ щебня и мусора, въ которомъ—прислушайтесь, и вы различите порою загадочное шуршаніе... Во времена оны дербентскія стѣны далеко протягивались двумя рукавами въ море — своеобразными циклопическими молами, образуя такимъ образомъ этому древнему городу безопасную гавань. Увы! мы не только ихъ не поддерживали, но, какъ я разсказывалъ въ первыхъ главахъ, ухитрились даже украсть деньги, собранныя дербентцами на постройку новой гавани... Къ стѣнамъ Дербента нѣкогда примыкала славная въ древности и поразительная до сихъ поръ своими величавыми остатками стѣна, опять присываемая Александру Македонскому, уходившая по гребнямъ горъ и ихъ стремнинамъ внутрь Кавказа. Теперь вы можете прослѣдить ее до Тушинскихъ ауловъ, т.-е. до верховьевъ

Алазани. Нынѣшніе историки, которыхъ не подкупить поэтическимъ величіемъ легенды и героическими сказаніями, увлекавшими нашихъ дѣдовъ, отрицаютъ всякое участіе Александра Македонскаго въ постройкѣ этихъ стѣнъ. По ихъ мнѣнію, сооруженіе ихъ принадлежитъ сыну основателя Дербента, Нуширвану. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Дербентъ того времени былъ гораздо населеннѣе нынѣшняго, по крайней мѣрѣ, теперь въ этихъ стѣнахъ то-и-дѣло наталкиваешься на пустыри съ руинами старыхъ построекъ. Городъ въ нихъ напоминаетъ страшно исхудавшаго рыцаря, которому его старыя латы сдѣлались донельзя просторны...

Мнѣ эти стѣны памятны съ дѣтства. Я еще ребенкомъ игралъ на ихъ парапетахъ и гласисахъ. Теперь, сопровождаемый все тѣмъ же чаушемъ и любопытными черноглазыми татарчатами, я всползалъ съ одной на другую, заглядывая во внутренность старыхъ башенъ. Угрюмо молчали онѣ надъ пустынными скатами горъ, выстланными голубоватымъ налетомъ здѣшней характерной колючки: *бугатъ-хяны*, которую мѣстные жители считаютъ отличнымъ средствомъ отъ лихорадки. Сторона, обращенная къ городу, не производитъ такого унылаго впечатлѣнія, къ ней кое-гдѣ прилѣпились дома, пользуясь тѣмъ, что одной стѣны строить не надо, потому что Александръ Македонскій или Нуширванъ заранѣе позаботились объ этомъ. Эти идиллическія гнѣзда были привѣтливы, и ихъ зеленыя деревья, жавшіяся къ исполинскимъ массамъ камня, точно искали у него покровительства и защиты... Отсюда еще разъ мы любуемся громадными чинарами персидской мечети. Это тоже старики,—не моложе стѣнъ. Они, пожалуй, ровесники — имъ 1300 лѣтъ, а зелень ихъ все также свѣжа, все также пышна, и также привѣтливо издали они зовутъ подъ свою освѣжающую тѣнь утомленнаго жарою прохожаго. Нѣсколько разъ сползалъ я съ этихъ стѣнъ и, пройдя

далѣе, еще взбирался на нихъ, любовался ими издали, подходилъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и всюду они производили на меня то же самое впечатлѣніе чего то величаваго, громаднаго, созданнаго, чтобы пережить тысячелѣтія!.. Время и стихіи оказались безсильными противъ этихъ твердынь, но отъ хищнической руки человѣка ихъ надо защищать всемѣрно. Я не знаю, кому изъ кавказскихъ правителей пришла въ голову печальная мысль разрѣшить разбирать эти стѣны на постройку дербентскихъ жилищъ, но очевидно не Ермолову, не Воронцову и не Барятинскому. Въ этомъ сказалось позднѣйшее презрѣніе къ Кавказу, къ остаткамъ его старины, къ величавымъ воспоминаніямъ о его древности. Мы, впрочемъ, тутъ повторили то же самое, что сдѣлали съ нерушимо стоявшими остатками Херсонеса-Таврическаго, которые сначала тоже позволили разбирать на постройку Севастополя, но опомнились и спохватились потомъ, когда отъ нихъ уже ничего замѣчательнаго не осталось. Въ этомъ отношеніи нашему варварству и нашей глупости нѣтъ мѣры... Впрочемъ, не всѣ правители Дербента заботились о разрушеніи его стѣнъ, были между ними и поддерживавшіе ихъ, хотя и весьма оригинальными способами. Бродя вдоль нихъ и воскрешая въ памяти впечатлѣнія дѣтства, я наткнулся на одни изъ южныхъ воротъ—„Боятъ-капы“. Они величавы и хранятъ слѣды уже позднѣйшаго возобновленія. На нихъ вырѣзана русская надпись: „Время меня разрушило — ослушаніе построило“, затѣмъ слѣдуетъ „1811 годъ“. Надпись — таинственна и загадочна. Отъ нея вѣетъ героической легендой... Чудится что-то колоссальное, богатырское. Обращаюсь къ живой лѣтописи Дербента, престарѣлому мирзѣ Кериму Исрафилову, составившему по-татарски его исторію, еще издали замѣтному своимъ владимірскимъ крестомъ и крапеною бородой (по здѣшней модѣ)—и узнаю дѣйствительно „легенду“, но въ русскомъ стилѣ... Вотъ она.

Въ 1811 году комендантъ, правившій Дербентомъ, приказалъ построить эти ворота, взамѣнъ полуразрушенныхъ старыхъ. Дербентцы не хотѣли исполнить этого. Тогда бравый маіоръ собралъ мѣстную аристократію беговъ, избралъ изъ нихъ самаго знатнаго Искендера-бега, подносившаго ключи города графу Зубову, приказалъ солдатамъ разложить его и публично всыпалъ ему шестьдесятъ горячихъ лозановъ. Это такъ подѣйствовало на остальныхъ „нобилей", что они тотчасъ же приступили къ возобновленію воротъ, а храбрый комендантъ, желая въ назиданіе потомства увѣковѣчить свои подвиги, приказалъ надъ ними вырѣзать фразу, напоминающую краткость и энергію тацитовскаго языка:

„Время меня разрушило—ослушаніе построило!.."

Вотъ и увлекайтесь героическими надписями на кавказскихъ сооруженіяхъ.

Во время моего дѣтства была цѣла южная часть этихъ стѣнъ, разобранная теперь. Изъ моря подымались кое-гдѣ ея каменныя руки, заслонявшія дербентскій рейдъ отъ ударовъ волнъ. Мальчишками купаясь въ Каспіѣ, мы любили взбираться на ихъ мокрые камни, всползать по нимъ на сухія верхушки и грѣться на солнцѣ, чтобы тотчасъ же опять бросаться въ бѣлую пѣну, шипѣвшую у ихъ подножій... Теперь здѣсь все гладко. Море безпрепятственно гонитъ вдоль залитыхъ зеленѣющими садами береговъ свои неугомонныя волны... А скоро и горный вѣтеръ будетъ также невозбранно врываться въ тихія и идиллическія улицы Дербента, если Высочайшее повелѣніе не остановитъ, какъ оно остановило въ Баку — расхищенія его старыхъ историческихъ стѣнъ, этой святыни Кавказа, реликвіями котораго мы вообще дорожимъ очень мало...

XX.

Воспоминанія о Марлинскомъ. Его жертва—Ольга Нестерцова. Садъ Кяузъ-бека.

Дербентъ по-преимуществу городъ Марлинскаго. Не потому только, что авторъ „Мулла-Нура“ и „Амалатъ-бека“ жилъ здѣсь долго, нѣтъ. Но во времена Бестужева Дербентъ, благодаря его повѣстямъ и разсказамъ, былъ извѣстенъ цѣлой Россіи. Всѣ имъ интересовались, сюда даже ѣздили туристы провѣрять описанія талантливаго декабриста. Какъ это ни странно, но городъ съ тѣхъ поръ мало измѣнился. Его окрестности таковы же, какъ онѣ описаны у Марлинскаго: мечеть, стѣны, крѣпость, улицы восточныхъ кварталовъ, все это точно разъ навсегда отлилось въ извѣстную форму, да такъ и осталось до сихъ поръ на вѣки нерушимо. Если и примѣтны какія-либо перемѣны, то только къ худшему. Европейская часть города въ развалинахъ, южная сторона стѣнъ расхищена, татары еще болѣе ненавидятъ насъ, чѣмъ прежде, и малѣйшая политическая передряга рождаетъ въ нихъ и поддерживаетъ надежду въ близкое пришествіе ихъ единовѣрцевъ — персовъ. То же, что и въ Баку. Тамъ, послѣ первыхъ неудачъ нашихъ въ прошлую войну распространились слухи, что шахъ Насръ-Эдинъ уже перешелъ границу и идетъ на Баку. Дербентскіе шіиты ожили разомъ, такъ же какъ и ихъ бакинскіе собратья. Одно, что ихъ отрезвило,—возстаніе лезгинъ и ожидавшееся съ ихъ стороны нападеніе на Дербентъ. Если-бы это случилось, понятное дѣло, горцы-сунниты не дали бы пощады горожанамъ-шіитамъ. Впрочемъ, тутъ на первыхъ порахъ и русскіе осрамились. Вмѣсто того, чтобы укрѣпиться въ цитадели и защищать городъ, наши благополучно перебрались къ самому морю, внизъ, предоставляя верхнюю

часть города ея собственной судьбѣ... Но умолчимъ объ этомъ... Авось это не повторится въ будущемъ.

Насколько обострились отношенія между нами и дербентскими татарами, можетъ судить только тотъ, кому приходилось живать здѣсь въ послѣднее время. Передъ вторымъ въ это лѣто посѣщеніемъ моимъ города умеръ одинъ изъ бековъ,—сторонникъ русскихъ, дружившій съ нами; на торжественныхъ похоронахъ, устроенныхъ ему, отказались присутствовать даже его родные братья. Положимъ, и прежде здѣсь не любили насъ, но питали къ намъ то, что̀ на востокѣ замѣняетъ любовь, — уваженіе. Времена Ермоловыхъ, Воронцовыхъ, Барятинскихъ вспоминаются здѣсь русскими какъ какая-то сказочно-счастливая эпоха. Увы! Съ тѣхъ поръ сдѣлано много, чтобы уронить насъ въ глазахъ населенія. На востокѣ существуетъ своя устная печать: что̀ сдѣлано сегодня на одномъ концѣ Кавказа, черезъ нѣсколько дней будетъ извѣстно по всему его пространству. Не вѣдаютъ возмутительныхъ совершающихся здѣсь событій только тѣ, которые или не хотятъ ихъ знать, или не считаютъ это для себя выгоднымъ. И знаете-ли, что̀ поражаетъ *наивныхъ* кавказцевъ?—безнаказанность героевъ разныхъ исторій.

Къ дому, гдѣ жилъ когда-то Марлинскій, мы пошли по площади Старой Мечети. Въ окружающихъ ее стѣнахъ домовъ вмѣсто входовъ были какія-то на первый взглядъ незамѣтныя норы, куда скрывались отъ насъ до тѣхъ поръ благополучно игравшія дѣти. Улица, куда мы направились, называется по-татарски Дювекъ - Кючасси. Русскаго имени, какъ и всѣ здѣсь, она не имѣетъ вовсе. Въ горахъ недалеко отъ Дербента есть деревня Вольнаго Кайтага—Дювекъ. Жили тамъ необычайные головорѣзы, которые въ прежнія времена, нѣсмотря на то, что въ Дербентѣ стояло нѣсколько полковъ и было комендантское управленіе, черезъ проломъ въ стѣнахъ проникали въ городъ и по этой именно улицѣ стремглавъ бро-

сались въ его центральныя махалы похищая оттуда дѣвушекъ, выхватывая юношей изъ домовъ. Выкупать несчастныхъ приходилось уже въ самомъ Дювекѣ, куда и ѣздили уполномоченные. Дювекъ-Кючасси поэтому значитъ „Улица Дювекцевъ". Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ по ней, мы добрались до дома „Искендеръ-бега", красавца, описаннаго Марлинскимъ въ „Мулла-Нурѣ". Этого юношу, котораго народъ для прекращенія засухи посылалъ привезти кувшинъ снѣгу съ Шахъ-дага, помнятъ еще дербентскіе старожилы, хотя бы тотъ же Мирза-Керимъ-Исрафиловъ. Теперь этотъ домъ, гдѣ потомъ жилъ и Марлинскій, принадлежитъ внуку Искендеръ-бега и знаменитой, благодаря тому же писателю, татаркѣ Кючкене. Мы дошли до калитки, въ нее и постучались. За нею—тишина. Постучались еще—то же самое. Наконецъ попробовали сами отворить и вошли въ первый дворикъ. Онъ оказался пустъ. Слѣва изъ-за низенькой ограды перевѣшиваются къ намъ розы, гранатныя вѣтки и подсолнечники. Солнце бьетъ въ противоположную стѣну, такъ что на нее больно смотрѣть. Надъ нею замѣтна во внутреннемъ дворѣ галлерейка съ навѣсомъ, гдѣ, вѣроятно, часто сиживалъ Марлинскій. Два окошка—одно надъ другимъ, за желѣзными рѣшетками оба. Потоптались мы, потоптались. Чаушъ закричалъ-было. Все та же тишина. Темносинее безоблачное небо надъ нами, накалившіеся камни кругомъ да нѣжно вздрагивающіе лепестки цвѣтовъ... Налѣво видна низенькая кровля сосѣдняго дома. На ней показались нѣсколько женщинъ въ чадрахъ... Чаушъ обратился къ нимъ. Но онѣ, какъ испуганныя лани, сбѣжали внизъ.

— Значитъ, никого нѣтъ!—объяснилъ онъ мнѣ. Самъ хозяинъ, должно быть, въ сады уѣхалъ... Теперь жарко вѣдь...

Въ Дербентѣ въ такое время никто не остается изъ тѣхъ, у кого внизу есть сады и виноградники. Эти клоч-

ки зелени дорого цѣнятся татарами, дороже даже своихъ домовъ. Я не могу не вспомнить г. Кочергина, владѣльца большихъ садовъ и винодѣла, котораго ожидаетъ блестящая будущность. Среди его виноградниковъ есть жалкій, нѣсколько саженей въ діаметрѣ, клочекъ—виноградникъ, принадлежащій одной татаркѣ. Для того, чтобы округлить свои „владѣнія", г. Кочергинъ предлагалъ ей чуть не тройную стоимось ея землицы. Она рѣшительно отказалась продать ее. „Гдѣ же я буду во время жары?" У нея посреди нѣсколькихъ лозъ виноградника стоитъ жалкій шалашъ. Она приходитъ и любуется отсюда млѣющими въ солнечномъ зноѣ вершинами горъ, голубою далью моря и городомъ, разстилающимся у ея ногъ... „Здѣсь каждая лоза посажена моимъ мужемъ и моими дѣтьми. Я опять дѣлаюсь молода, когда прихожу сюда".

Марлинскаго тоже называли Искендеръ-бегомъ, такъ что самый домъ этотъ въ то время именовался домомъ двухъ Искендеровъ,—русскаго и татарина. Сюда, сквозь эту калитку, пробиралась къ нему несчастная, впослѣдствіи убитая Ольга Нестерцева. Здѣсь же покойный писатель, случалось, пивалъ и ссорился съ знаменитымъ въ свое время Кеусъ-бекъ-Али-Панахъ-бекомъ, сыномъ не менѣе извѣстнаго отца, поднесшаго Зубову ключи Дербента и вслѣдъ затѣмъ черезъ пять лѣтъ высѣченнаго подъ разрушившимися отъ времени воротами города. Мирза-Керимъ-Исрафиловъ былъ свидѣтелемъ, какъ Бестужевъ вызывалъ на дуэль Кяузъ-бека за какую-то остроту надъ нимъ, но дуэль не могла состояться, потому что секунданты никакъ не могли вытрезвить обоихъ. Отсюда же разъ Марлинскій изволилъ выѣхать ночью, верхомъ, одинъ, черезъ никѣмъ не сторожившійся проломъ въ крѣпостной стѣнѣ и отправился въ Вольный Кайтагъ къ дювекцамъ. Въ Дербентѣ испугались за него, считая несчастнаго въ плѣну, когда черезъ недѣлю онъ появился вдали, сопровождаемый отборными всадниками

Кайтага, сдружившимися съ нимъ. Марлинскому такъ понравились ихъ обычаи, что онъ даже выбрилъ себѣ голову, какъ ее брили они. Также не вымышлено имъ и свиданіе съ Мулла-Нуромъ, личность котораго, по мѣстнымъ сказаніямъ, несомнѣнна, потому что живы еще старики, видѣвшіе его и бесѣдовавшіе съ этимъ разбойникомъ-героемъ. Разсказываютъ, что на свиданіе съ нимъ Марлинскій и Искендеръ-бегъ или два Искендера ѣздили въ садъ, теперь принадлежащій Кяузъ-беку и находящійся за воротами, которыя были „разрушены временемъ и построены ослушаніемъ". Здѣсь же постоянно въ тѣнь и прохладу собирались Марлинскій съ своею Ольгою Нестерцевою и Искендеръ-бегъ съ красавицей Кючкене, разумѣется, при Бестужевѣ, не поднимавшей покрывала съ своего лица. Садъ этотъ существуетъ до сихъ поръ, хотя и въ запущенномъ видѣ. Я посѣщалъ его. Онъ обнесенъ землянымъ валомъ и орошается колодцемъ, вода котораго считается лучшею въ Дербентѣ. Высокіе тополи и старыя тутовыя деревья слегка колыхались надо мною, медлительно и лѣниво разсказывая о давнихъ быляхъ, свидѣтелями которыхъ они были. Яблочныя и персиковыя деревья переплетались дальше, бросая свои прохладныя тѣни на траву, въ которой стрекотали кузнечики и съ сухимъ шорохомъ перепрыгивала съ мѣста на мѣсто сѣрая саранча; орѣшники, акаціи и сливы ревниво подъ своими густыми сводами оберегали отъ солнца быстро бѣгущія холодныя струи ключа, а вдали такъ заманчиво, полувоздушно и легко раскидывалась голубая подъ темносинимъ небомъ даль Каспійскаго моря, желтѣли старыя стѣны Нуширвана или Александра и мерещилось цѣлое марево сѣрыхъ домовъ съ *бѣлыми* окнами и черными плоскими крышами. Между садомъ Кяузъ-бека и стѣнами тотъ же свѣтлоголубой налетъ колючки. Мирза-Керимъ-Исрафиловъ указывалъ въ этомъ прохладномъ убѣжищѣ мѣсто, гдѣ Верховскій проводилъ цѣлые часы

съ Амалатъ-бекомъ, думая образовать молодого и талантливаго татарина, впослѣдствіи зарѣзавшаго его. Маленькія воспоминанія, но какими поэтическими былями вѣяло отъ нихъ и какъ не хотѣлось уходить отсюда опять на жару, на эти колючки, подъ это солнце, пристально смотрѣвшее на замиравшую подъ его взглядами землю. А идти нужно было. Насъ ждала въ своей могилѣ Ольга Нестерцева, трагическая судьба которой такъ тѣсно связана съ печальной памятью вскорѣ послѣ того убитаго писателя.

XXI.

На старомъ кладбищѣ.

Мы стали подниматься вверхъ по довольно крутому скату, гдѣ въ сухой, какъ щетина, травѣ стрекотали и точно чмокали милліоны кузнечиковъ. Самыя стѣны Дербента желтѣли направо. Кое-гдѣ въ нихъ были вдѣланы плиты съ арабскими и какими-то загадочными письменами и изображеніями. Изъ-за стѣнъ поднимались только куполы да верхушки деревьевъ. Тишина стояла тутъ. На нѣкоторой высотѣ даже замолкли неугомонные кузнечики. Темными тѣнями мерещились ущелья и впадины по сторонамъ. „Французы,—говорилъ мнѣ мой спутникъ, —платили бы за эту землю по червонцу за квадратный метръ, такъ хороша ея производительная сила для винограда и такъ удобно въ этомъ отношеніи ея положеніе". Кругомъ насъ—суровый вогнутый гребень горы, рѣзко обрисовывающійся на темносинихъ небесахъ. Изъ-за него во времена оны сторожили городъ отважные и сумрачные лезгины, силуэты которыхъ тогда то и дѣло показывались на раскалившихся подъ солнцемъ скалахъ. Жарко. Звонъ въ ушахъ подымается; какіе-то огненные

круги чудятся въ глазахъ... Мы то-и-дѣло останавливаемся, любуясь лазурью Каспія, далеко внизу, словно причудливое кружево, раскидывающаго вдоль берега бѣлую кайму своей пѣны. Слава Богу!.. поднимается вѣтеръ. Сначала онъ сухимъ шелестомъ всколыхнулъ былинки, выросшія на сухой, какъ змѣиная кожа, почвѣ, потомъ съ тихимъ свистомъ пробѣжалъ вдоль древнихъ стѣнъ. Закачались полевыя мальвы, закивали намъ навстрѣчу голубые шары какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ цвѣтовъ. О чемъ-то далекомъ и грустномъ шепчетъ мнѣ вѣтеръ. Не о тѣхъ ли памятникахъ, что торчатъ на самомъ припекѣ, вонъ на той уже близкой теперь площадкѣ, забытые, ничѣмъ не огороженные, совсѣмъ поросшіе со всѣхъ сторонъ скудною въ эту засуху травою? Мы уже вровень съ цитаделью, гдѣ бѣлѣютъ стѣны бывшаго ханскаго дворца, гдѣ когда-то жилъ Петръ Великій, а потомъ помѣщались коменданты... Тамъ, должно быть одно окно, которое пробилъ собственноручно преобразователь Россіи, чтобы любоваться изъ него одновременно и моремъ, и горами.

— Гдѣ оно?—спрашиваю я.

— Давно задѣлано.

— Какъ, да, вѣдь, это историческое воспоминаніе! У нѣмцевъ подъ этимъ окномъ прибили бы мраморную доску съ надписью и стали бы брать по пятидесяти пфенниговъ за осмотръ.

— Ну, а у насъ одинъ комендантъ, боявшійся сквознаго вѣтра и страдавшій флюсомъ, призвалъ солдатъ-каменщиковъ, да и велѣлъ имъ задѣлать и замазать „историческое воспоминаніе“. Теперь его и не найдешь, пожалуй.

Выше всѣхъ памятниковъ и отдѣльно отъ нихъ — небольшой сѣрый изъ стараго камня пьедесталъ, заканчивающійся конической верхушкой; подъ нимъ покоится прахъ забытой Ольги Нестерцевой.

Нестерцева,—кажется, дочь унтеръ-офицера, — любила Марлинскаго страстно и сильно. Она каждый вечеръ приходила къ нему въ домъ Искендеръ-бега. Разъ одѣваясь, она нечаянно застрѣлилась. По объясненіямъ Марлинскаго, пистолетъ лежалъ у него подъ подушкой. Началось военно-судное дѣло, тянулось долго; времена были такія, что враги писателя могли обвинить его въ убійствѣ. Къ счастію истина восторжествовала, и Марлинскій былъ оправданъ. Разумѣется, смерть Нестерцевой страшно потрясла Бестужева; онъ самъ выбилъ на каменной плитѣ для ея памятника, вдѣланной потомъ въ него, слѣдующее символическое изображеніе: вверху—туча, изъ нея „Перунъ“ въ видѣ молніи падаетъ на довольно грубо высѣченную внизу розу, а еще ниже, круглымъ курсивомъ, напоминающимъ почеркъ Марлинскаго, значится:

„Судьба!“

По другую сторону простая надпись: „Здѣсь покоится прахъ Ольги Нестерцевой, умершей въ 1833 г. 25 февраля“. Говорятъ, что трагическая смерть несчастной дѣвушки такъ подѣйствовала на Марлинскаго, что онъ потомъ казался безумнымъ, страдалъ галлюцинаціями и искалъ смерти, кидаясь въ самыя отчаянныя предпріятія. „Мнѣ надо умереть; пора—меня ждутъ тамъ“—повторялъ онъ постоянно. „Если меня не убьютъ—я казню себя самъ!“ Этими нравственными страданіями, этими невыносимыми терзаніями чуткой совѣсти объясняется его кончина впослѣдствіи на правомъ флангѣ Кавказа.

Ниже этой могилы, въ сторонѣ громадный помостъ, выложенный тесанымъ сѣрымъ камнемъ, точно для того, чтобы воздвигнуть на немъ памятникъ. Сказываютъ, это—могила полковника Верховскаго, которому Амалатъ-бекъ отрѣзалъ голову. Его будто бы такъ и похоронили безъ нея, потому что трофей этотъ увезъ къ себѣ съ собой молодой горецъ къ Шамхалу. Но это уже, я думаю, легенда. На помостѣ изъ скважинъ поднялись ку-

сты ежевики, шиповника, можжевельника, жимолости и боярышника съ желтыми пятнами кое-гдѣ пробивающейся мальвы. Чудный видъ отсюда, отъ этихъ забытыхъ давно памятниковъ героической эпохи, пережитой Кавказомъ... За стѣнами раины садовъ, цѣлый водопадъ плоскихъ кровель, сбѣгающихъ внизъ и тамъ внизу разливающихся въ жалкія полуразвалившіяся постройки Европейскаго квартала, занявшаго побережье Каспія. Вонъ зеленый куполъ месджита, мощныя вершины его тысячелѣтнихъ чинаръ; ниже великолѣпный, разумѣется, для Дербента, армянскій соборъ и русская церковь; подъ ними—сады, сады и сады, пышные, свѣжіе, зеленою чудною каймою огибающіе городъ,—сады, гдѣ всякая поросль „растетъ и рвется вонъ изъ мѣры", гдѣ каждое дерево развивается такъ, что становится дивомъ; еще далѣе все тоже лазурное, полувоздушное море, ни съ чѣмъ несравнимое и всему придающее невыразимую прелесть.

Возвращаясь съ оставленнаго кладбища въ городъ, мы проѣхали подъ воротами Орты-капы, образуемыми старою арабскою аркою на двухъ колоннахъ. За нею вторыя такія же ворота съ каменнымъ львомъ наверху. Въ глубинѣ суета и гомонъ базара, охватившаго насъ разомъ повседневною прозой сегодняшняго дня, такъ неладившагося съ этою старой драмой, съ ея давно отзвучавшими страданіями, навсегда ушедшими изъ міра героями и поэтической легендой.

XXII.

Европейскій кварталъ и домикъ Петра Великаго.

Мерзость запустѣнія—въ полномъ смыслѣ слова. Послѣ двухъ-трехъ хорошо обстроенныхъ улицъ вы вступаете въ царство развалинъ, въ какую-то Помпею, только безъ

величія и поэзіи послѣдней. Дома за домами, улицы за улицами, и чѣмъ дальше, тѣмъ тоска и отчаяніе глубже проникаютъ въ вашу смятенную душу. Крыши провалились, окна зіяютъ, точно беззубыя пасти скелетовъ, штукатурка стѣнъ давно разсыпалась, и воочію вы видите остроуміе инженеровъ „кавказскаго режима", сооружавшихъ эти жалкія карточныя постройки. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть руинъ—зданія казенныя, строившіяся по предварительнымъ чудовищнымъ смѣтамъ и при помощи слѣдовавшихъ затѣмъ сверхсмѣтныхъ расходовъ. Обошлись они во столько, что, я думаю, на мѣстѣ этихъ одноэтажныхъ длинныхъ зданій можно было бы построить венеціанскія палаццо, обшить ихъ порфиромъ и мраморомъ. Простояли они десятка два лѣтъ и затѣмъ, безъ всякаго содѣйствія природы, безъ землетрясеній и всемірныхъ потоповъ, умерли собственною своей смертью. Разлагаются они теперь подъ этимъ темносинимъ небомъ и строгимъ солнцемъ, показывая откровенно жалкія балки съ прогнившей древесиною и хрупкія жердочки, на которыхъ покоились ихъ стѣны. Вчужѣ больно и досадно дѣлается, глядя на это наслѣдіе недавняго прошлаго! И вѣдь цѣлые кварталы всюду сплошь состоятъ изъ такихъ „смѣтныхъ сверхсмѣтныхъ" построекъ. Любопытно бы сосчитать, во что обошлось государству (и нынѣ обходится) профессіональное остроуміе гг. кавказскихъ инженеровъ, и нельзя ли было бы покрыть наши дефициты не юмористическими шарадами и загадками, а просто приведеніемъ этихъ строителей по всему лицу земли русской — къ одному знаменателю?.. Простое объясненіе даютъ старожилы всему этому безобразію. Когда впослѣдствіи уже въ Баку я встрѣтился съ однимъ „сихъ дѣлъ мастеромъ" и разспросилъ его, какимъ образомъ безъ „труса" и другихъ .катаклизмовъ разъяренной природы могли рухнуть эти постройки дербентской Помпеи, онъ отвѣтилъ весьма резонно и удобопонятно: „Видите ли,

онѣ возводились на фуфу—это разъ. Второе — строители имѣли въ виду выгоды ежегоднаго ремонта, на счетъ котораго, какъ извѣстно, ловкіе люди сооружаютъ цѣлые дома. Ну, а какъ Дербентъ упалъ и оттуда вывели цѣлыя учрежденія и полки, помѣщавшіеся въ этихъ карточныхъ домикахъ,—ремонтировать оказалось незачѣмъ и не для кого, домики-то въ первое-же трехлѣтіе и рухнули благополучно"... А что Дербентъ упалъ и упалъ страшно—кто же этого не знаетъ. Прежде одной марены вывозили отсюда 3,000,000 пудовъ и брали за нее по 14 р. съ пуда; теперь, съ тѣхъ поръ, какъ въ промышленность, вмѣсто старыхъ гарансиновыхъ красокъ, допущены разъѣдающія матерію и быстро линяющія, но за-то гораздо болѣе дешевыя анилиновыя, городъ не отпускаетъ и 20,000 пудовъ, да еще слава Богу, если получитъ за пудъ по 2 р. Мареною кормился весь околотокъ, Дагестанъ былъ заинтересованъ въ этомъ. Лезгинскіе байгуши поневолѣ мирились съ новыми порядками и забывали о томъ, что у нихъ на поясѣ болтается кинжалъ, потому что при выкапываніи марены и на обработкѣ ея у здѣшнихъ производителей они зарабатывали по 300,000 р. ежегодно. Дѣло было настолько важно и казалось такимъ прочнымъ, что военное министерство ассигновало деньги на устройство „краповой" фабрики для размола марены. Расходъ этотъ объяснялся стратегическими соображеніями. Лезгины „бунтуютъ" отъ голода, и въ возстаніи 1877 — 1878 г. виновниками являлись не только турецкіе агитаторы и софты: одною изъ важнѣйшихъ причинъ его было „оскудѣніе". До тѣхъ же поръ, при маренѣ, лезгину не надобно было или умирать съ голоду, или въ самомъ счастливомъ случаѣ находить себѣ работу, скудно и плохо оплачиваемую, на Кизлярской равнинѣ. Персидскій шахъ ухитрился удержать у себя маренное производство—при помощи, впрочемъ, весьма дикихъ средствъ. Онъ объявилъ просто, что тому, кто ввезетъ къ

нему анилиновыя краски, ближайшій губернаторъ провинціи, не донося объ этомъ въ Тегеранъ, самъ обязывается отрубить голову... Въ настоящее время дербентцы немного встрепенулись. Есть слухи, что марена опять потребуется на европейскій рынокъ. Анилиновыя краски при всей ихъ дешевизнѣ такъ разрушаютъ ткань, что бельгійскіе и французскіе предприниматели уже посылаютъ, какъ древле евреи, „соглядатаевъ“ узнать, гдѣ и насколько имѣется запасовъ марены. Если это осуществится—Дербентъ ждетъ блестящая будущность. У этого города на восемьдесятъ верстъ имѣются маренныя плантаціи. Чѣмъ дольше корень марены лежитъ въ землѣ, тѣмъ достоинство и цѣна его выше. Въ теченіе тридцати лѣтъ корни не выкапывались, и явись завтра спросъ на нихъ—имъ и цѣны не будетъ. Массы разорившихся людей ждутъ-не дождутся этого свѣтлаго часа, благословляя судьбу за то, что въ свое время у нихъ не было средствъ выкопать ихъ вонъ, чего отъ нихъ требовало правительство. Въ прошломъ году французъ Жолье собиралъ свѣдѣнія о томъ, сколько имѣется марены въ Дербентѣ и обезпечена ли поставка ея въ громадномъ количествѣ на десять лѣтъ впередъ. Только, зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, предпріимчивый фабрикантъ требовалъ одного,—присутствія его браковщиковъ въ самомъ Дербентѣ. Увы! Въ этомъ отношеніи его недовѣріе весьма основательно. Еще во время процвѣтанія марены и высокихъ цѣнъ на нее наши сбытчики ухитрялись примѣшивать въ крапъ камни и песокъ, обезцѣнивая товаръ и вслѣдствіе такихъ мошенническихъ пріемовъ теряя рынокъ за рынкомъ... Теперь подъ Дербентомъ сѣютъ много хашъ-хаша (маку) для бакинскихъ производителей опія, хлѣба, который некуда дѣвать, благодаря отсутствію гавани и воровству ассигнованныхъ на нее денегъ. Многіе (главнымъ образомъ г. Кочергинъ) пробовали на береговой полосѣ разводить гаванскій табакъ;

сорта Виргинія, Мариландъ и Гаванна собственно — выходили великолѣпно, Куба и Абахо — очень хорошо. Тамъ же и тотъ же г. Кочергинъ сѣялъ сорго. Всходы поднялись на четыре аршина высоты; урожай его былъ выше всякихъ ожиданій. Опыты разведенія ворсильныхъ шишекъ дали чудесные результаты. Хорошъ былъ бы и хлопокъ, но не удался вслѣдствіе дурного ухода за нимъ несовсѣмъ опытныхъ людей. — Короче, это—край, который могъ бы кипѣть молокомъ и медомъ или, по персидскому выраженію, сдѣлался бы золотою чашею при другихъ условіяхъ. О дербентскихъ винахъ, качество которыхъ прекрасно, я скажу ниже. Теперь только замѣчу, что о нихъ нельзя судить по той кислой мерзости, которую петербургскіе и московскіе фальсификаторы продаютъ подъ ихъ видомъ.

Черезъ дербентскую Помпею мы медленно шли, останавливаясь на каждомъ шагу передъ наиболѣе замѣчательными руинами, къ домику Петра Великаго, находящемуся у самаго Каспія. Волны его глухо шумятъ тутъ, набѣгая на отмели пустыннаго берега. Голубая неоглядная даль точно сторожитъ вмѣстѣ съ насупившимися позади горами простое жилье предпріимчиваго императора, задумывавшаго здѣсь походы на Персію. Вокругъ—насыпанный имъ валъ, за нимъ другой, и уже подъ защитою этого мы увидѣли воздвигнутый позднѣе каменный футляръ—безвкусный, съ претензіей на какой-то греческій портикъ и состоящій изъ кровли, покоющейся на двадцати четыреугольныхъ колоннахъ. Подъ нимъ кое-какъ навороченные камни—землянка, гдѣ жилъ Петръ въ двухъ „комнатахъ" безъ оконъ, съ землянымъ поломъ, незатѣйливая и гораздо болѣе неудобная, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ лезгинскіе байгуши. Сверху вмѣсто кровли на камни навалена земля. Балки подгнили, едва держатся. Чтобы войти туда, надобно низко наклониться. Передъ землянкою двѣ екатерининскихъ пушки 1715 года лежатъ

на положенныхъ плашмя каменныхъ мусульманскихъ надгробныхъ памятникахъ. Жжетъ солнце. Направо и налѣво видны старыя стѣны съ башнями, надъ которыми поднялись цѣлыя деревья, считающія себѣ уже по нѣскольку сотъ лѣтъ каждое. Тишина. Говоръ волнъ еще болѣе оттѣняетъ ее. Бѣлый голубь свѣтлой искоркой сверкнулъ въ темносинихъ небесахъ, сдѣлалъ громадный кругъ и, трепеща своими красивыми крыльями, влетѣлъ въ прохладу и сумракъ каменной колоннады надъ петровскимъ жильемъ... Черезъ минуту онъ опять уже тонулъ въ недосягаемой выси...

XXIII.

Въ еврейской махалѣ.

Я не знаю ничего оригинальнѣе еврейскаго квартала въ Дербентѣ. Сюда переселилось много горныхъ евреевъ — не тѣхъ воинственныхъ, составившихъ тѣсно сплоченные и грозные сосѣдямъ кланы, о которыхъ я писалъ когда-то *), а кубинскіе и кайтагскіе, всегда промышлявшіе торговлей и ремеслами посреди горскаго населенія. Первые—занявшіе горныя долины и ущелья еще до построенія храма Іерусалимскаго, эти перебравшіеся сюда изъ Турціи и Персіи въ сравнительно недавнее время. И разница въ ихъ нравахъ громадная! Первые важны, молчаливы, красивы, вторые суетятся и весь нижній Дербентъ наполняютъ своими криками, гвалтомъ; на улицахъ, занятыхъ ихъ бѣлыми и сѣрыми мазанками, похожими на кубики съ окнами, вѣчная трескотня бабьей ругани, драки и мелочная кипѣнь торговлишки

*) „Воинствующій Израиль“.

всѣмъ, чѣмъ угодно, начиная отъ невѣдомо кѣмъ потребляемыхъ безчисленныхъ грудъ дикихъ грушъ, наваленныхъ прямо на землю. Зато въ то самое время, какъ у горныхъ клановъ „воинствующаго Израиля“ вся жизнь совершается внутри домовъ чисто по мусульманскому обычаю, здѣсь въ Дербентѣ она настежь. Двери въ мазанкѣ вѣчно открыты, и по вечерамъ вы можете даже любоваться, какъ при тускломъ свѣтѣ керосиновыхъ лампочекъ еврейки стелютъ прямо на бѣлый мѣловой полъ свои постели и укладываются на нихъ вмѣстѣ съ мужьями, чадами и домочадцами.

Я до сихъ поръ не могу забыть своей поѣздки въ 1876 году къ горнымъ евреямъ; эти недѣли подъ южнымъ солнцемъ, недѣли постоянно смѣняющихся яркихъ впечатлѣній среди чудной природы, этотъ клочекъ семитскаго племени, въ незапамятную старь заброшенный въ кавказскую глушь, въ среду чуждыхъ и даже враждебныхъ племенъ — до сихъ поръ грезится мнѣ красивымъ молодымъ сномъ. Помню и красавицу Махласъ съ ея тонкимъ и изящнымъ лицомъ, крупными, черными, полными скрытаго пламени глазами и нѣсколько припухшими яркими губами... Увы, дербентскія феи еврейскаго квартала нисколько не напомнили этого типа. Помню я еврея-охотника Нахшона, высокаго, сильнаго, смѣлаго, ловкаго, какъ леопардъ, цѣлые мѣсяцы проводившаго съ винтовкой въ глуши кавказскихъ трущобъ... Помню дома этихъ горцевъ Моисеева закона; на стѣнахъ ихъ, сквозь виноградныя сѣти солнце играло такимъ изумруднымъ блескомъ; дома, гдѣ, полы устланы темными кубинскими коврами съ длинными круглыми подушками—мутаками, покрытыми персидскими шелковыми матеріями... Увы, какъ дербентская „проза“ непохожа на эту поэтическую быль Дагестанскихъ горъ!.. Спокойный и молчаливый на мусульманскихъ улицахъ, мертвый въ европейскихъ своихъ кварталахъ, Дербентъ здѣсь, въ еврейской ма-

халѣ, даже въ поздніе часы полонъ гвалта, шума, ссоръ, криковъ и какого-то нечеловѣческаго визга. Его переулочки, состоящіе изъ маленькихъ двориковъ, выбѣленныхъ известью, кишатъ народомъ. Все это куда-то спѣшитъ, торопится, точно черезъ минуту все погибнетъ и не будетъ уже времени ни на что. Дворики тонутъ подъ кучами сора; зато выходящія на улицу своими настежь открытыми дверьми горницы чисты. Въ нихъ ѣдятъ, пьютъ, торгуютъ. Черезъ двѣ мазанки третья непремѣнно лавчонка. Чѣмъ торгуетъ она — не спрашивайте: дикими грушами, какимъ-то невообразимымъ тряпьемъ, но тутъ непремѣнно есть купецъ и надо предполагать существованіе покупателей. Самыя мажорныя ноты въ уличномъ гвалтѣ принадлежатъ бабамъ. Этакихъ ругательницъ я никогда не слышалъ на своемъ вѣку, да вѣрно и не услышу. Въ каждомъ переулкѣ ссора между еврейками и ссора самая свирѣпая, съ истерическими криками, съ угрожающе подымающимися кулаками, съ вырываемыми словно въ отчаяніи космами волосъ и исцарапанными собственноручно лицами. Что-то невообразимо-ужасное. Но здѣсь ссоры, очевидно, явленіе ежедневное, никого не удивляющее. Мимо совершенно спокойно проходятъ ихъ мужья и братья, не обращая никакого вниманія на бѣснующихся своихъ женъ и сестеръ. Тѣ же ужасающія посторонняго ссоры и съ плоскихъ крышъ. Мазанка къ мазанкѣ чуть не прислонилась — и тутъ-то сосѣдки съ краевъ своихъ кровель поднимаютъ такую „тамашу", что въ ушахъ начинаетъ звенѣть и голова кружится. Вотъ-вотъ перескочутъ одна къ другой и „грянетъ бой — полтавскій бой". Но соперницы, самыя освирѣпѣлыя, повизжавъ и пооравъ до ночи, нахлопавъ себѣ собственными руками по бедрамъ (жестъ, выражающій у нихъ величайшее презрѣніе къ себѣ подобной), нацарапавъ себѣ лица и изодравъ волосы, проваливаются съ крышъ въ горницы стлать постели мужу и гото-

вить незатѣйливый ужинъ, чадъ котораго удушливыми клубами вырывается на улицу. Нельзя себѣ представить чего-либо подобнаго лицамъ этихъ амазонокъ!.. Несмотря, впрочемъ, на ихъ непривлекательность, солдаты, кажется, Ширванскаго полка, и шіитская молодежь верхнихъ татарскихъ кварталовъ тайкомъ по ночамъ посѣщаетъ эту „махалу". Во времена оны, когда голодные лезгины продавали дербентскимъ татарамъ своихъ дочерей въ „услуженіе", а попросту въ рабство,—мусульманское юношество не знало сюда дороги. Но теперь лезгины уже не торгуютъ живымъ товаромъ, рабство уничтожено закономъ, и разные молодые „беги" въ сумеркахъ прокрадываются сторонками въ бѣлые переулки еврейскаго квартала... Ночью пройдите здѣсь: тишина смѣняетъ еще недавній гомонъ; изрѣдка изъ-за дверей слышится загадочный шорохъ, да на улицѣ прямо на сваленныхъ сюда грудахъ дикихъ грушъ спятъ торгующіе ими „купцы". Впрочемъ, изъ крошечныхъ еврейскихъ лавочекъ долго еще свѣтятся на улицу жалкія керосиновыя лампочки. Но хоть эти евреи и охотники торговать,—надо отдать имъ полную справедливость: они такъ же усердно работаютъ на своихъ поляхъ и въ садахъ, снимаемыхъ ими въ аренду и скупаемыхъ. Мнѣ разсказывали, что они ввели много улучшеній въ здѣшнее полевое хозяйство, и, во всякомъ случаѣ, рядомъ съ ними татары оказываются неисправимыми лѣнтяями. Опрятность ихъ во всякомъ случаѣ выше лезгинской. Эти несчастные „орлы Дагестана", какъ ихъ называли нѣкогда, до того обѣднѣли, до того опустились отъ ужасающей нищеты, что послѣ лезгинъ, являющихся сюда полоть и перепалывать гряды, хозяева обыкновенно выжигаютъ внутренность своихъ глиняныхъ и каменныхъ лачугъ и заново потомъ ихъ бѣлятъ. Иначе не было бы никакой возможности жить въ нихъ...

Я выше сравнивалъ евреевъ дербентскихъ и кубинскихъ съ горными. Нельзя не отмѣтить одного обстоятельства. Хотя послѣдніе вообще храбрѣе первыхъ и охотно принимали прежде участіе въ горныхъ войнахъ и набѣгахъ, но и между первыми, городскими, бывали примѣры отважныхъ „джигитовъ“. Такимъ еврейскимъ джигитомъ считался, напримѣръ, тѣлохранитель Джемальбега Уцміева-бека; о подвигахъ его разсказываютъ цѣлыя легенды, но самая чудовищная изъ нихъ та, что этотъ израэлитъ имѣлъ четырнадцать женъ и со всѣми съ ними ухитрялся ладить. Здѣшніе евреи признаютъ многоженство, но рѣдко имѣютъ болѣе одной жены. Глотки у этихъ барынь таковы, что и отъ одной можно сойти съ ума, что же говорить о нѣсколькихъ!..

XXIV.

Дербентское винодѣліе. Послѣднія впечатлѣнія.

Чѣмъ теперь можетъ похвалиться Дербентъ,—такъ это своими винами. Я говорю именно о производствѣ ихъ у Кочергина, имя котораго въ этомъ отношеніи пользуется здѣсь завидною извѣстностью. Безъ особенныхъ средствъ, благодаря только личной своей предпріимчивости и энергіи, онъ развилъ здѣсь довольно значительное производство прекрасныхъ винъ и въ своемъ сынѣ нашелъ горячаго и способнаго помощника. Въ экономическомъ упадкѣ нѣкогда процвѣтавшаго Дербента—одно винодѣліе можетъ спасти его и весь лезгинскій край. Горные байгуши и оборванцы несомнѣнно найдутъ себѣ средства къ жизни въ этомъ промыслѣ, но... онъ можетъ правильно развиваться только при одномъ условіи: при существованіи или хорошей дороги отъ Дербента къ Владикавказу, или большой защищенной гавани въ самомъ

Дербентѣ. Въ послѣднемъ случаѣ вино осенью, лѣтомъ и весною можетъ доставляться въ Россію Каспіемъ и Волгой. Пока дѣло это еще не поставлено широко; настоящія дербентскія вина, а не та кизлярская дрянь, которую подъ ихъ именемъ доставляютъ намъ, извѣстны только на одномъ Кавказѣ. Странно даже видѣть, какими маленькими средствами располагаютъ здѣшніе винодѣлы. Для устройства колодцевъ и для орошенія берутся мусульманскіе памятники со старыхъ могилъ. На колодцы, впрочемъ, въ девять саженъ глубины и обшитые ракушниковымъ камнемъ, тратится не болѣе 250 р. на каждый. Способы орошенія самые первобытные, какими, я думаю, пользовались еще библейскіе патріархи. Тѣмъ не менѣе, дѣло создалось, двигается и развивается при безденежьѣ, бездорожьѣ, при полномъ отсутствіи какого-либо содѣйствія со стороны тифлисской администраціи. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моихъ въ Дербентѣ была поѣздка въ сады за городъ. Тою же голубою колючкою— бугатъ-хяны выстланы сплошь горы кругомъ, голыя, не радующія взора ни однимъ зеленымъ пятномъ роскошно разросшагося сада... Только кладбища съ ихъ изящными шіитскими памятниками, приготовляемыми въ Табассаранскихъ горахъ въ деревнѣ Кіэрыкъ и расписанными изящными голубыми, красными зелеными арабесками по глубокой рѣзьбѣ, одни разнообразили унылое спокойствіе окружающей насъ пустыни. А между тѣмъ, тутъ же рядомъ прохладный рай садовъ, принадлежащихъ дербентцамъ, не рѣшающимся по недостатку средствъ отходить далеко отъ городскихъ стѣнъ. Почва этихъ кажущихся обнаженными пустынь такова, что посади барабанную палку, она расцвѣтетъ, какъ жезлъ Аароновъ. Дешевый рабочій трудъ въ лицѣ горныхъ лезгинъ подъ руками. Теперь несчастные оборванцы принуждены за безцѣнокъ уходить въ Кизлярскія равнины, когда они здѣсь могли бы найти заработокъ...

Въ саду, подъ громаднымъ хартутовымъ деревомъ, сидя и прислушиваясь, какъ шипѣли сучья, надъ которыми готовился вкусный шашлыкъ, и любуясь городомъ, раскидавшимся внизу, я невольно уносился мечтами въ будущее, когда весь этотъ край, такъ богато одаренный природою, закипитъ медомъ и молокомъ. Древнія стѣны его красиво уходили къ самому морю; оно само, полувоздушное, свѣтло-лазурное, раскидывалось въ неоглядную даль... Сумрачныя вершины горъ висѣли надъ ними. Порою съ вышекъ, гдѣ, точно хищныя птицы, сидятъ сторожа садовъ, раздавалась полная тоски и нѣги татарская пѣсня... Такую же точно пѣсню слышалъ я и вечеромъ, выйдя изъ гостепріимно-пріютившаго меня дома. Говоръ восточныхъ базаровъ затихалъ; гасли бумажные фонари, висѣвшіе среди этой оригинальной обстановки мусульманскаго рынка... Гдѣ-то далеко, посреди пустыря, окутаннаго тьмою, послышался звонъ сааса *), и чей-то по-истинѣ прекрасный голосъ, точно вздыхая и замирая, запѣлъ поэтическую пѣсню, одну изъ тѣхъ, которыми такъ богатъ прикаспійскій югъ... Я пошелъ туда... Меня догналъ спутникъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы добрались до толпы юныхъ беговъ... Посрединѣ молодой красавецъ, роскошно одѣтый, небольшой самъ, но съ громаднымъ кинжаломъ, схватясь одной рукою за него, а другою придерживая грудь и перегибаясь съ одной стороны на другую, точно это помогало ему пѣть, импровизировалъ уже новую пѣсню...

— Это Сафаръ-бегъ! — шопотомъ замѣтилъ мнѣ спутникъ...

Ночь ли эта, звѣздная, безмолвно прислушившаяся ко всему, запахъ ли южныхъ цвѣтовъ, отдаленный ли смутный говоръ моря придавали такой поэтическій смыслъ пѣснѣ—не знаю; только, вспоминая ее теперь, я не понимаю,

---

*) Мѣстный музыкальный инструментъ.

какъ эти безыскусственныя строфы могли производить на меня такое глубокое впечатлѣніе!.. Слово за словомъ ее переводилъ мнѣ мой товарищъ.

Сосѣдямъ и братьямъ желаю здоровья!..
Слаще гранаты и нѣжнѣе персика,
Лучше всего на свѣтѣ дѣвушка... и т. д.

Потомъ, замѣтивъ насъ, онъ сталъ импровизировать о „хорошихъ кунакахъ, пришедшихъ послушать его дербентскаго „маладца“, на котораго (между прочимъ) изъ-за всѣхъ створчатыхъ ставень заглядываются красивѣйшія дѣвушки“...

— Дайте ему что-нибудь.

— Да онъ не возьметъ.

Мой спутникъ засмѣялся. Я ему предложилъ какую-то мелочь. Сафаръ-бегъ, тотчасъ же принявъ, запѣлъ мнѣ что-то.

— Теперь онъ въ вашу честь пойдетъ и напьется, а утромъ его вздуетъ старикъ-отецъ! — пояснилъ мнѣ сопровождавшій меня дербентскій Мефистофель послѣдствія моей щедрости.

— Развѣ здѣшніе татары пьютъ?

— Нѣтъ... глотаютъ... Пьютъ, какъ и всѣ, только тайкомъ, „подъ сурдинку“. Вы вѣдь читали арабскія сказки, ну такъ тѣ же самые нравы и до сихъ поръ живутъ среди здѣшней шіитской молодежи.

Въ тотъ же вечеръ я посѣщалъ здѣшній клубъ съ отличнымъ паркомъ, созданный графомъ Лорисъ-Меликовымъ, когда онъ былъ начальникомъ Дагестанской области. Вотъ человѣкъ, повсюду здѣсь оставившій по себѣ самыя свѣтлыя впечатлѣнія. Въ Тифлисѣ, въ Дербентѣ, во Владикавказѣ—куда только ни ткнешься, найдешь хорошее—такъ или иначе оно связано съ Лорисъ-Меликовымъ.

Я отплывалъ изъ Дербента утромъ.

Внизу весь берегъ казался залитымъ садами. Солнце обдавало ихъ какимъ-то изумруднымъ блескомъ. Надъ

ними въ горной лощинѣ дремалъ въ своихъ древнихъ стѣнахъ восточный городъ. Молча и угрюмо высились величавыя вершины пустынныхъ горъ. Лодка, сопровождавшая насъ къ пароходу, была полнымъ-полна цвѣтами. Оказалось, это тоже не послѣдняя промышленность захирѣлаго города, снабжающаго ими совсѣмъ каменистый и песчаный Баку, гдѣ деревья за рѣдкость, а цвѣтовъ совсѣмъ не водится, если не считать носовъ мѣстныхъ жителей, возлюбившихъ кахетинское паче всего на свѣтѣ...

XXV.

Каспійская буря.

Дербентъ весь былъ залитъ солнечнымъ сіяніемъ. Пустынныя вершины окружавшихъ его горъ горѣли словно раскаленныя. Старыя, темно-желтыя стѣны города, его бѣлые домики, зеленые куполы соборовъ и мечетей, тихія восточныя улички, словно козьи тропки, извивавшіяся по кручамъ, цитадель вверху, татарскія кладбища около— все это тонуло въ яркомъ, слѣпящемъ глаза, свѣтѣ. Внизу раскидывались у самаго моря такіе пышные сады, что отъ нихъ трудно было оторваться взгляду. Волны зелени затопляли берегъ. Будто желая выбиться изъ ихъ задушающихъ объятій, тянулись вверхъ безчисленные тополи, чинары, карагачи, перевитые чуть не до самыхъ верхушекъ виноградными лозами; громадныя хартутовыя деревья, каштаны и орѣшники такъ и манили издали въ свою прохладу и тѣнь... Чудились въ этомъ зеленомъ царствѣ: звонкій говоръ ключей, журчаніе воды, бѣгущей съ крутыхъ склоновъ, торжественный шумъ широко раскинувшихся вѣтвей и оглушительные концерты всякой птицы, слетѣвшейся сюда изъ обнаженныхъ и скалистыхъ

пустырей Дагестана... Пока мы смотрѣли на дербентскіе сады и любовались маревомъ этого восточнаго города, плотно замкнувшагося въ свои древнія стѣны, пароходъ нашъ далъ третій свистокъ, и мы начали отходить нечувствительно по заштилѣвшей поверхности Каспія на юго-востокъ...

— Какой прелестный день ждетъ насъ!—замѣтилъ кто-то около, глядя на всю эту пышность развернувшейся передъ нами картины.

— Почему вы думаете—скептически возражаетъ „капитанъ", озабоченное лицо котораго вовсе не соотвѣтствовало этому праздничному настроенію.

— А вонъ посмотрите! И пассажиръ указалъ на синее-синее, раскидывавшееся надъ Дербентомъ, небо. Ни одного облачка не было на немъ. Только горные орлы мерещились, затерявшіеся въ его лазурной безднѣ.

— Да, а обратите вниманіе на востокъ.

Мы посмотрѣли туда—и, право, было чего испугаться. Залюбовавшись берегомъ, мы не замѣтили, что̀ за это время совершалось позади.

Еще нѣсколько минутъ чуть виднѣвшаяся незначительная темная кайма на горизонтѣ поднялась, сгустилась и охватила полнеба. Изъ глубины ея среди бѣлаго дня зловѣщая ночь грозно глядѣла намъ въ глаза. Это были не тучи, а какая-то стихійная однообразная марь, въ нѣдрахъ которой чудилось что-то страшное и дикое. Мы не видѣли и не слышали вѣтра, но недвижный здѣсь Каспій—тамъ глухо и угрюмо волновался, весь покрываясь бѣлыми извивами пѣны... Уже теперь мы отличали зеленые гребни его валовъ... Между этою полосою нарождающейся бури и тѣмъ пространствомъ, гдѣ были мы, не было перехода. Тутъ штиль—тамъ ураганъ. Что-то странное до-нельзя. Капитанъ парохода Павловъ хмурился и, какъ потомъ мы узнали, задумывался: не вернуться ли ему назадъ въ Петровскъ. Не въ Дербентъ, потому что

стоянка передъ этимъ городомъ представляетъ во время бури неодолимыя опасности. Старый и опытный морякъ, пытливо оглядѣвъ дали и сообразивъ, что все равно не уйдешь отъ подстереговшаго насъ ужаса, рѣшился побороться съ нимъ. И дѣйствительно, мы все ближе и ближе подходили къ рѣзкой чертѣ, отдѣлявшей недвижное море отъ взволнованнаго, и темная марь оттуда тоже надвигалась на насъ все неотступнѣе. Теперь уже въ ней мы скорѣе угадывали, чѣмъ видѣли, изломы какихъ-то молній, падавшихъ не внизъ, но сверкавшихъ въ недосягаемой высотѣ желтыми пятнами, на мгновеніе освѣщая угрюмыя и зловѣщія нѣдра. Казалось (и сравненія невольно напрашивались сами) за этою мглою свершается чудовищная битва надземныхъ сказочныхъ силъ, и сверканіе огненныхъ мечей кидаетъ внизъ, сюда, свои смутные отблески... Наконецъ, идя до сихъ поръ совершенно спокойно, мы почувствовали, точно падаемъ назадъ. Носъ „Цесаревича", большого и отличнаго парохода, одного изъ лучшихъ на Каспіи, неожиданно поднялся на страшную высоту, корма его, на которой сидѣли мы, провалилась куда-то вглубь, потомъ съ такою же головокружительною быстротой мы взлетѣли на гребень могучаго вала и опрокинулись впередъ въ зеленовато-сѣрую, свирѣпо кипѣвшую бездну, разомъ вырывшуюся подъ нами... Что-то точно обнесло насъ, глаза сами-собою жмурились, неопредѣленный шумъ въ ушахъ, сердце будто раздвигалось, занимая всю грудную клѣтку... А пропасти все глубже и глубже открывались передъ нами; мы, быстро гонимые какою-то стихійной силой, взлетали на зеленые сквозные гребни и обрушивались по ихъ скользкимъ крутизнамъ—казалось, на самое морское дно. Право, иной разъ чудилось, что до него до самаго доходили эти постоянно смѣнявшіяся воронки, которыя буря то и дѣло рыла подъ носомъ парохода... Часто зеленыя стѣны нежданно поднимались у самаго борта. И мы невольно хва-

тались за снасти, ожидая, что эти массы воды и пѣны обрушатся на палубу и смоютъ насъ съ нея прочь... Послышались первые порывы вѣтра. Однимъ изъ нихъ сорвало цѣлый гребень волны и мгновенно пронесло его по всему пароходу... Я спустился внизъ въ каюту и покорно легъ въ постель... Это лучшій способъ—не страдать отъ морской болѣзни, по крайней мѣрѣ, изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ—наиболѣе дѣйствительный.

Какъ это было непохоже на мою лѣтнюю поѣздку! Тогда, сидя на палубѣ крошечнаго „Каспія", мы любовались гигантскими вершинами Дагестана, отдѣльно стоящимъ, великолѣпнымъ конусомъ Шахъ-дага, облекшимся въ серебряныя ризы, синими ущельями и смутно выдѣлявшимися на берегу пятнами садовъ... Я не отводилъ глазъ отъ этой горы, которую можно сравнить только съ серебряною чашею, подставленною землею высокому, голубому небу. Съ края этой чаши скатился и бѣжитъ внизъ, къ самому морю, бѣшеный Самбуръ-чай. Кругомъ, въ почтительномъ отдаленіи, словно разступившись, поднялись второстепенныя вершины, до самыхъ макушекъ покрытыя дремучими лѣсами... Теперь, въ осеннюю поѣздку, мы шли точно въ самомъ сердцѣ урагана, отовсюду охваченные имъ... Лежа въ своей постели, я чувствовалъ удары, отовсюду наносившіеся нашему пароходу: то въ бокъ его толкнетъ, то въ корму, то въ носъ, то сверху обрушивается на его палубу какая-то неодолимая сила. И „Цесаревичъ" вздрагивалъ каждою планкою своей обшивки, останавливался точно, чтобы отдышаться, колыхался, какъ пьяный, на мѣстѣ и, собирая послѣднія усилія,—опять бросался сквозь мглу и бурю впередъ. Подъ иными ударами урагана мнѣ казалось, что весь пароходъ разсыплется. Нѣсколько разъ были такіе, что меня скидывало съ постели, если я во время не схватывался за койку надо мною или за края своей. Пароходъ стоналъ, трепеталъ и трещалъ, какъ живой. Мнѣ казалось, что онъ

чувствуетъ свою гибель... И такія минуты обращались въ часы, часы шли одни за другими; цѣлыя сутки мучились мы, прежде чѣмъ вышли изъ предѣловъ взболомученнаго хаоса осенней бури. Изъ каютъ рядомъ доносились самые отчаянные крики: плачъ дѣтей, вопли женщинъ, трескъ разбившейся посуды, стоны больныхъ, восклицанія ужаса, когда валы ударяли въ стѣну, у которой были койки, стукъ отъ паденія съ нихъ обезсилѣвшихъ пассажировъ, ругательства страдальцевъ, совсѣмъ утратившихъ сознаніе окружающей ихъ обстановки.

— Тонемъ, милыя, тонемъ! — утѣшала своихъ дѣтей казачка рядомъ.

Тѣ поднимали оглушительный концертъ.

— На самое дно, голубочки мои, на самое дно... И свѣта Божьяго больше не взвидимъ... Прощайте, мои дѣточки...

Crescendo „дѣточекъ“ доходитъ до fortissimo...

Съ другой стороны, ѣхавшая съ нами дама билась въ истерикѣ. Въ корридорѣ кто-то, схвативъ за шиворотъ растерявшагося и оторопѣвшаго лакея, свирѣпо требовалъ у него:

— Подай мнѣ лимона, подлецъ! Что-же, мнѣ околѣвать безъ лимона, что-ли?..

Я никакъ не могъ понять, почему околѣвать съ лимономъ легче!..

Такъ прошелъ весь вечеръ и вся ночь... Насъ то относило въ сторону, то мы сами старались шмыгнуть подальше отъ этой бури. На высотѣ, соотвѣтствующей Сурабанъ-дагу, насъ затрепало такъ, что и я, уже болѣе привычный, думалъ, что пришелъ конецъ. Странное ощущеніе охватывало въ эти минуты. Было такъ *все равно*, такое спокойствіе проникало въ душу! Зальетъ ли волнами, разобьетъ ли пароходъ—одно и то же, только бы не подыматься съ мѣста, не шелохнуться, даже не отрывать головы отъ подушки. Апатія, равной которой я не знаю! Кажется, завись спасеніе жизни отъ того, чтобы

встать, пойти наверхъ и сдѣлать что-нибудь—и не всталъ бы, и вверхъ бы не пошелъ, и ничего бы не сдѣлалъ! Огибали Апшеронскій полуостровъ мы чуть-ли не цѣлый день. Это была какая-то Сизифова работа. Только-что дойдемъ до высоты мысовъ Сарыгалваши или Когня-Бильгя, какъ словно притаившійся ураганъ набрасывается и гонитъ насъ опять назадъ, цѣпляясь за снасти, валя во всѣ стороны гнувшіяся, какъ тростникъ, мачты и обезсиливая громадную и мощную машину „Цесаревича". Пароходъ пыхтѣлъ, дѣлая тщетныя усилія, весь окуривался дымомъ и въ лучшемъ случаѣ—ни съ мѣста впередъ.

XXVI.

Въ виду Баку.

Я не могу выразить, какой восторгъ охватилъ всѣхъ, когда мы увидѣли направо островъ Святой,—низменный и едва-едва намѣчивавшійся надъ разъяренною стихіей. А потомъ, ужъ послѣ полудня (весь день ушелъ на борьбу съ моремъ опять), показался дальше „Жилой", и за этимъ чуть-чуть слабымъ краешкомъ намѣтилась Шахова коса... Пароходъ круто повернулъ тутъ, и мы разомъ попали въ болѣе спокойную полосу Каспія. „Цесаревичъ" еще отчаянно колыхался на немъ, взбѣгалъ на водяныя горы и опрокидывался въ зеленыя бездны, но валы ужъ не старались разбить и разнести его, а только кровожадно, какъ тигръ свою добычу, лизали его бока и корму... Я взглянулъ въ окошко, оно то заслонялось зеленою массою воды, то опять влажно слезилось на тусклый свѣтъ скупого дня, сплошь застилавшагося мглою и тучами. Мы попробовали встать и выйти на палубу. Море кругомъ могло быть охарактеризовано однимъ словомъ „кипѣнь".

Дѣйствительно, оно все клокотало и кипѣло, какъ въ чудовищномъ котлѣ. Разумѣется, и клокотаніе, и кипѣніе были грандіозны. Но мы уже одолѣли его, и черная полоса дыма, какъ знамя, раскидывалась назадъ, и машина работала, не обезсиливаемая нежданными порывами встрѣчнаго урагана... Зеленыя, измученныя лица показались изъ каютъ. Больные глаза, испуганные взгляды. Всѣ набрасывались на виноградъ и арбузы, на чай и лимонадъ. Капитанъ въ такія мгновенія является чуть-ли не Богомъ. „Онъ спасъ—мы безъ него бы погибли",—захлебывались восторгами дамы, и въ добродушномъ, миломъ и обязательномъ толстякѣ В. В. Павловѣ, дѣйствительно, прекрасномъ морякѣ, въ это время онѣ способны были видѣть чуть ли не Адониса или Аполлона. Жаль—лиры недоставало... Всѣ, торопясь и обрываясь, передавали другъ другу свои впечатлѣнія.

Вечеромъ уже показался входъ въ бакинскую гавань между островомъ Наргенемъ и мысомъ Шаховымъ.

— Скоро и Баку!—утѣшали насъ. Тамъ отдохнете, отоспитесь, а завтра еще лучше себя чувствовать будете, чѣмъ когда-либо прежде.

Скоро да не споро.

Дѣло въ томъ, что бакинская таможня—совсѣмъ особая таможня, и бакинскіе порядки таковы, что другихъ подобныхъ вы нигдѣ и никогда не найдете. По крайней мѣрѣ, я объѣхалъ много—и ничего похожаго не встрѣчалъ. Я помню, не въ эту вторую, осеннюю, а въ первую лѣтнюю поѣздку прошлаго года, на маленькомъ „Каспіи", который довольно-таки основательно покачало у Апшерона,—дамы оказались больными, да и мы всѣ чувствовали себя далеко неважно. Когда въ девятомъ часу мы прошли между островами Наргенемъ и Песчанымъ и увидѣли вдали горѣвшій тысячами огней Баку съ электрическими солнцами Нобелевскихъ заводовъ направо и также на пристани „Кавказа и Меркурія" передъ нами,—

мы всѣ пришли въ неописуемый восторгъ.:. Не было, казалось, выше счастья, какъ добраться до твердой земли и лечь въ постель, которая не будетъ колыхаться подъ вами... Но, увы! Капитанъ (кажется г. Бергеръ) тотчасъ же положилъ конецъ этой радости.

— Чему вы это?...

— Да вотъ сейчасъ въ Баку.

— Ну, положимъ, не сейчасъ, а утромъ.

— Да вѣдь вонъ онъ.

— Онъ самый... Только мѣстная таможня сдѣлала распоряженіе, чтобы всѣ суда, приходящія послѣ восьми часовъ вечера, до другаго утра оставались на рейдѣ, не подходя къ городу.

— Вѣдь это касается вѣрно судовъ, являющихся изъ-за границы, изъ Персіи.

— Нѣтъ, всѣхъ, и которыя изъ Узунъ-Ада, и которыя изъ Астрахани.

Правду сказать, мы не повѣрили: какому же умственно здоровому человѣку придетъ въ голову такая чепуха. Оставлять свои же суда внутренняго плаванія до другаго утра, когда никакого таможеннаго осмотра не полагается! На судахъ есть измученные, есть больные, есть ожидающіе родныхъ, есть спѣшащіе по дѣламъ,—а гг. таможеннымъ чиновникамъ лѣнь подняться отъ карточнаго стола, оставить свой „винтъ“ въ клубѣ и пройти ровно сто шаговъ до пристани, чтобы узнать, какое и откуда пришло судно... Мы не повѣрили, но, увы, скоро убѣдились, что капитанъ вовсе не клевещетъ на бакинскую таможню. Пароходъ далъ свистокъ и, гремя и грохоча, стала развертываться якорная цѣнь... Мы остановились въ виду города!...

Жадно съ палубы смотрѣли мы на городъ.

Великолѣпно освѣщенный, съ яркимъ кольцомъ огней, весело горѣвшихъ вокругъ его ротонды, откуда къ намъ смутно доносились звуки музыки, съ величавыми силу-

этами своихъ башенъ и минаретовъ, съ поэтическимъ профилемъ ханскаго дворца, казавшагося еще болѣе красивымъ подъ луною, съ пристанями, у которыхъ сновала толпа народа, — онъ дразнилъ насъ, звалъ къ себѣ неотступно... А тутъ изволь еще нѣсколько часовъ качаться на водѣ,—качаться и безъ того больнымъ и измученнымъ людямъ. Нашу злобу и бѣшенство пойметъ только тотъ, кто самъ попадалъ въ такое положеніе. Мы собирались даже посылать телеграмму министрамъ путей сообщенія и финансовъ, — написали ее, подписали,—и помню, была она очень трогательна и краснорѣчива, собрали деньги даже... но... утромъ всѣ поторопились сойти на берегъ и по россійскому добродушію забыли все и простили всѣхъ.

А надо сказать правду, это утро было прекрасное.

Плоскокровельный городъ, послѣ качки и пароходной скуки, представился мнѣ чуть не Неаполемъ. Ханскій дворецъ съ его минаретами напомнилъ мнѣ Сантъ-Эльмо и чертозу с. Мартино. Амфитеатромъ расположившіеся дома были похожи на неаполитанскіе, набережная издали ничѣмъ не отличалась отъ Санта-Лучіи, башня султанской дочери при нѣкоторомъ усиліи воображенія могла сойти за Кастель дель-ово, Балаханы съ ихъ дымками за Везувій, а Наргень позади—за Капри. Тѣмъ болѣе, что и море сегодня (лѣтомъ, въ первую поѣздку), уже успокоившееся, было лазурно и полувоздушно, и тепломъ вѣяло отовсюду чисто сицилійскимъ. Разумѣется, при ближайшемъ знакомствѣ „Неаполь“ издали оказался нашимъ Баку... Но и за первыя впечатлѣнія, красивыя и радостныя, большое спасибо нефтяной столицѣ...

XXVII.

На первыхъ порахъ.

На набережной, подобной которой изъ русскихъ провинціальныхъ городовъ можетъ похвалиться одна Одесса, насъ аттаковала толпа смуглыхъ, горбоносыхъ и босыхъ персовъ въ бараньихъ шапкахъ. Пассажировъ съ багажомъ было мало, поэтому „амбалы“, какъ здѣсь называютъ носильщиковъ, вступили въ краткій, но энергическій бой между собой, и одинъ изъ счастливыхъ побѣдителей съ гордостью взвалилъ мой чемоданъ себѣ на плечи и пошелъ впередъ съ видомъ тріумфатора-Цезаря, вступающаго въ Римъ...

— Постой, постой... Я поѣду въ фаэтонѣ,—останавливалъ я его, стараясь нагнать этого стремительнаго геркулеса.

— Фаэтонъ?.. Зачѣмъ... Грандъ-Отель билизко...

И онъ еще рѣшительнѣе зашигалъ впередъ по безлюдной улицѣ.

Городъ еще не просыпался. Окна были закрыты ставнями внизу и жалузи вверху. Солнце не успѣло подняться высоко, но зной уже давалъ себя чувствовать.

— Что у васъ жарко? – спрашиваю у амбала.

— Мыного тэпло!... И онъ показалъ мнѣ при этомъ улыбаясь зубы, бѣлизнѣ которыхъ могли бы позавидовать наши красавицы...

Плоскія кровли... Каменные, отлично отстроенные дома, великолѣпная мостовая. На первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что ужасы, разсказывавшіеся прежде въ нашей печати объ этой нефтяной столицѣ, не только преувеличены, но даже измышлены невѣдомо зачѣмъ. Разумѣется, Баку нельзя сравнивать съ Петербургомъ, Варшавой, Кіевомъ, Одессой, но здѣшніе тротуары ши-

роки и чисты—право, въ Москвѣ даже и улицы и панели хуже. Я уже не говорю о волжскихъ городахъ, хотя бы о богатой Самарѣ, по улицамъ которой можно ѣздить развѣ по судебному приговору. Изъ одной улицы мы свернули въ другую... Передъ нами было большое зданіе бакинскаго Грандъ-Отеля. Надо сказать правду, наслышавшись о немъ предварительно разныхъ страховъ, я заранѣе уже пришелъ въ очень дурное расположеніе духа. Представьте же мое удивленіе, когда по широкой и безукоризненно чистой лѣстницѣ я попалъ въ громадную, свѣтлую, обильную воздухомъ столовую, педантически опрятную, оттуда въ такой же корридоръ и, наконецъ, въ небольшой, но сносный номеръ. Ни грязи, ни насѣкомыхъ, ничего, что такъ обильно встрѣчается въ приволжскихъ гостиницахъ. Пахло всюду керосиномъ, но уже съ тѣмъ возьмите! Бакинскіе носы къ нему давно принюхались—и здѣсь имъ во времена оны поливали улицы, а теперь только моютъ полы „для блеска“. За этимъ почтеннымъ занятіемъ я засталъ и „восточную“ прислугу Грандъ-Отеля. Въ немъ, опять-таки не въ примѣръ русскимъ заведеніямъ этого рода, выписываются журналы и газеты, не только наши, но французскіе и нѣмецкіе, а лѣтомъ были даже и англійскіе. Кухня сносная; вино зато неважное и варварски дорого. Не для своихъ. Бакинцы платятъ здѣсь полтинникъ, за что г. Каспаровъ ставилъ намъ рубль, клятвенно увѣряя при этомъ, что ему самому вино обходится дорого. Относительно счетовъ вообще надо сказать правду: здѣсь писать ихъ умѣютъ отлично. Единственное и тяжелое лишеніе въ Баку, это—отсутствіе прѣсной воды. Здѣшняя немного солоновата, и безъ вина ее пить нельзя. Она дѣлаетъ противнымъ вкусъ чая. Со всѣми этими неудобствами можно легко мириться лѣтомъ. Откроешь окна — и запахъ керосина живо испаряется; велишь подать льду,— и разбавленное имъ вино замѣнитъ воду. Зато, какъ по-

томъ оказалось, Баку имѣетъ много „своихъ“ достоинствъ. Во-первыхъ, это — первый городъ (я оба раза попалъ сюда съ Волги), гдѣ я не слышалъ жалобъ на оскудѣніе, на дурныя дѣла. Баку работаетъ теперь не только на обѣднѣвшую Россію, но и на заграницу, выгоды нефтяное дѣло даетъ ему большія—всѣ сыты и довольны. Благоустройство города тоже не совсѣмъ обыкновенное. Я говорилъ уже о его набережныхъ и улицахъ. Есть между послѣдними вновь проведенныя. По сторонамъ ихъ нѣтъ еще домовъ, а онѣ отлично вымощены и хорошо освѣщаются. Все чисто, панели выметены, дома содержатся исправно. Извощики такіе, какихъ я не видалъ нигдѣ. Татары-фаэтонщики дешевы и бросаются въ глаза своими щегольскими экипажами, отлично вычищенными лошадьми и блестящей сбруей. Всѣ эти экипажи—пароконные, и какъ ни обидно, но если вы встрѣчаете грязный фаэтонъ, чахлыхъ лошадей и ободранную сбрую, можете смѣло заключить, что извощикъ—русскій. И самъ онъ ободранъ, и лошади его голодны. Причина ясная. Татаринъ не пьетъ, русскій—обязательно субботу, воскресенье и понедѣльникъ напивается, хотя онъ и молоканъ. На это досадно и совѣстно смотрѣть здѣсь. Нужно видѣть, какъ фаэтонщики-татары выѣзжаютъ въ праздники: роскошно одѣтые, въ поясахъ съ серебрянымъ наборомъ, съ золотыми цѣпочками на выпускъ; кони у нихъ такъ и лоснятся, сбруя отдѣлана серебромъ, и рядомъ наши несчастные молокане, испитые, ободранные, на колченогихъ лошаденкахъ...

Въ лѣтнее страдное время, когда промысла нефтяные работаютъ во всю, Баку кажется пустымъ совершенно. На улицахъ европейской части города—никого, зато восточныя, разумѣется, кипятъ народомъ. Все, что есть дѣловаго, въ это время находится въ Балаханахъ, Сураханахъ на заводахъ, на работѣ. Щеголеватыхъ по вечерамъ инженеровъ вы не узнаете въ этихъ залитыхъ

нефтью, зашлепанныхъ грязью труженикахъ, роющихся въ землѣ, собственноручно показывающихъ примѣръ простому рабочему, какъ надо приниматься за дѣло и выполнять его. Въ этомъ отношеніи сходство бакинскаго общества съ американскимъ громадно. Надо отмѣтить еще одну въ высшей степени отрадную черту: русскіе и туземные техники, окончившіе курсъ въ Россіи, совершенно и навсегда вытѣснили здѣсь иностранцевъ. Какъ это ни странно, какъ это ни противорѣчитъ общепринятому взгляду, но въ достоинствѣ, упорствѣ работы, въ суммѣ знаній и практичности пріемовъ здѣсь въ Баку даже нѣмецкіе и англійскіе специалисты не могутъ конкуррировать съ русскими и кавказскими уроженцами. Чужіе не только вытѣснены, но даже нефтяной король Нобель нашелъ необходимымъ замѣнить у себя шведовъ русскими. Это большое завоеваніе нашей технической молодежи. О ея дѣловитости, преданности работѣ, о ея энергіи, предпріимчивости, готовности взяться, не брезгуя, за самую черную часть своего производства, — здѣсь я слышалъ отъ лицъ, завѣдующихъ большими предпріятіями, самые восторженные отзывы. П. А. Аслановъ, управляющій всѣмъ громаднымъ производствомъ каспійскаго товарищества, говорилъ мнѣ, что иностранцы на этомъ дѣлѣ были посрамлены нашими, включая въ число послѣднихъ и армянскую молодежь. Даже чернорабочіе русскіе являются незамѣнимыми. Это—золото, рядомъ съ персами и другими инородцами, золото дѣйствительно чистое, но, къ сожалѣнію, пьянство развращаетъ и разоряетъ этотъ полезнѣйшій для нефтяныхъ промысловъ элементъ. Безчисленные кабаки, которыми полнымъ-полны предмѣстья Баку, духаны, трактиры и трактирчики,—въ сущности опять тѣ же кабаки, поражаютъ на первый взглядъ свѣжаго человѣка. Не понимаешь, чѣмъ могутъ держаться они, и потомъ только узнаешь, что существуютъ всѣ эти заведенія трудовымъ потомъ и кровью нашего мужика. Не будь этого

„національнаго“ порока, русскому здѣсь цѣны бы не было, но съ этимъ—случается, что даже такихъ золотыхъ рабочихъ держать у дѣла боязно. Никакъ его не убѣдишь, что на нефтяномъ промыслѣ нельзя курить, нельзя бросать окурки съ огнемъ куда ни попало. Еще трезвый онъ бережется, а пьяный ни на что не обращаетъ вниманія, видя во всемъ волю или попущеніе Божье. Оттого здѣсь случаются страшные пожары, истребляющіе милліоны пудовъ нефти; противъ этого пока бороться техника безсильна. Одно, что могло бы обезпечить заводы и промыслы отъ такихъ ужасовъ, — запрещеніе открывать кабаки и другія заведенія ближе пяти верстъ отъ первыхъ. но за право содержать здѣсь пропойные вертепы, пожалуй, встанутъ мелкіе нефтепромышленники, сами открывающіе или сдающіе въ аренду свои кабаки, гдѣ рабочій оставляетъ всю получаемую имъ отъ нихъ же плату.

XXVIII.

На первыхъ порахъ.

Бакинское общество исключительно во многихъ отношеніяхъ. Надо было видѣть, напр., какъ энергично велась здѣсь борьба за устройство женской гимназіи. Въ Думѣ масса персовъ, которымъ нѣтъ никакого дѣла до школы и особенно женской, но бакинцы добились учрежденія гимназіи у нихъ, при чемъ выстроили ее на диво, съ роскошью, даже невѣроятною для такого дальняго восточнаго городка. Мраморныя лѣстницы, мозаичные полы, классы, гдѣ много воздуха и простора. Надо отдать справедливость бакинской молодежи—она вообще работаетъ усердно. Спѣшу кстати снять здѣсь незаслуженный упрекъ, который одинъ изъ нашихъ писателей выска-

залъ по поводу бакинскихъ „реалистовъ". Почтеннаго наблюдателя поразило, что „волосатые" воспитанники мѣстной гимназіи расчесываютъ себѣ усы и бакенбарды, и онъ увидѣлъ чуть ли не преступленіе въ этомъ. Но, во-первыхъ, вините въ этомъ южную природу и климатическія условія, въ которыхъ организмъ развивается раньше, и когда наши сѣверяне еще безнадежно пощипываютъ свои подбородки—у южанъ она расползается во всю, а во-вторыхъ, развѣ лучше, если бы они являлись всклокоченными неряхами? Въ шумномъ говорѣ и непосредственности той же молодежи тоже никакъ нельзя в дѣть распущенности и разнузданности. Надо знать югъ и понимать его. Поживите здѣсь подольше, и тогда вы сообразите, насколько ваша мѣрка не подходитъ къ здѣшнимъ условіямъ. Тутъ всѣ шумны, и южная толпа не имѣетъ ничего общаго съ сѣверной. Судить ее по-нашему, значитъ, быть несправедливымъ. Дисциплинировать южанъ „по-нашему" нельзя. Другіе нравы, другая кровь. Дисциплинируйте тогда уже за одно и южное солнце, и южное небо, —если сможете. Молодежь здѣсь растетъ здоровая, рѣзвая, смѣлая, энергичная. Требовать отъ нея, чтобы она походила на нашихъ золотушныхъ и чахоточныхъ заморышей, не знаю, въ какой мѣрѣ основательно. Думаю, что лучше пусть уже она идетъ такъ, какъ шла. Ея шалости не обнаруживаютъ испорченности и нравственнаго растлѣнія. Эти шалости сильнаго организма съ хорошими и могуче проявляющимися инстинктами. Жаль только, что жертвами этого „обличенія" явились неповинные люди.

На первыхъ же порахъ „бакинская улица", особенно послѣ Волги и, главное, Нижняго, поражаетъ васъ отсутствіемъ нищихъ. Ко мнѣ за все время обратилась съ просьбой о милостынѣ одна полоумная татарка. Ни въ восточныхъ (собственно персидскихъ) кварталахъ Баку, ни въ русскихъ,—нигдѣ васъ не останавливаютъ оборванцы съ протянутой рукой. Здѣсь каждому, желающему

работать, дѣло найдется. Дѣло не въ полиціи,—она въ Баку бездѣятельна и не ея заслуга въ этомъ. Явись завтра сюда множество попрошаекъ,—не бакинская полиція станетъ бороться съ ними. И слава Богу! Нужно же бѣдняку не умереть съ голоду. Это вѣдь не средство—собрать цѣлый табунъ несчастныхъ и выкинуть ихъ обратно голодныхъ въ голодныя деревни. Бакинская полиція не умѣетъ даже обезпечить городъ отъ наплыва „прокаженныхъ“ изъ Персіи. Такихъ мѣстые „кербалайчики“ (какъ называютъ здѣсь персовъ) считаютъ богоугоднымъ дѣломъ принять и накормить. Оно хорошо, что говорить, но въ гигіенической заботливости о здоровьѣ населенія слѣдовало бы относиться построже къ этимъ вольноприходящимъ бродягамъ. А то здѣсь они являются среди бѣлаго дня. Я не могу забыть одного, котораго я видѣлъ раннимъ утромъ у Петровскихъ купаленъ. Голый, весь въ язвахъ, онъ безъ церемоніи спустился къ водѣ и сталъ на нашихъ глазахъ обмываться. Это никого не поразило, никому не показалось страннымъ...

Какъ ни хорошъ Баку въ общемъ, но въ немъ есть одно ужасное обстоятельство, которое совсѣмъ не миритъ съ нимъ. Я говорю объ отсутствіи зелени.

Нельзя считать садомъ какіе-то пучки розогъ у лѣтняго помѣщенія клуба или чахлыя, покрытыя пылью, ветлы на одной изъ площадей. Испанская Альмерія, спаленные солнцемъ города Морокко—привѣтливѣе Баку въ этомъ отношеніи. Ни одного зеленаго кустика, ни одного цвѣтка въ городѣ. Цвѣты сюда доставляются изъ Дербента. Всякій пріѣзжающій оттуда считаетъ долгомъ снабдить своихъ бакинскихъ знакомыхъ дербентскими букетами, какъ какою-то рѣдкостью, выходящею изъ предѣловъ естественнаго и обыкновеннаго. Окрестности Баку тоже лишены зелени. Уныніе охватываетъ, когда ѣдешь берегомъ моря или внутри страны—и не видишь ни одного деревца. Какія-то робкія былинки треплются по вѣтру,

сожженныя солнцемъ, не находящія питательныхъ соковъ въ этой безплодной почвѣ... Голые скаты, голые берега, голыя долины, голыя ущелья... На нервныхъ людей это, вмѣстѣ съ сухостью здѣшняго воздуха, производитъ ужасное впечатлѣніе.

XXIX.

Поѣздка въ Балаханы. Побѣда молодежи. Непризнанные труженики

Я уже говорилъ выше, что при нѣкоторомъ усиліи воображенія Балаханы можно принять за бакинскій Везувій.

Правда, тамъ нѣтъ огнедышащей горы, но зато изъ подъ земли вѣчно вырываются нефтяные газы, которые иногда по цѣлымъ недѣлямъ, разорвавъ всѣ поставленныя имъ преграды, уносятся на страшную высоту, застилая все кругомъ своимъ пепельно-желтымъ заревомъ. Дорога отъ Баку къ Балаханамъ — одна изъ самыхъ безотраднѣйшихъ въ мірѣ. Отсутствіе зелени — полное. Только изрѣдка точно слабый зеленый налетъ лежитъ на землѣ сухой, потрескавшейся, будто проклятой самимъ небомъ. Порою попадаются вамъ какія-то озерки, полныя черной жидкости съ синеватымъ отливомъ,—это разливы нефти. Случается, отъ нихъ темно-бурыми клубами подымается дымъ къ небу—оказывается, выжигаютъ нефтяные остатки. Чѣмъ ближе къ Балаханамъ, тѣмъ дорога дѣлается хуже. Вся она въ колдобинахъ, ухабахъ, фаэтоны переваливаются съ одного колеса на другое, трещатъ, кажется—вотъ-вотъ развалятся. По обѣ стороны— попадаются иногда по нѣсколько вмѣстѣ, иногда по одной, черныя, лежащія на землѣ трубы нефтепроводовъ

отъ балаханскихъ источниковъ къ черному городу, гдѣ сосредоточены заводы для обдѣлки нефти въ керосинъ и другія масла.

Только что мы выѣхали изъ Баку и сдѣлали первыя версты двѣ дороги—направо показался такъ называемый Черный городъ... Онъ расположенъ по скату берега и съ гребня его идетъ къ самому морю. Величиною онъ, пожалуй, равняется самому Баку, но производитъ на первыхъ порахъ очень внушительное впечатлѣніе — громадностью заводскихъ построекъ, колоссальными круглыми башнями резервуаровъ на верху. Этихъ башенъ множество—точно средневѣковыя, только обшитыя желѣзомъ и окутанныя чернымъ дымомъ, стоятъ онѣ надъ лазурною далью Каспія. Черный вблизи дымъ при сильномъ полуденномъ освѣщеніи кажется какимъ-то сизоватымъ туманомъ, въ которомъ еще увеличиваются размѣры всѣхъ сооруженій... За башнями видны громадныя трубы, за трубами какіе-то странные дома, ни на что непохожіе, соединяющіеся одни съ другими арками, галлереями... У самаго моря—пристани, къ которымъ привалили шхуны и пароходы. Между первыми есть очень оригинальныя сѣрыя съ красными каймами и тоже съ башнями-резервуарами надъ ихъ стальными палубами. Это наливныя. Однѣ приходятъ, другія грузятся, третьи отходятъ. Суета и кипѣнь—цѣлый день. Весело смотрѣть на неустанный трудъ, на эти высокія стѣны, за которыми тысячи людей нашли себѣ вѣрный и обезпеченный кусокъ хлѣба. Правда, повѣй оттуда вѣтромъ, вы съ непривычки задохнетесь отъ разъѣдающаго запаха нефти, кажется, насквозь проникающаго ваши легкія. Но въ Баку надо забыть, что природа одарила васъ носомъ. Онъ тутъ не только ни къ чему, напротивъ, это совершенно лишній придатокъ къ человѣческому тѣлу, и безъ него вы чувствовали бы себя здѣсь гораздо легче и лучше. Впрочемъ, запахъ нефтяного газа, говорятъ, очень полезенъ. Онъ—единственный

врагъ чахоточныхъ бактерій. Мнѣ разсказывали о столичныхъ докторахъ, подумывающихъ устроить въ Баку гигіеническую станцію. Въ Балаханахъ, въ помѣщеніи каспійскаго товарищества даже живетъ не мало чахоточныхъ, лѣчащихся вдыханіемъ нефтяныхъ паровъ. Помогаетъ ли?—Не знаю. Говорятъ, что больные чувствуютъ здѣсь облегченіе... Былъ даже одинъ врачъ, посылавшій сюда больныхъ издалека.

Одно, что мирило съ этимъ ужасающимъ безплодіемъ вокругъ, съ черными нефтяными озерами и черными же нефтяными ручьями, съ ѣдкою пылью, съ камнями, то и дѣло ребромъ взрывавшими дорогу — это чисто итальянское темносинее, глубокое небо, прелестное, чистое и безоблачное, благоговѣйною тишиною и кроткимъ миромъ вѣявшее на душу. Часто въ его недосягаемой вышинѣ висѣли орлы, раскинувшіе широко свои темныя крылья и зорко сторожившіе оттуда добычу... Когда земля дѣлалась противна — я подымалъ глаза къ этой всепримиряющей лазури и забывался на минуту. По сторонамъ шли столбы телефоновъ. Баку весь съ окрестностями и самъ внутри соединенъ телефонными проволоками несравненно лучшей системы, чѣмъ что-то несуразно шипящая, но дорогая система Белля въ Петербургѣ. На проволокахъ иногда цѣлыми рядами сидятъ необыкновенно красивыя сойки съ какими-то радужными, отливающими всѣми цвѣтами, перьями на груди и черные вóроны, невѣдомо чѣмъ пользующіеся здѣсь среди этого царства мертваго безмолвія. Вдали примерещилось что-то темное. Я взглянулъ, изумился и перевелъ недоумѣвающій взглядъ на своего спутника. Онъ улыбался.

— Что это тáкое?—спросилъ я его.

— А вамъ чѣмъ кажется?

— Садъ... кипарисы?

— Вотъ именно...

— Да какъ же они могли подняться среди этого мертваго края.

— Увидите...

Но чѣмъ мы придвагались къ нимъ ближе, тѣмъ эти тополи принимали все болѣе причудливыя формы и скоро оказались уже вышками, безчисленными, построенными надъ оставленными, дѣйствующими и еще проектированными нефтяными колодцами. Буровыхъ вышекъ этихъ столько, что издали ихъ дѣйствительно принимаешь за громадную рощу кипарисовъ... Но оттуда уже начинаетъ сильно пахнуть нефтью. По пути попадается молодежь съ интеллигентными лицами, но въ какихъ-то лохмотьяхъ, залитыхъ все тою же нефтью.

— Кто это?

— Да вы ихъ вчера видѣли въ клубѣ въ ротондѣ. Это наши нефтяные кроты, технологи, цѣлый день роющіеся въ землѣ.

Я вспомнилъ вчерашнихъ франтовъ и щеголей, смущавшихъ сердца бакинскихъ дамъ и дѣвицъ — и подивился ихъ преображенію. Эти именно „кроты" одержали здѣсь русскому дѣлу большую побѣду надъ володѣвшимъ доселѣ разработкою нефти иностранцемъ и безграмотнымъ промышленникомъ, хищнически расточавшимъ подземныя богатства. Съ невольнымъ уваженіемъ приходилось встрѣчаться съ этими настоящими тружениками.

— Много-ли они получаютъ?

— Да, теперь заработки ихъ поднялись. Тысячъ шесть, пять, четыре въ годъ—довольно обычное жалованье. Тутъ только русскіе и кавказцы; они отлично сжились вмѣстѣ и работаютъ, не складывая рукъ.

Надо здѣсь сказать нѣсколько словъ объ оклеветанномъ и столько и глупо осмѣянномъ племени, которому эта окраина обязана богатствомъ и разработкою естественныхъ источниковъ. Я говорю объ армянахъ. Ихъ сравнивали съ неспособными къ земледѣльческому труду ев-

реями, забывая объ армянахъ-поселянахъ, въ потѣ лица обрабатывающихъ свои нивы часто посреди совершенно безплодныхъ пустынь Малой Азіи и каспійскихъ окраинъ, объ армянахъ-садоводахъ, сумѣвшихъ обратить въ плодоносные райскіе клочки землю, родившую до тѣхъ поръ только голубую колючку, о горныхъ армянахъ, свозившихъ землю снизу на уступы и скалы, гдѣ до нихъ гнѣздились лишь пернатые хищники. Надо видѣть армянъ не въ Тифлисѣ, гдѣ они самою силою вещей обратились исключительно въ купцовъ, а тамъ, гдѣ молодая интеллигенція, отлично подготовляемая въ Петербургѣ и Москвѣ, вступила въ борьбу съ казавшимися некрушимыми силами природы и одолѣла ее. Это — не эксплоататоры и наживщики стараго поколѣнія (чрезъ это надо было пройти), это — дѣйствительные рабочіе, для которыхъ самъ по себѣ трудъ является магнитомъ, —рабочіе, находящіе профессіональный интересъ въ прогрессѣ своего дѣла. Не думайте, чтобы въ ихъ рукахъ, въ рукахъ этихъ представляемыхъ нами скопидомами армянъ были здѣшніе капиталы. Дѣйствительность далека въ этомъ случаѣ отъ усвоеннаго нами мнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ у армянъ громадныя предпріятія, всѣ же деньги и большая часть выгодъ, доставляемыхъ этими предпріятіями, у татаръ, у персіанъ - кербалайчиковъ, ничего не дѣлающихъ, но торгующихъ деньгами. Это банкиры и ростовщики каспійскихъ окраинъ. Они даютъ въ долгъ, они взимаютъ проценты, они создали крѣпкія своею солидарностью банкирскія общины, сообща оперирующія и сообща разоряющія мѣстныхъ предпринимателей. У нихъ именно развилось то, что мы называемъ кагаломъ. Персъ доволенъ малымъ. Онъ, какъ таракань въ щели, сидитъ цѣлые дни, поджавъ ноги, въ своей лавчонкѣ крытаго базара. Онъ сытъ горстью риса и кусочкомъ кебабу съ самахомъ. Ему не надо посылать дѣтей въ школу, тратиться на ихъ образованіе. Ему не надо транжириться на

свою жену и на представительство. Онъ все пріобрѣтаетъ и очень мало тратитъ. Дѣло другое—армянинъ. Разъ онъ поднялся надъ уровнемъ обыкновеннаго пролетарія, онъ не сложитъ руки. Онъ будетъ по-прежнему честно и упорно работать, но при этомъ у него является первая забота дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, и не такъ, чтобы изъ нихъ вышли въ сущности никуда негодные одуванчики,—нѣтъ. Онъ приготовляетъ изъ нихъ людей образованныхъ и въ то же время работниковъ, упорныхъ въ достиженіи цѣли, глядящихъ на трудъ, какъ на неизмѣнное и почетное условіе жизни.

Даже въ совершенно несходныхъ областяхъ дѣятельности изъ-за армянина-торгаша, мы проглядѣли, что тѣ же армяне дали намъ Бебутовыхъ, Аргутинскихъ, Лазаревыхъ, Лорисъ-Меликовыхъ, Тергукасовыхъ, въ сферѣ чисто ученой—развѣ мало профессоровъ изъ этого племени въ русскихъ университетахъ, развѣ мало въ Константинополѣ, Вѣнѣ, Венеціи и Парижѣ молодыхъ армянъ, сдѣлавшихся надеждою науки и соціальнаго прогресса. Говорятъ, что они въ послѣднее время обособляются, сосредоточиваются. А кто виноватъ въ этомъ, какъ не мы сами? Армянскія семьи забывали свой языкъ на Кавказѣ. Все русское входило къ нимъ въ плоть и кровь, пропитывало и просасывало ихъ, какъ губку, водою. Платье, обычаи, языкъ, литература русскіе — для нихъ дѣлались своими. Армянская школа хирѣла и чахла сама собою. Столь трудно достающееся намъ обрусѣніе совершалось здѣсь своимъ естественнымъ ходомъ безъ всякаго участія правительства и начальства. Какъ вдругъ, кому-то пришла въ голову несчастная идея закрыть послѣднія армянскія школы. Это было толчкомъ, пробудившимъ въ армянахъ сознаніе ихъ національности. Прежде всѣ учились по-русски и говорили между собою по-русски—послѣ этого тотчасъ же армяне заговорили по своему и стали возобновлять въ памяти свой языкъ. Въ семьи взяли армянскихъ учителей для

ребятъ. Развилась съ поразительною быстротою армянская печать и литература. Богачи, милліонеры пришли на помощь своему народу. Сотни тысячъ тратились и тратятся на поддержку просвѣтительныхъ стремленій племени, даровитаго, трудолюбиваго и до сихъ поръ слѣпо преданнаго намъ, но чуткаго къ оскорбленію и несправедливости. Посмотрите, какими пышными всходами богата армянская литература за послѣдніе годы—я не говорю объ одномъ Тифлисѣ—я говорю о Константинополѣ, о Венеціи, гдѣ сотнями выходятъ книги на этомъ языкѣ, замиравшемъ дотолѣ... Спрашивается, кто же виноватъ въ томъ, что воскресло сознаніе народности въ армянахъ? Кто виноватъ въ томъ, что племя, русѣвшее быстро и безвозвратно, вдругъ остановилось на этой дорогѣ и стало отыскивать свою особую! Разумѣется, это движеніе не опасно—но кто же обезпеченъ отъ того, чтобы оно не было представлено вреднымъ, потрясающимъ основы, и мы, разумѣется, еще болѣе придадимъ ему крѣпости и силы ударами молота. Есть въ исторіи моменты ничѣмъ необъяснимой недальновидности, близорукости, самоувѣренности—такимъ именно явилось закрытіе армянскихъ школъ, которымъ такъ хвалится кавказская администрація (*)...

XXXI.

Нефтяные колодцы, фонтаны и озера.

Вотъ какъ очевидецъ описываетъ Балаханы четырнадцать лѣтъ тому назадъ: (привожу эти строки, чтобы дать понятіе о громадномъ ростѣ нефтяного дѣла, который совершился на нашихъ глазахъ) „Я,—разсказываетъ г. Владыкинъ,—нашелъ эту мѣстность чуть-ли не въ томъ же видѣ, въ какомъ наблюдалъ ее блаженной памяти

(*) Это писалось въ 1888 году. Какъ видите, многое изъ предсказаній автора оправдалось!

Александръ Дюма, когда въ глубинѣ бурлилъ еще совершенно безполезно нефтяной колодезь Халефи (Дюма называлъ его тартаромъ), а въ Сураханахъ еще жилъ гебръ, единственный наслѣдникъ шести полупомѣшанныхъ фанатиковъ, такъ краснорѣчиво описанныхъ болтливымъ французомъ. Чернаго города не существовало, а было только нѣсколько заводовъ при выѣздѣ изъ Баку, изъ нихъ главнымъ считался Мирзоевскій. Нефтепроводныхъ трубъ тоже не было, а нефть перевозилась на вьюкахъ. Буровыхъ колодцевъ оказывалось только 25, и вся нефть добывалась изъ нихъ ручнымъ способомъ, посредствомъ черпальныхъ цилиндровъ. Вывозъ керосина не достигалъ и одного милліона пудовъ". Такъ было въ 1874 г. Теперь всѣхъ колодцевъ здѣсь считается до шестисотъ, а нефти добывается научнымъ способомъ болѣ 80,000,000 пудовъ. Казна невинна въ развитіи этого дѣла. Все оно создалось частною предпріимчивостью, усиліями отдѣльныхъ лицъ и капиталовъ. На весь нефтяной промыселъ Государственнымъ банкомъ былъ открытъ кредитъ только въ суммѣ 300,000 р. и лишь въ послѣднее время она повышена до полумилліона.

Правду сказать, ничего привлекательнаго для неспеціалиста Балаханы не представляютъ.

У самой черты ихъ мы должны были выйти изъ фаэтона... Попадая то въ нефть, то въ пропитанную ею грязь и въ видѣ особенно счастливой случайности чуть не по щиколку уходя въ песокъ, мы отправились въ это нефтяное царство, мимо отдѣльныхъ бассейновъ, такъ сказать, открытыхъ резервуаровъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого—земляными валами. Взбѣгая на нихъ, я неизмѣнно видѣлъ у моихъ ногъ черную массу противно пахнувшей жидкости, ожидавшей такимъ образомъ своего провода на заводы. Всюду—и впереди, и позади, и по сторонамъ торчали громадныя конусообразныя вышки. Изъ одной доносился до меня шумъ, точно ураганъ врывался въ какое-то узкое ущелье и бушевалъ тамъ.

— Что здѣсь такое?

— Нобелевскій № 46-й фонтанъ.

Мы вошли, обогнули его издалека, потому что прямо подойти было невозможно. Изъ буровой трубы могуче неслась струя нефти, которую едва-едва удалось, набросивъ на эту трубу такъ называемый шлемъ,—отвести въ сторону. Шлемъ этотъ открытъ устьемъ впередъ, и такимъ образомъ фонтанъ направляется вонъ изъ вышки, а, чтобы нефть не разсѣивалась въ пространство, передъ нимъ поставленъ большой деревянный щитъ. Жидкость бьетъ въ него и поневолѣ рушится внизъ—въ громадное уже озеро, образовавшееся въ какихъ-нибудь восемнадцать дней. Она бы залила все кругомъ, если бы съ утра до ночи и ночью не работалъ нефтепроводъ, высасывающій ее на заводы. Нефть вырывается изъ буровыхъ трубъ въ видѣ массы брызгъ желтовато-грязнаго цвѣта. Она даетъ въ сутки шестьдесятъ тысячъ пудовъ... Первые дни—было ее больше, отъ 200—350 тыс. пуд. Всего до нашего пріѣзда,—эта буровая скважина выбросила уже три милліона пудовъ и теперь насчитывается четвертый... Но настоящее величественное зрѣлище ждало насъ далѣе. Мы только что направились было къ вышкамъ Каспійскаго Товарищества, какъ какой-то „туземецъ“ крикнулъ издали:

— Бѣгите, полюбуйтесь, что творится въ участкѣ Горнаго Общества.

— Что такое?

— Цѣлое изверженіе Этны, – смѣялись намъ.

Еще издали слышался какой-то стихійный гулъ. Вблизи—мы уже объяснялись знаками, потому что бѣшеный шумъ вновь открытаго фонтана заглушалъ всѣ остальные звуки. Это было что-то невѣроятное! Мнѣ чудилось, что милліарды пудовъ нефти клокочутъ подъ корою этой и бѣшено ищутъ выхода, чтобы затопить не только Балаханы, но и Баку, и все Каспійское море своимъ бѣ-

шенымъ напоромъ. Воображеніе невольно работало, преувеличивая сообразно этому остервенѣлому грохоту и все остальное. Когда мы подошли ближе, я остановился пораженный. Сегодня только открылся этотъ колодезь. Буръ дошелъ до нефти, и она со страшною силой изъ подземныхъ тайниковъ своихъ вырывалась на свѣтъ Божій. Долго, десятки-сотни тысячъ лѣтъ, запертые въ глубинахъ земли нефтяные газы рвались въ настоящую минуту такъ, точно всѣ эти десятки и сотни тысячъ лѣтъ каждый ихъ атомъ томился и мучился своей неволей и теперь, обгоняя остальные, толкая ихъ, стремился скорѣе, скорѣе вонъ,—на воздухъ, на свободу. Было что-то—въ одно и то же время—и торжественное и грозное въ этой картинѣ. Когда я освоился съ ней и сталъ впереди,—мнѣ показалось, что изъ буровой скважины, направляемыя шлемомъ, съ головокружительной стремительностью несутся на меня желтыя облака. Именно желтыми облаками вырывался газъ вмѣстѣ съ пескомъ и стремился куда-то вдаль...

— Какъ глубока буровая скважина? спрашиваю я провожатыхъ.

Разводятъ руками. Видимо не слышатъ. Послѣ ужъ я узналъ, что она равнялась ста четырнадцати саженямъ при десяти дюймахъ діаметра. Когда я всмотрѣлся, я различилъ въ этихъ желтыхъ облакахъ газа множество камней, и каждый изъ нихъ, точно обернувшійся клубомъ песку, стремился впередъ. Въ этой стихійной безурядицѣ работалъ, забывая собственную безопасность, горный инженеръ Колобовъ, стараясь съ рабочими подставить щиты, чтобы урегулировать массу даромъ пропадавшей нефти; но все было напрасно. Щиты разбивались въ дребезги. Сила, съ которой несся этотъ нефтяной газъ, была такова, что когда впослѣдствіи приложили къ буровой трубѣ выброшенные, такъ сказать, выпертые имъ изъ подземныхъ тайниковъ камни, то оказалось, что они

больше ея діаметра. Представьте пулю, которая, будучи отъ напора внезапно развившихся газовъ больше окружности дула, пролетаетъ черезъ него. И притомъ дула, длина котораго равняется ста четырнадцати саженямъ!... Къ вечеру этого же дня, фонтанъ Горнаго товарищества сбросилъ съ себя свой шлемъ и разнесъ вышку, построенную надъ нимъ. Мы видѣли его потомъ издали. Онъ поднимался прямо надъ землей, на сотни саженъ, легко одолѣвая пространство и падая внизъ нефтяными брызгами. Милліоны пудовъ нефти пропадали такимъ образомъ. Цѣлыя озера ея образовались кругомъ, частію просачиваясь въ землю, частію соединяясь въ глубокій прудъ. Право, было что-то невыразимо, неописуемо грандіозное въ этомъ „столпѣ нефтяномъ“, цѣлыя недѣли стоявшемъ надъ Балаханами. На него ѣздили смотрѣть отовсюду... Какая масса нефти лежитъ въ нѣдрахъ земли, если даже такія изверженія ея не истощаютъ заготовленныхъ природою на потребу человѣка складовъ горючаго и освѣтительнаго матеріала... Представьте себѣ, что было, когда, вѣроятно, вслѣдствіе небрежности пьянаго рабочаго, бросившаго окурокъ съ огнемъ около такого же нефтяного столба — Маркова фонтана, — онъ загорѣлся! Это представлялось въ одно и то же время и ужаснымъ, и изумительно красивымъ. Нѣсколько дней и ночей горѣлъ онъ, и какъ горѣлъ! Во мракѣ, на восемьдесятъ верстъ кругомъ, онъ освѣщалъ этотъ царственный факелъ, и землю, и море, и безлѣсныя пустынныя горы, и небо. Ни одинъ тріумфаторъ въ мірѣ не видалъ подобнаго свѣтильника въ честь свою. Баку за двадцать верстъ, кажется, былъ озаренъ зловѣщимъ яркимъ заревомъ... Гигантская струя огня долго не могла потухнуть. Ожидали страшныхъ и невознаградимыхъ несчастій. Пароходы издалека въ открытомъ морѣ видѣли этотъ изумительный маякъ. На большихъ разстояніяхъ отраженіе его охватывало темное небо. Отъ жару покоробились, истлѣли

и прахомъ распались всѣ ближайшія вышки. Стихійный пожаръ этотъ можно было затушить, только закрывъ чѣмъ-нибудь отверстіе буровой трубы, что оказалось немыслимымъ, потому что у этой огненной струи нельзя было стоять, не рискуя обуглиться. Я потомъ видѣлъ слѣды этого катаклизма, потухшаго, когда выгорѣла вся нефть, бывшая здѣсь въ подземномъ складѣ хозяина-природы... Громадная черная площадь, какія-то горы золы... Цѣлое колоссальное состояніе погибло такимъ образомъ, вслѣдствіе того, что какой-нибудь Иванъ Еремѣевъ запилъ и вздумалъ покурить трубочку, по простотѣ своей душевной.

Площадь первыхъ оканчивается,—начинаются вторыя... У меня кружилась голова, когда я бродилъ по этому пространству, гдѣ гремятъ фонтаны, визжатъ буровыя цѣпи, съ глухимъ шумомъ текутъ нефтяныя струи къ своимъ резервуарамъ... Мнѣ попадались массы рабочихъ черныхъ, какъ эта нефть, и залитыхъ ею же, много технологовъ—не лучше этихъ рабочихъ по наружному виду. Всѣмъ было некогда, очевидно дѣло кипѣло во всю, и каждая минута была несказанно дорога...

Мы вошли въ одну вышку.

Тутъ еще бурился колодезь. Вверху въ сумракѣ висѣли громадныя цѣпи. Два татарина, молча, налегая всѣмъ своимъ корпусомъ, поворачивали буръ медленно и рѣдко, со сноровкой — очевидно достигнутой путемъ долгой практики. Трескъ паровой машины, шорохъ приводовъ, быстрый шумъ колесъ, стукъ какихъ-то молотовъ, позвякиванія развивавшейся цѣпи—наполняли эту тьму.

— Много ли получаютъ они?

— Да... Здѣсь хорошо зарабатываютъ.

— Напримѣръ?

— Да вотъ эти татары вдвоемъ рублей 60 въ мѣсяцъ возьмутъ.

Я вспомнилъ условія такого же труда на нашемъ Сѣверѣ, въ Пермской губерніи. Тамъ, въ Усольи, на соляныхъ промыслахъ, бурившіе землю чердынскіе мужики получали по двадцати копеекъ въ день, на всемъ своемъ!..

Мы осмотрѣли центральный резервуаръ для сохраненія нефти и желѣзно-дорожную станцію съ устроеннымъ въ ней механизмомъ для налива цилиндрическихъ вагоновъ, потомъ — дворъ Каспійскаго Товарищества, извѣстнаго тѣмъ, что оно вылупилось на свѣтъ Божій изъ ничего, только благодаря энергіи и предпріимчивости лица, стоящаго во главѣ его. Теперь оно представляетъ собою капиталъ ровно 2,000,000 р., и это послѣ десятилѣтней работы. Какъ не подивиться, какіе богатые результаты даетъ здѣсь частный починъ и знаніе, когда они соединяются вмѣстѣ... На разныхъ мастерскихъ здѣсь работаютъ русскіе. Туземцы въ слесарной, столярной и кузнѣ никуда не годятся, даже на земляныхъ работахъ мастерами являются наши, и персы только исполняютъ ихъ указанія. Могли бы богато и счастливо жить этой работой. Но опять-таки тѣ же сѣтованія мѣстныхъ управляющихъ и заводчиковъ на водку и пьянство, которыя изводятъ и губятъ русскую силу, огнемъ палятъ, ржою съѣдаютъ благосостояніе рабочей семьи. Во дворѣ Каспійскаго Товарищества мы видѣли одного полуумирающаго — чахоточнаго. Его поселили здѣсь дышать нефтянымъ газомъ.

— Что же, онъ поправляется?

— Да, за послѣднее время чувствуетъ себя лучше. Прежде онъ только лежалъ, теперь двигается. Самъ выходитъ въ галлерею и садится тамъ.

Осмотрѣвъ мимоходомъ источникъ, откуда добывается нефть старымъ способомъ (лошадь вмѣсто паровой машины, и на длинной веревкѣ желонки—мѣдныя ведра, черпающія жидкость), мы кстати прошлись по кривымъ и живописнымъ, по своему, улицамъ татарской деревушки Сабунчи. Онѣ были грязны—зато дворики поражали своей

педантическою опрятностью. Всюду сквозь отворенныя ворота мы видѣли два-три чахлыхъ деревца внутри, мазанную известью галлерейку, застланную коврами и цыновками. На площади, противъ мечети съ небольшимъ минаретомъ, сидѣли важные и спокойные чалмоносцы и играли бритоголовые ребятишки, кричавшіе намъ что-то, весело сверкая своими красивыми черными глазами. Въ одномъ изъ переулковъ, на крошечной лошадкѣ во все горло распѣвалъ какой-то персіанинъ въ зеленой чалмѣ съ трехъ-угольнымъ значкомъ за спиною, привязаннымъ къ сѣдлу. Оказалось, что это проводникъ каравана богомольцевъ, отправляющихся въ Кербелу. Онъ такимъ образомъ собираетъ и организуетъ свой караванъ...

Смеркалось. Солнце закатилось въ золотистый туманъ. Не успѣли мы еще отъѣхать отъ Сабунчи, какъ уже наступила ночь. Ярко разгорались ея золотыя звѣзды, а скоро и мѣсяцъ задумчиво засвѣтился надъ нами.

Въ потемкахъ пустынныя окрестности Баку были еще печальнѣе и мертвѣе.

XXXII.

Керосиновые заводы.

Изъ Сабунчей, которые мы посѣщали и послѣ не разъ, мы всходили на небольшой холмъ, откуда открываются окрестности Баку. За городомъ мнѣ показывали чуть замѣтный гротъ Стеньки Разина, долго жившаго здѣсь, прежде чѣмъ онъ отправился окончательно „воевать Персію“. Изъ грота, говорятъ, есть подземный выходъ къ морю. Въ одну изъ поѣздокъ въ Сабунчи мы вернулись оттуда Чернымъ городомъ и осмотрѣли заводы для обдѣлки нефти въ керосинъ и др. освѣтительныя масла.

Я выбралъ сначала не нобелевскій, гдѣ все слишкомъ громадно, слишкомъ *исключительно*. Чтобы судить о положеніи данной промышленности, надо принимать въ соображеніе среднія предпріятія, общее правило, а не исключенія, и потому я отправился въ Каспійское Товарищество.

Въ сѣроватой дымкѣ газа черныя башни и трубы безчисленныхъ заводовъ казались еще мрачнѣе, еще внушительнѣе. Какъ форсунки ни отводятъ дымъ, онъ все-таки стелется надъ Чернымъ городомъ, заслоняя его отъ глубокаго синяго неба. Заводы одни отъ другихъ отгородились стѣнами. Всюду — молчаніе. Дѣятельность здѣсь, самая кипучая, не выражается шумно. Насъ встрѣтила „техническая семья“: старикъ Эйхлеръ—первый много-много лѣтъ тому назадъ въ этомъ округѣ введшій научные пріемы въ обработку керосина. Управляющій — представитель средняго поколѣнія—весь ушедшій въ дѣло, практикъ до мозга костей, чуждый теоретическимъ увлеченіямъ идеалиста прежнихъ временъ Эйхлера и здѣсь же работающій за одно съ нимъ, весь точно изъ нервовъ и энергіи, примиряющій въ себѣ и идеализмъ Эйхлера, и практическія наклонности переходнаго поколѣнія—молодой технологъ изъ Петербурга. Все это съ утра до вечера трудится, не складывая рукъ, направляетъ громадный механизмъ завода, работаетъ надъ улучшеніями, дѣлаетъ опыты и, буде они оправдываются, тотчасъ же вводитъ ихъ въ технику производства. Весело смотрѣть даже на эту „семью“, представляющую собой воочію три періода технологіи, собравшуюся здѣсь со всѣхъ концовъ міра, казалось бы случайно, но сросшуюся другъ съ другомъ общностью интересовъ и „ревностью въ трудѣ“.

Громадныя башни-резервуары вверху. Точно феодальный замокъ — круглыя стоятъ онѣ, вѣнчая склонъ, на которомъ разбросаны зданія завода. Въ этихъ круглыхъ башняхъ—въ одной помѣщается 50 т., въ другой 75 т.

пудовъ. Строится третья — истинное чудовище—на 150 т. пудовъ. Издали онѣ покажутся сооруженіями какой-нибудь стародавней крѣпости, когда люди, защищаясь, не зарывались въ землю, а надъ нею ставили казавшіяся несокрушимыми твердыни. Рядомъ — громадный искусственный прудъ съ 185,000 пудами воды, набираемой сюда насосами съ моря. Это единственные, здѣсь дѣйствующіе. Все остальное движется сверху внизъ по склону естественною силою, но не механическими приспособленіями. Внизу, точно вассалы поселившагося вверху феодала—массы строеній, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое назначеніе: вонъ прудъ съ остатками нефтяными—мазутомъ, дальше сквозь сизую дымку газа—голубой безпредѣльный просторъ Каспія съ судами, приставшими къ берегу, двигающимися подъ парусами вдаль и качающимися на якоряхъ верстахъ въ двухъ отсюда. Съ самотекомъ идемъ и мы подъ гору. Передъ нами громадная площадь, крытая киромъ. Это потолокъ закрытаго бассейна, выложеннаго камнемъ. Тутъ, подъ нашими ногами 1,200,000 пудовъ нефти, собирающейся изъ источниковъ балаханскихъ и сабунчинскихъ проводными трубами. Этотъ крытый, я бы сказалъ, блиндированный, бассейнъ вытянулся въ длину на 32 сажени, при 24 ширины, въ глубину онъ идетъ на 30 футовъ.

— Такъ и кажется, что потолокъ рухнетъ подъ нами, и мы уйдемъ съ головой въ этотъ подземный складъ нефти.

— Мудрено ему рухнуть,—смѣется управляющій. Крыша вся изъ желѣзныхъ фермъ и дерева. Фермы черезъ каждые 4 аршина перекинуты. И не такую тяжесть выдержитъ.

Нефтепроводъ изъ Сабунчи въ этотъ складъ состоитъ изъ четырехъ-дюймовой желѣзной трубы, работающей безпрестанно. Отсюда же трубы идутъ внизъ на заводы, обдѣлывающіе изъ нефти керосинъ, и въ другіе, нужда-

ющіеся въ ней и покупающіе ее у товарищества. Расположеніе здѣсь очень выгодное. Ни насосовъ, ни машины—все совершается самотекомъ. Это спеціальная выгода здѣшняго завода.

Изъ верхняго резервуара нефть поступаетъ во второй пониже—тоже крытый, гдѣ помѣщается только 60,000 т. пудовъ. Этотъ разгороженъ на два отдѣленія по 30,000 п. въ каждомъ. Тутъ нефть отстаивается и посредствомъ трубъ, введенныхъ внутрь ея, нагрѣвается до 70°, освобождаясь отъ частицъ воды. „Обезводенная" нефть поступаетъ проводами въ перегонные кубы для переработки. Къ нимъ мы и идемъ теперь. Два красные кирпичные куба рядомъ, съ такими же трубами. Тутъ шипитъ, хрипитъ и, точно тяжело больной, съ натугою дышитъ паровикъ, свистятъ пронзительно вырывающіяся на свободу изъ кубовъ струи „перегоннаго" пара, и зловѣще, глухо въ каменныхъ утробахъ клокочетъ нефть. При температурѣ отъ 100° и выше изъ нефти здѣсь начинаютъ выдѣляться продукты перегона, сначала легкія масла: бензинъ, газолинъ, потомъ керосинъ, которые разгоняются въ разныя мѣста, въ видѣ газовъ, чугунными трубами. Охлаждаясь въ водѣ (сверху текущей постоянно), эти трубы доставляютъ масла ужъ въ видѣ жидкостей въ сортировочное отдѣленіе. Я осматривалъ эти „пролетныя" отдѣленія съ цѣлою системою трубъ. Внутри казалось— цѣлый адъ. Шипѣніе газа, шорохъ нагрѣвающейся и отводимой воды, глухой шумъ новыхъ притоковъ, свистъ пламени въ печахъ и пульверизаторахъ, ревъ какихъ-то каменныхъ утробъ; два ряда печей, глотающихъ и дышащихъ огнемъ, вверху надъ ними сѣть или, лучше, паутина трубъ, въ которой невольно представляешь себѣ чудовищнаго паука въ видѣ символическаго дьявола. Голова начинаетъ кружиться, запутываешься въ подробностяхъ, въ детальныхъ эффектахъ, упускаешь изъ виду грандіозныя цифры—всю эту „поэзію технологіи", какъ

выразился весьма удачно мой спутникъ. Именно этими 27-ю трубами керосинъ и идетъ въ сортировочную, сдѣлавъ предварительно нѣсколько колѣнъ и заворотовъ. Въ пріемникѣ темно—тутъ самое „огнеопасное", какъ выражаются на заводахъ, мѣсто. Здѣсь такъ боятся огня, что, я думаю, не пускаютъ даже влюбленныхъ, чтобы отъ ихъ взглядовъ не воспламенились легко загарающіяся масла. Фонари помѣщаются за окнами... Пріемникъ раздѣленъ на два отдѣленія, въ нихъ 27 струй, съ шумомъ водопада, ровно льются въ бассейнъ. Отсюда самою толстою трубой отводится керосинъ, опредѣляемый извѣстнымъ удѣльнымъ вѣсомъ (за чѣмъ слѣдятъ тщательно), затѣмъ ужъ съ другимъ вѣсомъ идутъ бензинъ, газолинъ и другіе черезъ болѣе тонкія трубы, выводящія жидкости въ отдѣльныя круглыя башни.

Поражаешься безлюдьемъ.

На заводѣ всего 95 человѣкъ. Каждый въ своемъ углу, въ своей ячейкѣ. Никого не видишь нигдѣ. Точно въ какое-то сказачное царство попалъ, гдѣ все совершается безъ рабочихъ рукъ, а „по щучьему велѣнію". Въ сумеркахъ (мы оставались здѣсь до поздней ночи) робко мигаютъ газовые фонари, плотно запертые въ свои стеклянныя клѣтки, жадно дышатъ огненныя пасти печей, слышится всюду движеніе, шумъ жидкостей, словно совершающихъ какое-то непонятное обращеніе по невидимымъ жиламъ и артеріямъ, выбрасываемыхъ столь же недоступными венами, и не замѣчаешь никого, направляющаго эти загадочные для профана механизмы .. Изрѣдка только мелькнетъ гдѣ-нибудь сумрачная фигура, залитая керосиномъ, молчаливая, словно изъ-подъ земли показавшаяся, чтобы опять уйти въ землю, мелькнетъ—и нѣтъ ея. Сумракъ ли ее проглотилъ, или она дѣйствительно ушла въ землю—ничего не видно.

Керосинъ идетъ отсюда въ пріемные резервуары (башни) еще не готовый. Его самотекомъ гонитъ изъ нихъ черезъ

трубки въ очистительныя мѣшалки—двѣ небольшія цилиндрическія башенки, на которыя мы взбираемся по ажурнымъ желѣзнымъ лѣстницамъ, паутиною опутавшимъ ихъ. Въ правой—сѣрная кислота. Сюда впускаютъ воздухъ для поддержанія въ кислотѣ вѣчнаго движенія, взбалтыванія ея. Она бурлитъ, и шипитъ, и клокочетъ. Сверху — керосинъ, очищающійся подъ ея вліяніемъ. Кислота внизу. Когда реакція совершена, кислоту выпускаютъ изо-дна, а керосинъ перегоняется въ другую мѣшалку-башню, куда вливается растворъ ѣдкаго натра (поташа). Въ первой мѣшалкѣ керосинъ еще „кислый", здѣсь же онъ нейтрализуется. Натръ отстаивается, выпускается вонъ, а керосинъ накачивается въ верхнія башни-резервуары для окончательнаго отстоя.

Послѣ этого, „вымытый, какъ заяцъ, въ семи водахъ," керосинъ готовъ.

Масла тоже обрабатываются и идутъ въ спеціальныя помѣщенія.

Мы осмотрѣли насосное отдѣленіе, двигающее воду изъ моря въ верхній прудъ, затѣмъ лабораторію, гдѣ исключительно царствовалъ Эйхлеръ съ молодымъ технологомъ, и затѣмъ уже отправились въ Баку.

Черезъ нѣсколько дней, получивъ разрѣшеніе осмотрѣть Нобелевскіе заводы — я отправился туда. Разумѣется, ихъ нельзя сравнить ни съ какими другими въ Россіи. Тутъ все громадно, все исключительно, все „растетъ и рвется вонъ изъ мѣры". Я бы сказалъ, что здѣсь и башни, и трубы, и резервуары, и свистъ паровиковъ, и грохотъ молотовъ, и ревъ пламени въ фурмахъ представляются въ преувеличенномъ видѣ. Тутъ не одно керосинное дѣло. Въ чертѣ заводовъ отливаются и собираются для него машины, приборы, колпаки (шлемы для нефтяныхъ фонтановъ). При этомъ ни одного куска угля, ни одного полѣна дровъ—все на нефти. Всюду горятъ маленькія переносныя печи для сплава и отливки;

эти печи изобрѣтены здѣсь на мѣстѣ, и только тутъ я и видѣлъ ихъ употребляющимися въ дѣло. Тутъ и заводы сѣрной кислоты, необходимой для очистки керосина—въ нихъ съ непривычки чихаешь до того, что ничего толкомъ и не разсмотришь. Всюду роскошь и чистота: водопроводъ устроенъ для завода такой, что машина его и труба, принимающая воду,—равны петербургской, снабжающей всю столицу невскою водою. Керосинъ здѣсь вырабатывается непрерывно, безъ антрактовъ. Самые типы рабочихъ здѣсь интеллигентные, вдумчивые и смотрятъ они достаточными и несомнѣнно трезвыми. Для служащихъ отведены квартиры въ роскошной сторонѣ построенной Villa Petrolia. Нобелевскіе заводы оказываютъ большія услуги мѣстному керосинному дѣлу еще и потому, что здѣсь примѣняются всѣ научныя приспособленія.

Несомнѣнно, что керосиновое дѣло въ Баку развилось бы еще шире и захватило гораздо большій районъ мѣста, если бы закавказская желѣзная дорога могла удовлетворять всѣмъ требованіямъ мѣстныхъ заводчиковъ. Къ сожалѣнію, ея перевозочныя средства далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительной надобности. Въ Баку поэтому идутъ вѣчно препирательства мѣстной станціи отправленія съ отправителями. Когда послѣдніе требуютъ сто вагоновъ, имъ даются только двадцать. Сбытъ на сѣверъ, въ Россію моремъ и Волгой заключился въ цифру дѣйствительной потребности, ростъ ея идетъ далеко несоотвѣтственно съ возможнымъ ростомъ самихъ промысловъ. Сюда сбудешь немного больше того, что сбыто въ прошломъ году. Главное препятствіе для закавказской желѣзной дороги является въ Сурамскомъ перевалѣ. Понятны поэтому тѣ страстныя ожиданія, которыя были здѣсь возбуждены и еще усилились теперь по поводу нефтепровода, о которомъ писали и пишутъ въ мѣстной печати.

XXXIII.

Персидскій Баку. Кербалайчики.

Собственно говоря, въ Баку надо считать два Баку. Одно полуевропейское — полуамериканское, съ кипучею дѣятельностью, съ страстью къ наживѣ, съ интеллигенціей, которой можетъ позавидовать любой русскій городъ, за исключеніемъ университетскихъ разумѣется, съ великолѣпными улицами, отличными домами, торговыми конторами, магазинами, съ красивою набережною, о желтый барьеръ которой тщетно бьются неугомонныя волны Каспія, съ людными и шумными пристанями, съ сотнями и тысячами судовъ и пароходовъ, плывущихъ сюда изъ Астрахани, Узунъ-Ада, Решта, Энзели, Астрабада... Но рядомъ съ этимъ Баку уживается другое, — я думаю, оставшееся неизмѣннымъ со времени ширванскаго ханства. Это—Баку татарско-персидское, Баку, замкнувшееся въ старыя стѣны, пріютившееся въ тѣни стараго ханскаго дворца, обступившее тѣсными улицами-щелками свои мечети, Баку—крашеныхъ бородъ и высокихъ минаретовъ иранской архитектуры, Баку—темныхъ рядовъ, Баку — гаремовъ и молчаливыхъ, но сообразительныхъ кербалайчиковъ, Баку — гдѣ любители востока найдутъ всѣ его прелести въ полной мѣрѣ, начиная съ красивыхъ персіанокъ и кончая прокаженными, являющимися сюда изъ сосѣдняго царства Насръ-Эддина-шаха. Это Баку, несмотря на его темныя стороны, я люблю, и люблю чрезвычайно. Тутъ настоящій колоритъ чуждой намъ, но издали кажущейся такою интересною, такою яркою жизни; тутъ разнообразіе типовъ, о которыхъ не даютъ никакого понятія остальные города Кавказа; тутъ русское, европейское такъ мало оставило по себѣ слѣда, и настоящій мусульманскій востокъ такъ укладисто и спо-

койно ужился рядомъ съ Европою, что отъ контраста еще болѣе онъ выигрываетъ въ глазахъ художника и бытописателя. Досадно дѣлается здѣсь и въ Тифлисѣ за нашихъ живописцевъ. Отчего они не пріѣдутъ сюда— подъ эти темно-голубыя строгія небеса, подъ это чудотворное солнце, къ этому лазурному, какъ персидская бирюза, воздушному, какъ чарующій миражъ, и улыбающемуся, какъ счастливая женщина, морю. Жалуются они на отсутствіе красокъ и типовъ — пожалуйте на эту окраину, и вы растеряетесь въ изобиліи первыхъ и въ рѣзкой оригинальности вторыхъ. Тутъ, въ старомъ городѣ есть такіе уголки, которые сами просятся въ картину, сами такъ и даются вамъ въ руки. А видъ сверху — на эту цитадель стараго дворца ширванскихъ хановъ, на мечети съ ихъ своеобразными минаретами... Самый колоритъ сѣровато-матовый, чудный подъ этимъ небомъ и у этого моря... Нѣтъ, что хотите, а для меня старое восточное Баку гораздо заманчивѣе своего болѣе молодого оевропеившагося сосѣда!...

Этó Баку—кербалайчиковъ.

Что такое кербалайчикъ?

Такъ здѣсь называютъ всѣхъ вообще персовъ-бакинцевъ. Слово происходитъ отъ *Кербелы* — ближайшаго въ Персіи мѣста поклоненія, куда они отправляются цѣлыми караванами. Всякій возвратившійся оттуда прибавляетъ къ своему имени эпитетъ Кербели и несказанно хвалится этимъ. Потомъ онъ предпринимаетъ паломничество въ Мешедъ и присовокупляетъ къ своей фамиліи еще частицу Мешеди. Побывавъ въ Меккѣ, онъ уже въ дополненіе ко всѣмъ своимъ титуламъ дѣлается ходжа, и тогда съ нимъ не разговаривайте. Онъ задираетъ носъ по перпендикуляру. Обыкновенные, нигдѣ не побывавшіе персы-бакинцы—народъ довольно честный. Но здѣсь говорятъ, что, пропутешествовавъ въ Кербелу, они дѣлаются плутами, въ Мешедъ — трехпробными мошенниками, а

вернувшись изъ Мекки — хищниками, какихъ свѣтъ не производилъ въ другихъ мѣстахъ, такъ что если вы рѣшаетесь повѣрить на одну десятую Кербели, Мешеди вы уже довѣряете на одну сотую, а ходжу, не слушая, гоните вонъ. Во время послѣдней войны эти „господа ходжи“, несмотря на то, что подъ персидскою властью они никогда не пользовались бы такими привилегіями, безопасностью и безпристрастіемъ, какъ у насъ, почему-то вообразили, что Персія должна немедленно объявить намъ войну и одновременно съ тѣмъ, какъ турки вступятъ въ Тифлисъ, персы, видите ли, займутъ Баку. Состоялось у нихъ даже чрезвычайное собраніе въ мечети. На немъ они распредѣлили между собою всѣ христіанскіе дома и имѣнія, всѣ магазины и лавки, всѣхъ женъ и дочерей-христіанокъ. Такимъ образомъ оказалось, что кербалайчики отлично знакомы не только съ имущественнымъ, но и съ семейнымъ инвентаремъ Баку-европейскаго. Это отчасти рисуетъ наше положеніе въ этомъ краю, наше неумѣнье внушить вѣру въ его незыблемость и прочность. А между тѣмъ, рядомъ съ персами, живущими „подъ шахомъ“, эти могутъ считать себя счастливцами. Еще бы,—они наживаются и свободно располагаютъ своими деньгами, тогда какъ въ настоящей Персіи богатые или должны откупаться, или имъ безъ церемоніи рѣжутъ головы.

— Тегеранъ, — объяснилъ мнѣ одинъ персъ, – нѣтльзя богатъ себя казалъ.

— Почему?

— Шпіонъ ходилъ, шпіонъ видѣлъ, шпіонъ шахъ сказалъ. Шахъ дворецъ звалъ: твоя—моя и твоя деньги—моя,—давай сто тысячъ тумановъ...

— Ну?

— Не давалъ сто тысячъ — турму сажалъ, турму сажалъ—башка канчалъ.

Коротко и ясно.

Такова система финансоваго управленія въ Персіи до сихъ поръ. Всякой піявкѣ предоставляютъ полную свободу насосаться вволю. Но какъ только она насосалась, сейчасъ же „пожалуйте“, и изъ самой выпустятъ всю кровь. Несогласна: турму сажалъ—башка канчалъ! Строго, но справедливо.

У насъ бакинскіе персы, между прочимъ, и до сихъ поръ освобождены отъ воинской повинности. Богатство ихъ выше всякаго описанія. Я уже говорилъ, что предпріятія находятся въ армянскихъ и русскихъ рукахъ, а капиталы—всѣ у персовъ, по преимуществу закладчиковъ и своеобразныхъ банкировъ. Даже поселяне-персы богаты, благодаря заработкамъ и поразительной умѣренности ихъ жизни. Возьмите Сабунчи. Мнѣ разсказывали, что когда празднуютъ свадьбу въ этомъ селѣ, то дорожку отъ воротъ по двору въ помѣщеніе молодой устилаютъ ассигнаціями, и чѣмъ онѣ крупнѣе, тѣмъ больше чести хозяевамъ дома. Въ Сураханахъ иногда въ честь новобрачной ея комнату оклеиваютъ бумажками. У персовъ здѣшнихъ сосредоточены въ рукахъ и металлическіе фонды—золото и серебро—все у нихъ... Они отлично освоились со всѣмъ. Въ бакинской думѣ кербалайчики держатся одной партіей, чрезвычайно могущественной, голосующей всегда заодно, дисциплинированной удивительно. Въ то время какъ нашего гласнаго не загонишь въ думу, кербалайчикъ является туда неукоснительно и очень хорошо отстаиваетъ свои кербалайчиковы интересы. Ни на что чужое, русское, европейское онъ не даетъ ни копейки.

Умеръ Тургеневъ.

Одинъ изъ гласныхъ сказалъ „глубоко прочувствованную„ по репортерской терминологіи рѣчь и предложилъ устроить въ память великаго писателя школу въ Баку.

Кербалайчикъ. Что̀ онъ говорилъ?

Русскій. Тургеневъ умеръ!

Кербалайчикъ. Какой такой Тургеневъ? Генералъ былъ?

Русскій. Нѣтъ, знаменитый нашъ писатель.

Кербалайчикъ. Ча!.. Вай-вай!.. Судьба. Кому умереть, тотъ умретъ... Ну, да будетъ онъ въ раю (глубоко вздыхаетъ).

Русскій. Такъ вотъ въ память ему предлагаютъ школу устроить.

Кербалайчикъ. Хорошее дѣло, очень хорошее...

Русскій. Такъ вотъ сборъ надо сдѣлать.

Кербалайчикъ. Вашъ онъ—вы ему и собирайте... Онъ по-русски писалъ—значитъ, вамъ и надо, а не намъ.

Я уже разсказывалъ, какъ кербалайчики чуть не затормозили женскую гимназію въ Баку.

Даже рабочіе русскіе, несмотря на то, что они гораздо больше трудятся, неизмѣримо способнѣе кербалайчиковъ, не могутъ выдержать соперничества съ сими послѣдними. Во-первыхъ, русскіе пьютъ и пропиваются, во-вторыхъ, они никакъ не могутъ составить такихъ дружныхъ и сплоченныхъ артелей, какъ персы. Персы держатся всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. Армяне перессорились между собою и дѣйствуютъ вразбродъ, русскіе — тоже, и только кербалайчики поняли силу массы и идутъ на все стѣною. При этомъ—полное часто забвеніе личныхъ интересовъ въ виду общаго.

Результаты ясны: возьмите извощика русскаго и извощика татарина. Первый оборванъ, кони его голодны, экипажъ какою-то корою покрытъ; у второго не лошади, а орлы, фаэтонъ щегольской, самъ онъ одѣтъ роскошно. Купецъ нашъ и персъ. Первый разоряется и попадаетъ въ кабалу богатѣющему второму. Заводскій рабочій нашъ и кербалайчикъ. Нашъ—на человѣка непохожъ, случается, изъ кабака голый выходитъ, запаса у него и въ памяти не бывало; второй—выдаетъ замужъ дочь,—ассигнаціями дворъ устилаетъ, комнату ей оклеиваетъ ими же... Смѣйтесь надъ глупостью кербалайчиковъ. Въ чемъ

эта глупость проявляется, я не знаю; результаты же совершенно противны этому мнѣнію. Племя развратное, хитрое, плутоватое, но умное, предпріимчивое и устойчивое. Они умѣютъ добиваться разъ поставленныхъ себѣ цѣлей. Они упорно идутъ впередъ къ намѣченному себѣ благосостоянію. Ихъ не удивишь препятствіями, они сумѣютъ обойти ихъ, не тратя силъ на сворачиваніе попадающихся по пути колдобинъ. Здѣсь масса персовъ, которыхъ еще помнятъ простыми рабочими, каменщиками, носильщиками. Они теперь ворочаютъ милліонами, составляютъ силу мѣстнаго рынка, даютъ ему тонъ и предписываютъ законы.

XXXIV.

Персидскіе кварталы, крытые базары, бани, мечети.

Съ одного балкона въ верхней части города я цѣлыми часами любовался на разстилавшуюся передо мною внизу картину Баку, нелишенную нѣкотораго величія и красоты. Передо мною тянулись старыя сѣрыя стѣны ширванскихъ хановъ съ круглыми башнями, за ними изящно и царственно подымались профили ханскаго дворца съ громадною восточною аркой, глубоко врѣзавшеюся въ параллелограммъ массивной каменной кладки. Въ другомъ такомъ же порталѣ, около, арка еще красивѣе, еще болѣе покрытая арабесками, и за нею та же таинственная темень, какъ и за первой. Изящный минаретъ между ними—круглый, съ галлерейкою наверху. Пестро расписанная главная мечеть, куполы медрессе—характерны и тяжелы. Нужно придти сюда въ лунную ночь, когда все залитое свѣтомъ море зыблется за этими кажущимися

сплошь изъ матоваго серебра выкованными дворцами, арками, минаретами, куполами и мечетью... А съ моря снизу посмотрите на эту восточную, „персидскую часть города“, на эти стѣны, словно пронизанныя норами, ячейками, жилами, въ которыхъ кишмя-кишитъ пестрая толпа, на стѣны, за арками которыхъ видны въ глубинѣ вторыя арки, за вторыми третьи, на стѣны, къ которымъ, точно какія-то гнѣзда, прилѣпились лавочки со всякимъ товаромъ востока, съ бунтами среднеазіатскаго хлопка, съ цѣлыми партіями яркихъ ковровъ, шелковъ, шитья, съ грудами горящихъ, какъ золото, плодовъ. И эти круглые минареты надъ ними, высокіе до того, что, кажется, еще мгновеніе—и они переломятся или перегнутся, какъ спаржа, переросшая больше, чѣмъ слѣдуетъ, минареты, по которымъ снизу до верху по сѣрому камню идетъ сѣрая же рѣзная персидская вязь, вся изъ священныхъ изреченій, вся прославляющая имя Аллаха, создавшаго это глубокое, синее небо надъ ними, это воздушное, лазурное, заманчивое море передъ ними... А кругомъ амфитеатромъ подымается старый ширванскій городъ, оставшійся до сихъ поръ почти такимъ же, какимъ онъ былъ, когда къ нему впервые подступалъ съ немногочисленными батальонами Циціановъ. Старый городъ, имѣющій для художника невыразимую цѣнность, это марево сѣрыхъ стѣнъ, плоскихъ кровель, стеклянныхъ галлерей, красивыхъ куполовъ, причудливыхъ балкончиковъ, спутавшихся въ такомъ безпорядкѣ, что, глядя на нихъ, молишь Бога, какъ бы какому-нибудь рьяному правителю не пришла въ голову святотатственная мысль внести скучный и мѣщанскій европейскій порядокъ въ этотъ поэтическій, возбудительно дѣйствующій на воображеніе хаосъ. И налѣво вдавшаяся впередъ, колоссальная, замѣтная издали, своимъ сооруженіемъ напоминающая вѣка дикой силы и всеобщаго рабства, сѣрая, тяжелая и высокая въ одно и то же время круглая башня, круглая—

съ какимъ-то чудовищнымъ выступомъ впередъ снизу до верху, обращеннымъ къ морю. Это — твердыня ханской дочери. О ней вамъ здѣсь разскажутъ грустную легенду, которая—увы—не имѣетъ подъ собою никакой исторической почвы. Выросла, видите ли, у хана такая дочка, подобной которой не было въ цѣломъ мірѣ. Чудо изъ чудесъ. Если-бы Гарунъ-аль-Рашидъ увидалъ такую, онъ забылъ бы свой халифатъ. Въ исфаганскомъ и тегеранскомъ дворцахъ у шаха—брата солнца—никогда не сіяла подобная звѣзда. Она была такъ хороша, что даже ея папенька, должно-быть ханъ не изъ примѣрныхъ, влюбился въ нее до потери мозга даже въ той малой долѣ, которая вообще Провидѣніемъ отпускается ханамъ Востока. Воля хана не знаетъ предѣла. Онъ призвалъ къ себѣ дочь и объявилъ ей по персидскому обыкновенію, замѣняющему всякое объясненіе въ любви:

— Я тебѣ дарю свое благоволеніе.

Но этого оказалось недостаточно. Дочь была честнѣе своего отца и объявила, что она ему принадлежать не будетъ. Ханъ сталъ ее преслѣдовать, мучить, и изстрадавшаяся дѣвушка, наконецъ, согласилась на все, потребовавъ, чтобы ханъ предварительно построилъ громадную, самую большую изъ всѣхъ существующихъ, башню.

— Когда башня эта будетъ достроена, я стану твоей.

Влюбленный ханъ согналъ всѣхъ своихъ рабовъ, заставилъ всѣхъ своихъ подданныхъ возводить чудовищную твердыню. Когда она дошла до значительной высоты, дочь попробовала убѣдить отца еще разъ отказаться отъ своего намѣренія, но тотъ приказалъ еще болѣе торопиться постройкой.

Наконецъ, когда башня была окончена, ханская дочь, подъ видомъ желанія полюбоваться на окрестности Баку, поднялась на страшную высоту ея и бросилась оттуда въ Каспійское море. Очевидно, тогда Каспійское море дѣйствительно подходило къ самой башнѣ. Теперь оно далеко

отступило, оставивъ достаточное мѣсто для постройки цѣлой улицы, домовъ, широкой и отличной набережной. Волны Каспія подъ вѣтромъ безумствуютъ порою, дорываются до башни ханской дочери, но могутъ только гребнями своими переброситься черезъ парапетъ набережной... Дальше имъ уже нѣтъ хода...

Болѣе серьезные изслѣдователи старины говорятъ, что какъ бакинская, такъ и ленкоранская башни обозначаютъ собою путь, по коему слѣдовали полчища Тамерлана...

Пойдите вокругъ этой башни, подымитесь вверхъ за нею по узенькимъ улицамъ, перепутывающимся въ какіе-то фантастическіе узлы... Плоскокровельные дома съ бѣлыми стѣнами, изрѣдка плотно задѣланное всякими узорчатыми рамами окошко, низенькія калитки... Если такая отворена—за нею виденъ чистый дворикъ съ небольшимъ колодцемъ, свѣтлою, яркими цвѣтами стеклами украшенною галлерейкой и жирнымъ меланхолическимъ бараномъ, хвостъ котораго выкрашенъ хною или шафраномъ. Тишина и миръ царятъ здѣсь... Постойте подольше. Узорчатый ставень приподымается—и на васъ взглянетъ красивое, хотя блѣдное лицо восточной затворницы, взглянетъ своими большими глазами испуганной лани, на мгновеніе мелькнетъ передъ вами широкій всполохъ шелковаго рукава, желтаго или краснаго, и бѣлыя линіи хорошо очерченной шеи. И опять ставень стукнетъ и затворится, и вновь тишина кругомъ, мертвая, словно все кругомъ вымерло. Кромѣ вотъ этого старика съ красною (выкрашенною хною) бородою, который идетъ, держась одной рукой за стѣнку, а другой—за свою бороду, точно боясь, чтобы она у него не вырвалась и не разлетѣлась по вѣтру... На стѣнахъ, на башняхъ, на аркахъ, часто даже на домахъ, вы видите изваянныхъ персидскихъ львовъ, съ задранными вверхъ хвостами, но безъ солнца, которое навѣрное ужъ навсегда померкло для отошедшаго въ область преданій ширванскаго ханства.

Тутъ, въ этомъ кварталѣ задумчивыхъ домовъ, людей, похожихъ на призраки, женщинъ-затворницъ, мужей-тюремщиковъ, старыхъ мечетей и круглыхъ, какъ спаржа, и длинныхъ, какъ она же, минаретовъ, есть одна изъ самыхъ интересныхъ деталей Баку, — я говорю о ея крытыхъ базарахъ, объ этомъ истинномъ уголкѣ востока, по счастью еще уживающемся рядомъ съ нашей обезцвѣченной и омертвѣвшей, заключившейся въ прямыя линіи и геометрическія фигуры, жизнью...

Крытый базаръ, это—царство тѣни, прохлады и, если хотите, восточной лѣни. Иной разъ по его мостовой въ узенькой канавкѣ бѣжитъ вода, наполняя все кругомъ своимъ журчаніемъ. Кое-гдѣ сквозь досчатые заслоны кровли солнце нижетъ поэтическій сумракъ своими золотыми лучами — подумаешь, что на сырые камни этой окаймленной сплошными рядами лавочекъ улички сыплются оттуда струи растопленнаго золота. Часто эти улички крытаго базара перемежаются крошечными площадками, гдѣ зной стоитъ недвижно, куда смотрятъ восточныя арки мечетей, надъ которыми высятся круглые минареты съ священными изреченіями наверху. Иногда на эти площадки выходятъ тоже полукруглые, словно въ подземныя цистерны ведущіе, входы персидскихъ бань, изукрашенные снаружи удивительными фресками иранскихъ мастеровъ, съ Рустемомъ, распустившимъ усы на полміра и лихо фертомъ глядящимъ на чудовищнаго Зораба, съ изображеніемъ шаховъ длиннобородыхъ, высокошапочныхъ (высокобараньешапочныхъ, какъ выражается одинъ персидскій юмористъ), „руки въ боки, глаза въ потолоки,“ по той же терминологіи, съ скрещенными ногами и глупо вытаращенными на васъ глазами, съ женщинами, у которыхъ брови похожи на запятыя, глаза на какіе-то шары... А дальше опять прохлада и темень базара, опять тихое журчаніе ручья, постукиваніе молоточковъ въ лавочкахъ мастерскихъ и тихій, тихій, словно

крадущійся шопотъ кругомъ. И вновь площадка, посрединѣ которой привязанъ жертвенный баранъ, весь выкрашенный въ красное или желтое... Идешь, идешь по такому базару—и зависть невольно охватываетъ тебя, когда видишь этихъ недвижно-дремлющихъ надъ своими товарами кербалайчиковъ, сквозь сонъ любующихся прищуренными глазами густыми голубыми бликами неба сквозь дырья кровли и золотыми струями солнечныхъ лучей... Лавки темны и тѣсны, — нѣкоторыя побольше, какъ, напримѣръ, у моего пріятеля Абдулъ-Керима. Имѣетъ онъ одно подлое обыкновеніе запрашивать всегда вдесятеро,—во всемъ же остальномъ это весьма порядочный ходжа (понимай: „мошенникъ“). Товаръ у него есть превосходный, но начнетъ онъ вамъ показывать непремѣнно съ дурного. Потребуйте персидскаго шелка,—онъ сначала покажетъ вамъ шемахинскій. Спросите персидскаго шитья кручеными шелками по сукну,—онъ попытается, нельзя ли предварительно сбыть вамъ нухинскую дрянь. Чего-чего нѣтъ у него: и гератскіе ковры, и бухарскія матеріи, и шелковые ковры, шитые въ отдаленнѣйшихъ и таинственныхъ, какъ арабская сказка, закоулкахъ Востока, и скатерти для столовъ необыкновеннаго изящества, и туфли, въ которыхъ такъ и представляешь себѣ бѣлую ножку гаремной затворницы, и ковры текинскіе — чистый бархатъ наощупь, но прочные, какъ кожа, и текинскія дорожки, цѣнящіяся выше всѣхъ другихъ, съ замѣчательно тонкими и красивыми рисунками, нѣжными и мягкими тонами. Эриванскія издѣлія тоже пестрятъ въ глазахъ, желтые, красные платки, какія-то шелковыя плетенки, золотое шитье, — и посреди этого важный, какъ идолъ, но съ плутоватыми глазами Абдулъ-Керимъ и его бритоголовые юркіе сыновья, весьма остроумно прохаживающіеся на вашъ счетъ по-персидски, когда вы у нихъ покупаете что-нибудь, гипнотизируясь ихъ утонченною лестью „по-русски“... Подите дальше...

Вонъ лавочка-мастерская „золотыхъ дѣлъ“. Тутъ шипитъ огонекъ въ самодѣльномъ тиглѣ, постукиваютъ молоточки по золоту, выдѣлывая на немъ тѣ или другіе узоры, наводится эмаль. Впереди—въ стеклянномъ ящикѣ эмальированныя серьги въ видѣ колокольчиковъ, съ привѣсками, съ эмальированными миніатюрами, браслеты оригинальнѣйшаго рисунка, какія-то запястья, которыя не знаешь куда дѣвать на европейскомъ костюмѣ... Но дальше,—здѣсь заглядываться некогда, здѣсь цѣлый міръ новаго, чуждаго намъ, никогда у насъ невиданнаго. Вотъ сумрачные выходцы изъ Решта сидятъ, поджавъ ноги и работая круглыя бараньи шапки; вонъ дальше въ одиночку сидитъ красивый персъ съ нѣжными зовущими глазами и, вытянувъ впередъ свои голыя пятки, шьетъ золотомъ и шелками по сукну приборъ для туфлей. Это цѣлая наука, требующая вкуса и терпѣнія. Въ сукно вдѣлываютъ, вшиваютъ кусочки бархата, другого сукна, шелку, въ видѣ звѣздъ, цвѣтовъ, листьевъ. Вокругъ тысячами завитковъ разбѣгаются самые причудливые узоры; они исполнены или золотою нитью, или крученымъ шелкомъ. Подборъ цвѣтовъ — самый восточный, красивый на прелестной ножкѣ женщины, но рѣжущій нашъ европейскій глазъ... Еще дальше въ сумракъ и прохладу крытаго базара клубится паръ, раздражающій обоняніе голоднаго человѣка. Всмотритесь—и то же самое, что вы видѣли на всемъ Востокѣ, начиная Сиріей и кончая Марокко,—вы видите и здѣсь: въ желобкѣ, выбитомъ въ дикомъ камнѣ, горятъ уголья; надъ ними, на тоненькихъ, длинныхъ прутикахъ жарится сбитое въ лепешку и навернутое на нихъ мясо... Это и есть знаменитый люла-кебабъ. Посыпьте его самахомъ (барбарисомъ) и кушайте во здравіе тѣла и во спасеніе души... Тутъ же въ котлахъ варятся цѣлыя горы рису, безъ котораго восточный человѣкъ не обходится никогда... Еще дальше, точно какія-то красныя и желтыя гирлянды, ви-

сятъ вязки „бабушей“, мѣстной мягкой обуви, лежатъ груды тонкихъ, какъ сучья, и красныхъ, какъ они же, чубуковъ, тутъ же глиняныя узорчатыя, расписныя трубки, кинжалы всѣхъ сортовъ, съ рукоятями, напр., изъ слоновой кости, украшенные золотою насѣчкой. Короче, чего хочешь, того и просишь. Захотите освѣжиться — зеленыя горы арбузовъ, золотистыя дыни, далеко распространяющія свое благоуханіе, тяжелые гроздья винограда, груши сочныя до того, что, кажется, изъ нихъ сейчасъ потечетъ сладковатый сокъ, апельсины, матовымъ золотомъ выдѣляющіеся изъ потемокъ лавчонки, темнофіолетовые бадриджаны, кровавые помидоры и цѣлыя груды совершенно незнакомыхъ плодовъ земныхъ. Темно-сѣрые комья мокраго сыру тутъ же вмѣстѣ съ зелеными, красными, желтыми и синими свѣчами, исключительно потребляемыми персами, восточный вкусъ которыхъ не мирится съ нашимъ бѣлымъ, безцвѣтнымъ стариномъ, ничего не говорящимъ персидскому глазу. И тутъ же важные и сытые, какъ сами кербалайчики, и столь же неподвижные коты... Котъ, впрочемъ, по преимуществу животное коммерческое. Каждый порядочный купецъ, какъ на востокѣ, такъ и у насъ, связываетъ свою судьбу съ почтеннымъ, болѣе или менѣе жирнымъ, болѣе или менѣе солиднымъ котомъ... Я бы котовъ далъ въ гербы коммерческимъ генераламъ—самая подходящая для нихъ геральдика и символика въ одно и то же время. Тѣ же типы, которые вы видѣли на набережной въ лавкахъ, похожихъ на подвалы,—и здѣсь. Тѣ же товары, тѣ же груды золота, вымѣниваемаго для торговли съ Персіей. Только здѣсь на золото свой курсъ, часто расходящійся съ курсами европейскихъ биржъ. Иной разъ посреди лавки между грудами товара—цыновки, на которыхъ господинъ купецъ благополучно дрыхнетъ, задравъ вверхъ свою крашеную бороду... Бродячія собаки пугливо, какъ-то съежившись, пробираются въ сто-

ронѣ, провожаемыя презрительными взглядами котовъ, и каменьями, а нѣтъ камня, такъ туфлями ихъ хозяевъ. Мальчишки, на которыхъ иногда кромѣ бараньей шапки нѣтъ ничего, толкутся здѣсь же, глазѣя на товары и слушая разсказы старшихъ. Вотъ оборванцы-чернорабочіе, амбалы, грузильщики, на площадкѣ подставили солнцу свои и безъ того обожженныя лица и спятъ всласть до перваго толчка нуждающагося въ ихъ услугахъ нанимателя. Иной разъ пройдетъ по базару всероссійская кувалда съ лицомъ, похожимъ на лопату и плоскимъ, какъ она же, или какъ „чудное видѣнье" мелькнетъ красавица-армянка съ нѣжными и бархатными глазами на лицѣ, мягкая золотистая смуглина котораго, кажется, создана для поцѣлуевъ солнца, оставившаго свой слѣдъ въ ея крови и кожѣ. Вотъ въ лавкахъ закипѣла какая-то суета и движеніе; солидные кербалайчики, мешеди и ходжи вскакиваютъ на свои голыя пятки, кланяются кому-то, коты—и тѣ обнаруживаютъ безпокойство. Въ чемъ дѣло? Оказывается, что идетъ по базару какой нибудь знаменитый „пальванъ". Пальванъ „почетный, заслуженный человѣкъ", въ переводѣ—мѣстный боецъ, пріобрѣвшій себѣ великую славу въ единоборствѣ. Это—столь же излюбленное зрѣлище для персовъ, сколь бой быковъ для испанца. Пальваны не дерутся по-нашему, не боксируютъ, какъ англичане, не бьютъ другъ-друга по ногамъ, какъ мальтійцы. Они стараются схватить или перевернуть противника и положить его на спину. Единоборство, какъ священнодѣйствіе, совершается въ полной тишинѣ. Хорошій пальванъ—предметъ великой гордости для его деревни или городка. Онъ отъ всѣхъ согражданъ и своихъ богачей получаетъ постоянную пенсію. Ихъ содержатъ до того роскошно, что они жирѣютъ, какъ коты, и отказываются даже отъ дальнѣйшаго единоборства, не желая рисковать своимъ положеніемъ и пріобрѣтенною славою. Званіе „пальвана" столь почетно, что между ними бывали султаны и шахи.

Вмѣстѣ съ единоборствомъ пальвановъ, собирающимъ любителей со всѣхъ сторонъ персидской окраины Кавказа, любимыя зрѣлища бакинскихъ татаръ—бои пѣтуховъ и барановъ. Послѣдніе нарочно воспитываются и дрессируются для этого, и между этими четвероногими рыцарями есть поистинѣ чудища, поражающія несказанною крѣпостью лба, кажется способнаго отразить и пушечные удары. На эти зрѣлища часто дѣлаетъ складчину по праздникамъ персидскій крытый базаръ въ Баку, и тогда вы никого не увидите и не встрѣтите въ его сумракѣ и прохладѣ. Всѣ за городомъ, всѣ лихорадочно наслаждаются зрѣлищемъ этого своеобразнаго „иранскаго“ спорта.

XXXV.

Во дворцѣ бакинскихъ хановъ.

Въ Баку радуются дождю, какъ мы на сѣверѣ солнцу и ясному небу.

Эта спаленная зноемъ земля, раскалившаяся, потрескавшаяся, сухая, какъ кожа ящерицы, нуждается во влагѣ и каждую каплю ея пьетъ съ жадностью. Не успѣли еще первыя струи ливня застучаться въ ставни оконъ (югъ защищается отъ солнца, мы отъ холода), какъ всюду открылись двери балконовъ,—бакинцы спѣшили поскорѣе освѣжить застоявшійся зной и духоту своихъ комнатъ. Ливень обратилъ-было на часъ всѣ улицы въ сплошные потоки, но, увы, не успѣли еще тучи сойти съ темно-голубого неба, не успѣли еще вновь затвориться ставни, какъ мостовыя были сухи и тротуары начали уже накаливаться подъ солнцемъ, какъ будто торопившимся наверстать занятое краткою грозою время. Тѣмъ не менѣе, все, что до тѣхъ поръ обрѣталось въ домахъ,

выползло подышать освѣженнымъ воздухомъ. Въ эту именно пору и я отправился въ мѣстное артиллерійское управленіе, въ завѣдываніи котораго еще находился ханскій дворецъ. Тамъ хранились ключи отъ него, и капитанъ П. былъ такъ любезенъ, что вызвался самъ сопровождать меня. Я этому обрадовался до нельзя. Я и разсчитывать не могъ отыскать лучшаго знатока здѣсь, въ городѣ, жадномъ на мѣдный грошъ настоящаго и глубоко-равнодушномъ къ историческимъ сокровищамъ своего прошлаго.

Ханскій дворецъ, мечеть и цитадель это—палладіумъ бывшаго Бакинскаго ханства, въ предѣлы котораго входили и Ленкорань, и Шуша,—одни изъ самыхъ интересныхъ уголковъ Закавказья. Надо сказать правду: вся эта земля обильно полита нашей кровью, и видя, съ какимъ равнодушіемъ относится къ ней за послѣднія тридцать лѣтъ русское управленіе, не понимаешь, ради чего мы столько хлопотали надъ пріобрѣтеніемъ этого богатаго края. Вся эпопея русской борьбы съ Баку и Ширваномъ переплелась съ воспоминаніями оЦиціановѣ, кавказскомъ Баярѣ, о которомъ Суворовъ былъ столь высокаго мнѣнія, что въ своемъ приказѣ по арміи передъ боемъ умолялъ войска „сражаться рѣшительно, какъ храбрый Циціановъ“. Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ, воспитывавшійся въ Москвѣ, былъ грузинъ. Его управленіе Кавказомъ — впослѣдствіи и для Ермолова, и для Воронцова было идеаломъ и въ то же время завѣщаніемъ. Никто для умиротворенія края, для сліянія его съ Россіей не сдѣлалъ столько, сколько этотъ герой, „отважный воинъ, высокоталантливый полководецъ и дальнозоркій администраторъ“ въ одно и то же время. Тогда была счастливая пора, рождавшая людей, подобныхъ Циціанову, Ермолову, Воронцову, Котляревскому и другимъ, которые, сплотивъ Закавказье, прочно сложили эту русскую цитатель на мусульманскомъ югѣ.

Циціановъ всегда и вездѣ былъ рыцаремъ. Его слово „чисто, какъ золото, и твердо, какъ булатъ“, говорили персы, которымъ здѣсь онъ нанесъ удары, въ конецъ подорвавшіе могущество Ирана. Онъ пріучилъ азіатовъ *вѣрить* обѣщаніямъ. Безкорыстіе цициановскихъ, ермоловскихъ, воронцовскихъ временъ смѣнилось потомъ восточною жадностью, хищничествомъ, прибираніемъ къ рукамъ всего, что плохо лежало. Поэтому и рѣшительный тонъ, съ которымъ къ азіатскимъ народамъ обращались нѣкогда наши, смѣнился интригами изъ-за угла— героевъ сегодняшняго дня. Взявъ штурмомъ считавшуюся неприступной Ганжу, Цицiановъ до того сильно поразилъ восточные умы, что, не отступи впослѣдствіи Завалишинъ отъ бакинской крѣпости, Цицiановъ мирно присоединилъ бы этотъ городъ къ нашимъ владѣніямъ. Въ 1805 г. начальникъ каспійскаго флота, ген.-маіоръ Завалишинъ, малодушно отказавшись штурмовать ханскую цитадель, ушелъ отсюда. Взбѣшенный Цицiановъ тотчасъ же написалъ ему: скажу вашему п—ву, что, если-бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ отъ изнурившей меня болѣзни и если-бы 400 верстъ не раздѣляли насъ,—то я бы полетѣлъ на выручку славы русской и скорѣе легъ бы подъ стѣнами Баку, нежели далъ кичиться Гуссейнъ-Кули-хану, что онъ отбилъ русскія войска, и они ему ничего не сдѣлали“. Онъ недолго, впрочемъ, усидѣлъ. Надо было загладить эту неудачу, и зимой, въ ненастье, больной, онъ съ 1,663 солдатами и 10 пушками поспѣшно двинулся на Баку. По пути онъ занялъ все ханство Ширванское, присоединивъ его къ Россіи. Одно грозное имя Цицiанова заставляло города открывать свои ворота, бекства приносить присягу на подданство Россіи. Гуссейнъ-Кули-ханъ, сообразивъ, что русской силы не одолѣть (1,663 ч. !!!), задумалъ хитрить. Онъ заявилъ желаніе сдать Баку безъ боя. 8-го февраля 1806 г. Цицiановъ съ 200 чел. солдатъ подошелъ къ ко-

лодцу въ полверстѣ отъ Баку, гдѣ старшины города подали ему ключи, хлѣбъ-соль и просили лично успокоить ихъ хана (съ которымъ князь былъ прежде знакомъ) въ томъ, что ему будетъ оказано прощеніе за сопротивленіе Завалишину. Циціановъ, великодушный и довѣрчивый, вернулъ ключи съ тѣмъ, чтобы Гуссейнъ-Кули-ханъ самъ ему вручилъ ихъ. Немедленно послѣдній, въ сопровожденіи сановниковъ, выѣхалъ изъ крѣпости, и Циціановъ пошелъ къ нему навстрѣчу, въ сопровожденіи только подполковника Эристова и одного казака. Едва они сблизились, какъ коварный персіанинъ велѣлъ въ главнокомандующаго стрѣлять. Циціановъ и Эристовъ были убиты. Убійцы, отрѣзавъ первому голову, послали ее, какъ драгоцѣннѣйшій подарокъ, персидскому шаху. Русскія войска, оторопѣвъ, отступили и потомъ, сѣвъ на суда, уплыли въ Астрахань. Потомъ, въ стычкахъ съ мѣстными ханами и войнахъ съ персами генералы и командиры, выросшіе въ школѣ Циціанова, отдавали передъ штурмомъ въ приказѣ, какъ Котляревскій передъ Ленкоранью: „отступленія не будетъ".

Впослѣдствіи сами бакинцы—мѣсто, гдѣ былъ зарытъ передъ воротами крѣпости обезглавленный генералъ Циціановъ, называли святымъ,—до того велико было уваженіе, внушенное имъ персамъ и татарамъ.

Когда мы пошли къ ханскому дворцу и старой цитадели, живописный востокъ развертывался передъ нами не разъ въ самомъ наивномъ своемъ безобразіи: заразительные больные, съ гніющими лицами; байгуши, посреди улицы, снявъ съ себя послѣднюю рубаху и сложивъ ноги калачикомъ, занимавшіеся охотой за вредными животными; рядомъ съ этими бакинскими Немвродами то-и дѣло попадались мальчики, сидѣвшіе кое-гдѣ въ геральдическихъ позахъ. Разъ намъ дорогу перегородили вереницы верблюдовъ, медленно выступавшихъ, осматривая насъ своими добродушными глазами; немилосердно скрипѣли

внизу громадныя колеса арбъ; орали ослы... Вонъ впереди показался какой-то громадный персіанинъ въ чудовищной бараньей шапкѣ, осѣдлавшій маленькаго осленка. Я думаю, сидя на немъ, этотъ иранецъ могъ бы въ то же время свободно переступать по землѣ. Несчастное животное задыхалось подъ тяжестью этого болвана, но онъ еще безжалостнѣе билъ его пятками подъ брюхо.

Мы поднимались вверхъ по улицѣ, которую—перенеси сейчасъ въ любой городъ сосѣдняго Ирана, она тамъ оказалась бы вполнѣ на мѣстѣ. Какъ триста лѣтъ назадъ, такъ и теперь стоитъ здѣсь. Персидскій міръ, персидскія постройки, персидскіе обычаи. Налѣво тянется стѣна дворца, направо зубчатая стѣна мечети съ „ханскимъ“ минаретомъ, на которомъ вверху красуется исполненная замѣчательно изящно надпись... Арабески кругомъ. Коегдѣ слѣды русскихъ ядеръ. Еще недавно одно торчало въ штукатуркѣ; теперь показываютъ его гнѣздо. Входовъ въ мечеть было два: одинъ подъ аркой—для народа, другой—для хана. Въ одинъ изъ входовъ ханскаго дворца проскользнули и мы и очутились на лѣстницѣ, ведшей прямо къ „хану-дивану“, ханскому судилищу. Направо отъ насъ темная комната для преступниковъ, ожидавшихъ здѣсь приговора къ смерти, другихъ въ этомъ „почетномъ“ помѣщеніи не держали. Вотъ слѣды цѣпи, которая была прикрѣплена къ стѣнѣ. На ней сидѣлъ очередной кандидатъ въ лучшій міръ, ожидая, когда его выведутъ изъ этой крошечной и сводчатой конуры, въ узкую бойницу которой даже не синѣетъ такое чудное здѣсь небо. Она выходитъ прямо на какую-то стѣну. Очевидно, преступнику оставалось времени полюбоваться небомъ ровно столько, сколько занимало чтеніе ему приговора, дѣлавшееся публично, передъ тѣмъ, какъ табасаранскій татаринъ (палачи у бакинскихъ хановъ были всѣ оттуда) становилъ его на колѣна, вытягивалъ ему голову и, предварительно поплевавъ себѣ на руки, съ

чувствомъ, толкомъ и разстановкой рубилъ ее во славу хана и его дивана. Этотъ ханъ-диванъ за-то вовсе не производитъ того впечатлѣнія, которое должно было бы уносить изъ этого мѣста, имѣющаго столь мрачное назначеніе. Ханъ-диванъ весь ажурный. Его изящный куполъ покоится на красивыхъ сводахъ. Прохлада царитъ здѣсь; ласточки свободно влетаютъ сюда и щебечутъ что-то до такой степени мирное и веселое, что не хочется и думать, какъ на этотъ каменный полъ когда-то валились, подскакивая, мигая и вращая глазами, отрубленныя головы. Входъ сюда весь въ арабескахъ, рѣзныхъ надписяхъ. Удивляюсь, какъ эту бакинскую Альгамбру не воспроизводятъ наши иллюстрированныя изданія!...

— Вы хорошо всмотрѣлись въ это судилище?—спрашивали меня потомъ.

— Да.

— А вы не замѣтили, что послѣдующіе бакинскіе ханы ввели здѣсь особенную судебную реформу?

— Какую это?

— Какъ же, прежде они рубили головы просто. Чикъ— и кончено. Ставили у входа несчастнаго, — голова его и скатывалась по ступенямъ къ народу. Ну, а начиная съ Амадъ-хана, видите ли, пробили посреди диванъ-хана отверстіе—вотъ оно.

Дѣйствительно, четыреугольная дыра внизъ. Тамъ за нею тьма.

— Туда ставили преступника такъ, что голова его выдавалась наружу, торчала надъ поломъ судилища. Судьи только и видѣли ее. Осужденному рубили эту голову и изъ-подъ тѣла выдвигали доску. Тѣло летѣло внизъ, а голова скатывалась по полу прямо въ руки второму палачу, который, высоко поднявъ, обносилъ ее вокругъ ханъ-дивана, чтобы весь народъ видѣлъ „справедливость“ своего повелителя. При семъ возглашалось: „ханъ ока-

залъ милость народу и приказалъ казнить такого-то, да будетъ прославлено милосердіе хана!“.

Теперь это проклятое мѣсто служитъ первымъ цѣлительнымъ средствомъ для матерей, потерявшихъ молоко. По мѣстному татарскому повѣрью, такой женщинѣ стоитъ только придти сюда, склониться надъ отверстіемъ и прочитать извѣстную молитву—и молоко вернется непремѣнно. То и дѣло капитана П* тревожатъ просьбами разныя персіанки „допустить ихъ сюда—полѣчиться“.

Кругомъ въ шесть сквозныхъ арокъ привѣтливо смотритъ небо такой синевы блестящей и густой, точно это не воздухъ, а мазки масляной краски. Въ одну изъ этихъ арокъ мы выходимъ туда, гдѣ когда-то стоялъ народъ, въ ожиданіи казни. Онъ же густо усѣивалъ всѣ кровли кругомъ. Черезъ этотъ дворикъ мы видимъ арки галлереи, правильнымъ четыреугольникомъ окружавшей ханъ-диванъ.

— Обратите вниманіе,—замѣчаете ли вы, какъ хорошо сохранилось здѣсь все, что защищено отъ сѣвера, и какъ разрушилась сторона, открытая ему. Это—результатъ сѣверныхъ бурь и вѣтровъ, бушующихъ здѣсь.

Галлереи обращены къ ханъ-дивану, и ханъ-диванъ, въ свою очередь, окруженъ галлереей, обращенною арками къ нимъ. Послѣдняя удивительно красива. Она вся въ мелкой рѣзьбѣ, изящной, какъ все, что выходило изъ-подъ рукъ этихъ своеобразныхъ скульпторовъ востока. Дворъ поросъ весь травой, сожженной солнцемъ. Всюду въ стѣнахъ, на колонкахъ галлереи, на куполахъ, въ ключахъ арокъ, на каменныхъ помостахъ слѣды нашихъ ядеръ и картечи. Въ галлереѣ—громадный порталъ, ведущій въ ханскій дворецъ. Онъ весь отдѣланъ рѣзьбою, истинной драгоцѣнностью для любителей восточнаго и именно иранскаго орнамента. Въ порталѣ большая арка, глубоко уходящая внутрь раковиною, съ которой внизъ висятъ изящные сталактиты въ родѣ тѣхъ, которыми я

любовался когда-то въ алькazарахъ Сеговіи и Севильи, въ гренадской Альгамбрѣ, въ Аль-Кассабѣ Тангера и дворцахъ отдаленнаго Феца. Подъ аркой, въ глубинѣ, входъ, вокругъ котораго опять чудные арабески, ни съ чѣмъ несравнимое богатство которыхъ чуть-было не погибло. Двадцать лѣтъ назадъ какой-то остроумный человѣкъ сталъ-было просить, чтобы ему отдали этотъ ханъ-диванъ и галлереи на сносъ, для постройки какого-то инженернаго склада. Это было уже и разрѣшили, потому что на Кавказѣ все возможно, да къ счастью вмѣшалось въ дѣло совсѣмъ постороннее вѣдомство, и дворецъ бызъ спасенъ отъ разрушенія. Мы вошли въ ханскій дворецъ сначала большими подвалами. Гулъ, отдающійся на ихъ помостахъ, доказываетъ въ разныхъ мѣстахъ существованіе подземныхъ ходовъ. Предполагаютъ, что они тянутся вплоть до такъ называемаго холма Разина. Здѣсь, наверху, масса комнатъ, проходовъ—точно въ землѣ мы пробираемся по ячейкамъ чудовищнаго сота. Въ одномъ мѣстѣ насъ предупреждаютъ: будьте осторожнѣе! Здѣсь провалъ, —еще одно доказательство существованія глубокихъ жилъ подъ этими подвалами. Въ этомъ нижнемъ помѣщеніи дворца бакинскіе ханы хранили свои запасы, сокровища, а еще глубже, въ темницахъ, сидѣли безпокойные люди, не желавшіе мириться съ отеческими способами управленія страною, широко практиковавшимися мѣстными повелителями по примѣру своего иранскаго сюзерена. Темными лѣсенками мы поднимаемся на кровлю ханскаго дворца, выходящую прямо противъ главной мечети съ смѣлымъ куполомъ и минаретомъ. Рядомъ съ нею маленькая мечеть съ голубымъ изразцовымъ куполомъ, весело свѣтящимся на солнцѣ. Къ ней ведетъ порталъ съ такою же аркой, которую мы описали выше, съ надписями, арабесками и нишами. Подъ маленькой мечетью погребена послѣдняя бакинская ханша съ двумя своими сыновьями.

Какой чудной видъ съ кровли этого дворца!

Красивыя мечети и минареты, порталы и галлереи диванъ-хана и по другую сторону—вдали—голубая, дивная морская даль, причудливыя очертанія Баилова мыса, застроеннаго домами здѣшнихъ моряковъ, островъ Наргенъ и ближе, внизу, подъ нашими ногами, плоскокровельный Баку, перерѣзанный кривыми улицами, цѣлое марево восточныхъ домиковъ съ галлерейками, идиллическими двориками, силуэтами женщинъ, мелькающихъ тамъ, балконами, на которыхъ болтаются пестрые ковры. Позади безлѣсныя сумрачныя горы. Вонъ точно дальній лѣсъ—вышки Балаханъ; вонъ въ сѣроватой дымкѣ черный городъ; вонъ по другую сторону, уже направо, громада „дѣвичьей“ башни... Стѣны крѣпости, высокіе и круглые минареты нижнихъ мечетей, словно раздавленныхъ своими сѣрыми, пыльными куполами. Но лучше всего эта голубая бакинская бухта съ ея пароходами и судами. Нѣсколько изъ нихъ, какъ чайки, поднявъ бѣлое крыло, бѣгутъ куда-то на юго-востокъ за Наргенъ, въ открытое море, такъ нѣжно, ласково сливающееся съ такимъ же синимъ, такимъ же манящимъ небомъ!..

XXXVI.

Что осталось отъ бакинскихъ хановъ.

Бакинскій дворецъ когда-то славился своею красотою и роскошью.

Судя снаружи по диванъ-хану, внутренность этого полуперсидскаго палаццо дѣйствительно должна была бы представляться удивительной. Но, увы, еще не прошло и девяносто лѣтъ, какъ мы заняли этотъ городъ, а въ его палладіумѣ не сохранилось ничего, что̀ напоминало

бы пышность сравнительно недавнихъ повелителей. У входовъ во дворецъ, въ пестро-расписанныхъ нишахъ, сидѣли на цѣпяхъ, вѣроятно, въ качествѣ сторожей, барсы и тигры; теперь эти ниши завалены щебнемъ. Внутренняя ихъ обшивка исчезла. Около—много проваловъ, гдѣ были ходы въ подземный лабиринтъ. Что тамъ такое—неизвѣстно; до сихъ поръ никому не приходило въ голову изслѣдовать эти таинственныя жилы. Около дворца—отдѣльная постройка. Сводъ купoломъ, кругомъ колонны, въ стѣнахъ красивыя ниши. Все голо, все ободрано до камня. Хлѣвъ какой-то,—а очевидно во времена оны это было или мечетью, или баней самого хана, или, какъ еще основательнѣе полагаютъ нѣкоторые, роскошнымъ помѣщеніемъ главной ханши. Сюда примыкаетъ крошечная комната, откуда идетъ ходъ въ темную жилу какого-то подземелья. По другую сторону этого „павильона" небольшая девятиугольная круглая каменная ячейка,—не знаю какъ и назвать иначе эту не то „капеллу", не то спаленку „ханши", уходящую вверхъ подъ своды отдѣльнаго купола, хранящіе еще слѣды покрывавшей ихъ нѣкогда пестрой и роскошной живописи. Три окошка заслонены рѣшетками, вырѣзанными изъ камня. Чтобы войти въ эту келью, надо наклониться,—такъ низка ея дверь:..

— Куда же дѣвалась вся роскошь бакинскаго дворца, о которой приходилось читать у старинныхъ писателей?

— Кто знаетъ!..

Вышли отсюда на большой дворъ,—противъ главныхъ воротъ красное крыльцо въ родѣ (хотя, разумѣется, гораздо меньше) московскаго въ Кремлѣ. По его каменнымъ ступенямъ нѣкогда ханы выходили къ народу... Самый дворецъ внутри уничтоженъ окончательно. Своды его задѣланы, стѣны обнажены, полы сняты прочь. Роскошныя залы хановъ были долгое время обращены въ склады для храненія артиллерійскаго имущества. Арки, изящныя

и красивыя (слѣды ихъ замѣтны и теперь), заложены каменною безобразною кладкой. До того все это безобразно, что хочется скорѣе выйти вонъ, чтобы не наталкиваться на каждомъ шагу на несомнѣнные слѣды нашего варварства и неуваженія къ памятникамъ старины. Въ самомъ дѣлѣ, фанатическая Испанія и та теперь оберегаетъ причудливые и изящные дворцы, крѣпости и мечети, оставленные ей въ наслѣдіе маврами; мы же, на Кавказѣ ухитрились разобрать часть дербентской стѣны Нуширвана или, можетъ быть, даже и Александра Македонскаго, а бакинскій ханскій дворецъ обратили въ какую-то непристойную конюшню... Совершенно понятно, что я съ стѣсненнымъ сердцемъ выходилъ отсюда. Посмотрите напримѣръ, до чего дошла въ этомъ отношеніи наша бездѣятельность и небрежность: Баку бѣдно водою; городъ пьетъ какую-то солоноватую гадость, кажется, еще болѣе возбуждающую жажду,—а между тѣмъ, въ ханскомъ дворцѣ были въ свое время глубокіе и знаменитые колодцы, снабжавшіе верхній городъ отличною водою. Спрашиваю: гдѣ они? Мнѣ показываютъ полуразрушенные своды. Темный входъ подъ ними идетъ далеко внизъ. Въ его сумракѣ рисуются другіе своды и арки. Наружная обшивка цѣла. Мусульмане разсказываютъ, что воды въ колодцахъ нѣтъ, и она появится только тогда, когда Баку опять будетъ въ ихъ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, когда мы спускались туда, вода въ ханскихъ колодцахъ оказалась; эта монументальная постройка до сихъ поръ хранитъ ее, и надо очень мало израсходовать, чтобы опять можно было пользоваться этими подземными цистернами и бассейнами. Другой колодезь, рядомъ, уходитъ внизъ на 150 ступеней. Онъ загаженъ до послѣдней возможности. П. - страстный любитель старины, отлично изучившій ханскій дворецъ, — съ негодованіемъ говорилъ мнѣ о томъ пренебреженіи, въ какомъ находится эта бакинская Альгамбра. Но что̀ дѣлать,—не изъ своего же

крошечнаго жалованья возстановлять ее! Впрочемъ теперь это все принимаетъ въ свое вѣдѣніе городъ. Бакинскій голова г. Деспотъ-Зеновичъ—человѣкъ просвѣщенный и энергичный. Можно разсчитывать, что онъ, если и не вполнѣ, вернетъ этой достопримѣчательности стараго города ея прежнее значеніе. Придется возстановить и очистить громадныя, но теперь заваленныя грязью и мусоромъ ханскія бани, о которыхъ такъ восторженно говорили восточные писатели, возстановить рѣзьбу арки, ведущей въ медрессе... Право, надо было-бы выдумать новаго Геркулеса для очищенія этихъ авгіевыхъ конюшенъ!

— Можно ли попасть въ мечети?—спрашиваю я, вспоминая, какъ красивы казались онѣ съ плоской кровли ханскаго дворца.

— А вотъ попробуемъ.

Начинаемъ стучаться. За воротами тишина. Тявкнула было какая-то собачонка и замолкла. Послышался шорохъ, въ щелку мелькнула красная чадра супруги главнаго муллы. И только. Стучимся еще... Съ улицы сбѣгаются любопытные татары. Мальчишки гурьбой окружаютъ насъ отовсюду. Намъ объясняютъ, что „мулла въ сады уѣхалъ,“ но муэззинъ долженъ сейчасъ „начать кричать“ съ минарета. Но очевидно, что и муэззинъ неособенно ревностно исполняетъ свои вокализы. На галлереѣ, окружающей минаретъ, никого. Уже и время прошло, уже внизу, на минаретахъ персидской части города, „откричали“ свои муэззины, а этотъ не является. Хорошенькая татарка съ прелестными лукавыми глазами прошла мимо, откинувъ нарочно свое покрывало и показавъ намъ, улыбаясь, прекрасные зубы... Протрусилъ куда-то оселъ съ корзинами угля и безъ провожатаго; протянулъ руку байгушъ въ одной рубахѣ, да и то сквозной; потомъ явился какой-то бойкій и отлично одѣтый, съ бирюзой на рукахъ, золотою часовою цѣпочкою во всю грудь, та-

таринъ. Онъ преспокойно нашелъ гвоздь и отворилъ намъ замокъ...

— Мулла обидится?—сомнѣваюсь я.

— Оставьте ему два абаза (40 к.) — очень радъ будетъ. И даже молитву за васъ прочтетъ.

Небольшой дворикъ мечети покрытъ киромъ. Чахлая акація и золотушное какое-то деревцо около—одни разнообразятъ уныніе этого мѣста... Невольно я вспомнилъ тысячелѣтній чинаръ на дворѣ дербентской мечети. Направо—мечеть ханши Фатимы, налѣво—большая. Внутри все бѣдно, все запущено. Очевидно, мулла въ обѣднѣвшемъ ханскомъ кварталѣ находитъ мало прихожанъ. Онъ заботится только объ одномъ—соблюсти чистоту въ самой джаміи... Цыновки ветхи, ковры тоже... Свѣтильники, висящіе сверху, почернѣли... Печальная тишина кругомъ.

Назадъ мы идемъ между двойными рядами стѣнъ. Зубцы ихъ рѣзко рисуются на темно-голубомъ небѣ... Въ одномъ мѣстѣ пришлось взобраться на башню, перегородившую намъ дорогу. Спустившись дальше, мы видимъ помѣщеніе стараго ханскаго гарема, гдѣ бакинскіе сластолюбцы сберегали черкешенокъ, чеченокъ, осетинокъ, кабардинокъ, армянокъ, грузинокъ и персіанокъ. Содержимому бакинскаго гарема завидовалъ даже „всемогущій братъ солнца"—персидскій шахъ. Теперь, увы! по этимъ запущеннымъ и загаженнымъ келійкамъ мы добрались какими-то подземными жилами до большой центральной залы подъ круглымъ куполомъ, очевидно служащей пристанищемъ для бездомныхъ собакъ, потому что нѣсколько ихъ, до того мирно спавшихъ въ грязи, кинулись вонъ невѣдомыми намъ выходами; изъ этой большой залы—опять дверцы во множество другихъ меньшихъ и т. д.,—цѣлый лабиринтъ, до котораго нѣтъ рѣшительно дѣла никому. Даже противно становится... Недаромъ еще въ пятидесятыхъ годахъ посѣщавшій Баку французскій пу-

тешественникъ, который пришелъ въ восторгъ отъ наружнаго вида ханскаго дворца, бѣжалъ отсюда съ негодованіемъ, не желая осматривать его дальше.

— О, какіе это дикари! — восклицаетъ онъ въ своемъ „Voyage à la mer Caspienne“.

Назадъ, черезъ новыя, но выстроенныя по старому образцу крѣпостныя ворота съ бакинскими львами надъ ними и башнями по сторонамъ, мы, поднявшись вверхъ, выбрались на безконечную улицу, обставленную безчисленными персидскими и татарскими лавками. Это былъ какой-то длинный базаръ, на которомъ ключемъ била жизнь, совершенно оставившая европейскую часть Баку. Тутъ двигались ослы, верблюды, скрипѣли на громадныхъ колесахъ арбы, запряженныя буйволами, медленно переходили стада козъ и овецъ, орали, шумѣли, перекрикивались тысячи персовъ, армянъ, татаръ и даже лезгинъ, невѣдомо зачѣмъ забравшихся въ эту суету. Здѣсь, что ни шагъ, то типъ, что ни уголокъ, то готовое содержаніе для картины, передъ которою толпою стояли бы зрители на выставкѣ. Этой улицей мы пришли къ Кубинской площади, сплошь заставленной арбами и верблюдами. Сюда уже не осмѣливается вступаться Европа со своей регламентаціей: здѣсь царство Востока со всею его показной пестротою и оригинальностью. Здѣсь мой черный сюртукъ уже — безобразное пятно среди яркихъ красокъ персидскаго міра, моя шляпа—какой-то дикій диссонансъ, да и я самъ точно выходецъ изъ какой-нибудь далекой и чуждой страны. Тутъ слышится кругомъ персидскій гортанный говоръ, какіе-то застрявшіе въ горлѣ и тщетно старающіеся высвободиться оттуда звуки. Изъ узкихъ переулковъ гремитъ зурна, грохочетъ тиблибитонагара (двойные барабанчики), свистятъ дудки, жалуется на что-то и стонетъ джіанури, изрѣдка ахаетъ и глушитъ всѣ остальные звуки талабанда и шаловливо тренькаетъ подъ роговымъ когтемъ музыканта чангури... Пройдите

еще улицу — другая музыка передъ вами. Старикъ, зашедшій сюда вѣрно изъ Кахетіи, играетъ на шкири—родъ волынки, украшенной бирюзой и серебромъ. Съ нея висятъ серебряныя цѣпочки съ бубенчиками и колокольчиками, нервный звукъ которыхъ пріятно смѣшивается съ меланхолической пѣснею незатѣйливой шкири. А тамъ дальше опять гвалтъ татарской толпы, скрипъ аробныхъ колесъ, отчаянные крики ословъ, какъ будто на весь міръ жалующихся небесамъ — такимъ глубокимъ, знойнымъ и синимъ сегодня.

XXXVII.

Поѣздка на Баиловъ мысъ.

Поѣздки въ окрестности Баку являются далеко не такъ интересными, какъ можно было бы предполагать. Дороги отвратительны, природа однообразна и печальна до того, что нервные люди ея не выносятъ. Ни малѣйшаго клочка зелени. Лазурь моря, синева неба и пыльные сѣрые скаты горъ, сѣрые рвы, сѣрыя поляны, сѣрые мысы, сухіе, какъ змѣиная кожа, кутающіеся въ удушливое облако мельчайшаго песка при малѣйшемъ вѣтрѣ. Оставляешь за собою одну гору за другою, надѣешься, что вотъ за тѣмъ поворотомъ дороги явится, наконецъ, передъ тобою болѣе улыбающійся уголокъ, ждешь, наконецъ, разнообразія отъ созданій рукъ человѣческихъ—отъ заводовъ, домовъ: но—увы!—чѣмъ дальше, тѣмъ унылѣе и бѣднѣе становится этотъ точно проклятый Богомъ край. Точно въ самомъ дѣлѣ все тутъ кругомъ выжжено и засыпано песками. Гдѣ и подымется травка—она сама принимаетъ господствующій сѣрый колоритъ. Ея не отличишь отъ этихъ пыльныхъ рытвинъ

и осыпей. Поневолѣ стараешься смотрѣть или на небо, или на море. Самыя дорожныя встрѣчи печальны. Попадется фаэтонъ, возвращающійся въ городъ,—на немъ и сѣдоки, и кучеръ засыпаны пылью, и лошади движутся въ сѣрой тучѣ той же пыли. Покажется въ такомъ же сѣромъ облакѣ крошечный ишачокъ и длинная пара ногъ на немъ, чуть ли не шмыгающая пятками по землѣ,—и опять тишина и безлюдье, и опять мертвое спокойствіе обреченной на смерть земли. Не дай Богъ еще попасть за арбами! Онѣ истерзаютъ вашъ слухъ визгомъ и скрипѣніемъ своихъ немазанныхъ громадныхъ колесъ. Васъ не вознаградятъ за эти мученія даже черные глазки персіанки, что съ любопытствомъ смотритъ на васъ, приподнявъ полотнище ковра, завѣсившаго арбу. У Баилова-мыса есть улица домиковъ, выстроенныхъ моряками, дальше соборъ и какія-то казенныя зданія. Именно казенныя! Они подстать этому сѣрому краю, этой пыльной землѣ. Домишки похожи на тѣ, что вытянулись на испанской границѣ у Гибралтара. То же однообразіе, та же отчаянная скудость и скука. Мнѣ всегда жаль было семей, сидѣвшихъ здѣсь цѣлыми днями на порогахъ своихъ домовъ. Такъ онѣ сонно глядѣли на міръ Божій и, въ свою очередь, онъ такъ сонно смотрѣлъ на нихъ. Умирающій Дербентъ, весь задыхающійся въароматѣ своихъ садовъ и виноградниковъ, лучше этого цвѣтущаго и богатаго Баку... Если здѣсь что и растетъ, то уродливо и непремѣнно въ лучшихъ образчикахъ своихъ хранитъ слѣды и характеръ вскормившей его почвы. Арбузы бываютъ громадны; но лучше не пробуйте ихъ: сокъ ихъ кажется солоноватымъ, мясо грубо и невкусно. Дыни, говорятъ, есть хорошія. Не знаю—тѣ, которыя попадались мнѣ, такъ же солоны, такъ же деревянны. Виноградъ толстокожій, точно сокъ его заключенъ въ грубыя и крѣпкія капсюли. Груши—по твердости могли бы Самсону отлично сослужить службу ослиной челюсти... Все

привозное прекрасно, все свое, кромѣ керосина, - отвратительно, не исключая даже своего... прованскаго масла. Въ самомъ дѣлѣ, знаете ли, что остроумный московскій купецъ Ш. вздумалъ здѣсь изъ „нефтяныхъ остатковъ" добывать, между прочимъ, и оливковое масло? Я не разъ потомъ слышалъ на Кавказѣ за табльдотами:

— Пожалуйста, дайте мнѣ прованскаго масла, только не бакинскаго, не Ш—скаго.

Оно, говорятъ, отвратительно; тѣмъ не менѣе, ловкій милліонеръ-фальсификаторъ распространяетъ его по лицу земли русской столь широко, что это окупаетъ ему содержаніе большого завода и даетъ значительный доходъ...

Вотъ и Баиловъ-мысъ... Направо и налѣво голубой Каспій катитъ свои неугомонныя волны. Солнце жжетъ. Кажется, что каждый атомъ воздуха сверкаетъ, отражая его лучи... Кругомъ—уныніе и пустыня... Вдали—зданія громаднаго завода... Довольно! Меня уже не тянетъ осматривать ихъ болѣе...

Какая-то птица быстро пронеслась впередъ. Мимо Баку плывутъ на сѣверъ корабли. Длинная смутная полоска чернаго дыма отъ давно исчезнувшаго на горизонтѣ парохода стоитъ надъ моремъ...

Безотрадно!... Я приказываю повернуть фаэтонъ—и открываю глаза только тогда, когда по моему разсчету впереди уже показался плоскокровельный Баку за старою стѣною, съ громадою Дѣвичьей башни впереди и съ стройными профилями ханскаго дворца наверху.

XXXVIII.

Поѣздка на морскіе огни.

Вечеръ былъ тихъ и ясенъ. Быстро опускалось солнце въ цѣлое море расплавленнаго золота. Голубыя тѣни

уже сливались на западѣ. Не успѣлъ я пройти и одной улицы, какъ онѣ протянулись надъ всѣмъ городомъ, надъ цѣлымъ моремъ и окутали своимъ призрачнымъ и таинственнымъ покровомъ весь міръ. Ночь наступила разомъ, темная, безлунная; только яркія звѣзды все порывистѣе вспыхивали и разгорались надъ нами... На кровлѣ ханской мечети татарскій муэззинъ чуднымъ теноромъ запѣлъ что-то... Пѣсню ли далекаго Ирана или одну изъ вдохновенныхъ легендъ, которыми славится Ширасъ? Среди ли этой восточной обстановки—только и самый напѣвъ, и голосъ его дѣйствовалъ на душу: что-то печально-красивое слышалось въ немъ. О чемъ-то тосковала, куда-то стремилась живая душа.

— Хаджи-Керимъ, — говорилъ ему потомъ мой спутникъ,—у тебя милліонъ въ горлѣ.

Тотъ только повелъ на него своими грустными большими глазами и, потупясь, пошелъ дальше.

Крошечный пароходикъ „Михаилъ“ стоялъ уже у пристани Каспійскаго Товарищества, ожидая насъ. Ѣхали съ нами прелестная дочь стараго кавказскаго дѣятеля генерала Минквица, Аслановъ, управляющій дѣлами этого товарищества, и еще какая-то дама... Трое персовъ живо отвалили, и „Михаилъ“ точно ворвался въ черное царство южной ночи... Ничего не было видно кругомъ. Только позади, весь въ огняхъ, лучился и сіялъ яркоосвѣщенный Баку, да направо, въ шесть своихъ пламенныхъ глазъ, смотрѣлъ заводъ умнаго и предпріимчиваго Тагіева, сумѣвшаго не только нажить милліоны, но и усвоить себѣ европейскія привычки и отдѣлаться отъ того восточнаго мрака, въ которомъ до сихъ поръ живутъ его соотечественники и единовѣрцы. Разумѣется, всѣ эти богачи, вродѣ Тагіева, сильны, кромѣ своего исключительнаго ума (Тагіевъ непохожъ на другихъ), еще и сплоченностью татарскаго элемента. Что̀-бы они ни сдѣлали — все мусульманское за нихъ горою. Захва-

тилъ одинъ такой городскую землю въ Шемахѣ; управа хотѣла его суду предать: собрали экстренное засѣданіе Думы, на которое, разумѣется, явились всѣ кербалаи, мешеди и хаджи, — и вдругъ состоялось невѣроятное опредѣленіе страшнымъ большинствомъ голосовъ: оставить захваченную землю за Тагіевымъ. Явится на судъ татаринъ — тысячи кербалайчиковъ-свидѣтелей готовы подтвердить, что вамъ угодно, лишь бы выручить своего. Здѣшніе татары прячутъ отъ полиціи даже „прокаженныхъ“, являющихся сюда изъ Персіи, считая святыми дѣлами, во-первыхъ, принять прокаженнаго, а во-вторыхъ, надуть полицію. Среди улицы, днемъ персъ зарѣзалъ полицейскаго пристава. Убійцу не нашли, хотя десятки другихъ персовъ его знаютъ и видѣли. А посадятъ убійцу въ тюрьму,—явятся завтра же двѣсти свидѣлелей его невинности. Персидскіе разбойники, дѣлавшіе нѣкоторыя дороги въ уѣздахъ Бакинской и Шемахинской губерній непроѣздными, были извѣстны всѣмъ, но дотронуться до нихъ нельзя было. Всякая татарская деревня считала своей обязанностью укрыть такого, а если онъ, паче чаянія, пойманъ—явиться въ судъ и доказать его alibi. Въ Персіи самой такихъ разбоевъ нѣтъ, потому что тамъ существуетъ правило: за произведенный на дорогѣ грабежъ окрестныя деревни платятъ шаху вдесятеро сумму, въ какую ограбленный цѣнитъ отнятое у него имущество, и, сверхъ того, возвращаютъ все потерпѣвшему. За убійство казнятъ заложниковъ — за одну голову три... Это, разумѣется, ужасно несправедливо, но на Востокѣ своя логика и свои пріемы, ничего общаго не имѣющіе съ Бентамомъ и Беккаріей.

Когда мы отъѣхали на средину бухты, „Михаилъ“ круто повернулъ направо и разомъ остановился посреди моря.

— Здѣсь!—предупредилъ меня г. Аслановъ.

Море кругомъ шипѣло... Когда была зажжена пакля, мы различали вскакивавшіе подъ водою пузыри... Тутъ нефтяной газъ со дна проходитъ черезъ всю толщу воды на воздухъ... Зажженную паклю бросили на волны: она заколыхалась вмѣстѣ съ ними,—но тотчасъ кругомъ занялись тысячи огней... Казалось, что горѣли гребни волнъ, что вспыхивала самая вода... Милліоны мелкихъ и большихъ пузырьковъ нефтяного газа, загораясь, обращались въ желтые, голубые и красные языки пламени, вмѣстѣ съ волнами вскидывавшіеся вверхъ и падавшіе внизъ. Легкій вѣтеръ клонилъ ихъ то вправо, то влѣво. Пароходъ отходилъ скорѣе прочь, потому что золотое кольцо волшебнаго огня все ширилось, захватывая въ свой очарованный кругъ больше и больше пространства. Право, казалось, что это не нефть, а сама морская вода пылаетъ кругомъ... Зрѣлище красивое и оригинальное! Жаль, что сегодня былъ вѣтерокъ. Онъ часто сдувалъ прочь фіолетовые и голубые языки огня, которые гасли въ воздухѣ. Въ штиль и безвѣтріе, случается, нѣсколько дней горитъ море—до тѣхъ поръ, пока не налетитъ вихрь и не размечетъ этотъ пожаръ во всѣ стороны. Разъ, говорятъ, море здѣсь горѣло двѣ недѣли, такимъ образомъ представляя издали чудный видъ какого-то подводнаго вулкана...

XXXIX.

Послѣднія впечатлѣнія.—Прощаніе съ Баку.

Я посѣщалъ не разъ бакинскихъ молоканъ, но ихъ бытъ и особенности были такъ вѣрно и художественно описаны Г. И. Успенскимъ, что я считаю совершенно излишнимъ останавливаться на этомъ, тѣмъ болѣе, что размѣры моей статьи вышли далеко изъ намѣченныхъ

мною предѣловъ. Впослѣдствіи я дамъ общій очеркъ русскихъ поселеній въ этомъ краю, и тогда мнѣ придется говорить о молоканахъ, не стѣсняясь рамками газетнаго фельетона. Уѣзжалъ я отсюда подъ впечатлѣніемъ общихъ жалобъ на бакинскую таможню. Увы! То-же, что мнѣ приходилось видѣть во всѣхъ россійскихъ таможняхъ, совершалось и здѣсь, только по восточному, т.-е. грубѣе и безцеремоннѣе. Бакинская таможня въ этомъ отношеніи является даже исключительною. Я уже говорилъ, какъ, по требованію засѣдающихъ въ ней бонзъ, по цѣлымъ вечерамъ и ночамъ останавливаются передъ городомъ и не смѣютъ высадить измученныхъ пассажировъ и больныхъ дамъ пароходы „внутренняго плаванія". Какъ вы видите, въ этомъ отношеніи здѣсь все приносится въ жертву для „безпрепятственности винта", которымъ, вѣроятно, въ совершенствѣ занимаются „господа-таможня". Но есть и нѣчто худшее. Аргусы бакинской таможни повсюду: это какое-то чудище, „стозѣвно, огромно и лаяй", по опредѣленію незабвеннаго Тредьяковскаго. Васъ осмотрѣли на границѣ. Вы думаете, что вы уже обезпечены отъ сыщиковъ таможни. Нѣтъ, эти диллетанты всюду слѣдуютъ по пятамъ за вами. Вы ѣдете извнутри страны—все равно на станціи Бакинской желѣзной дороги таможенный диллетантъ залѣзетъ по вдохновенію въ вашъ сундукъ. Спорить не совѣтую: грубость бакинскаго таможеннаго равняется только его безцеремонности. Другаго сравненія для нея я и прибрать не могу. Случались здѣсь даже и убійства изъ-за выходокъ гг. таможенныхъ соглядатаевъ. Еще сундуки и чемоданы, хотя и не вполнѣ, но все-таки болѣе безопасны отъ таможеннаго вдохновенія, но кавказскіе мѣшки - мафраши — избави Богъ отъ нихъ! При ихъ видѣ гг. таможенные чувствуютъ какое-то остервенѣніе и набрасываются на нихъ съ жадностью верблюда въ пустынѣ, увидѣвшаго вдали источникъ. Мы сами хотѣли во что-бы

то ни-стало привлечь бухарцевъ, чтобы они въ Мекку и Медину отправлялись по нашей Закаспійской дорогѣ, потомъ черезъ Кавказъ. Бухарцы было и двинулись. Ихъ, разумѣется, осмотрѣли въ Мервѣ или гдѣ-то тамъ, взяли съ нихъ, что слѣдуетъ, „по мѣрѣ возможности", за ввозъ подлежащаго оплатѣ имущества. Вдругъ въ Баку новый осмотръ, и у бѣдняковъ-пилигримовъ отняли ковры (которые каждый мусульманинъ для подстилки на молитву беретъ съ собою въ каждое путешествіе)!.. Неправда ли, характерный способъ привлекать мусульманъ къ намъ? Разумѣется, теперь большая часть ихъ ѣдетъ опять черезъ Персію. «Богъ съ вами и съ вашей безопасностью отъ разбойниковъ, если нѣтъ безопасности отъ таможни!"—разсуждаютъ бухарцы, направляющіеся теперь стороною. На персидской границѣ—при полной безгласности иранцевъ—наша таможня совсѣмъ является самодержавной и дѣлаетъ, что ей угодно! Въ самомъ дѣлѣ, что не для нея законы писаны, доказывается прочитаннымъ мною самимъ печатнымъ объявленіемъ отъ бакинской таможни слѣдующаго содержанія: „Продаются съ публичнаго торга конфискованные 625 аршинъ ситцу (какъ это? Вѣдь въ Персіи ситца не выдѣлываютъ? Неужели конфискованъ русскій ситецъ! Не хотѣлось бы вѣрить этому!) и 1 пудъ 25 фунтовъ теріаку". Теріакъ, какъ опіумъ и гашишъ, запрещенъ къ ввозу въ Россію и не допускается въ ея внутренней торговлѣ, и вотъ бакинская таможня отбираетъ теріакъ, какъ запрещенную вещь, и продаетъ его съ публичнаго торга, какъ законную таможенную добычу!.. Неправда ли—Персія совсѣмъ? Что дѣлаетъ таможня съ персидскими пароходами, пристающими къ Баку, объ этомъ поразспросите сами, а я отказываюсь вѣрить даже разсказамъ мѣстныхъ жителей: слишкомъ ужъ они невѣроятны.

Впрочемъ, относительно невѣдѣнія лѣвой руки о дѣятельности правой Баку недалеко отошелъ отъ анекдоти-

ческихъ Колюбакинскихъ временъ. Это очень характерно, и я передамъ вамъ слышанное здѣсь. Былъ давно въ Баку генералъ Колюбакинъ губернаторомъ. Задумалъ онъ истребить взятку, чтобы и духу ея не пахло. И вотъ является приказъ, чтобы полиція „нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ не смѣла ничего брать и покупать у населенія безъ денегъ". Можете ли вы себѣ представить, чтобы именно этотъ приказъ и развилъ взятки до такой степени, какой прежде и не видѣли здѣшніе купцы? Является ветхозавѣтный кварташка въ лавку.

— Давай то-то и то-то!..

Купецъ-персъ покорно подаетъ ему, разумѣется, не помышляя объ уплатѣ.

— Ну, а теперь подавай деньги!

— Какія деньги?

— Какъ какія деньги? Развѣ ты не слышалъ, не читалъ приказа: ничего не приказано брать безъ денегъ?

Такъ сверхъ „изобилія плодовъ земныхъ" стали по всей окраинѣ брать и деньги...

Станція Бакинской желѣзной дороги — изящная и роскошная, выстроенная въ мавританскомъ стилѣ. Это положительно лучшее зданіе города. Вагоны очень хороши и удобны. Прибавьте къ этому, что въ окна вамъ вовсе не идетъ удушливый дымъ, какъ на другихъ дорогахъ. Кавказская отопляется нефтью, почти не дающею дыму и копоти. Это немалое преимущество ,и, только проѣхавъ отъ Баку до Батума, видишь, насколько эта система лучше общепринятой. Пестрота пассажировъ нѣсколько умѣряетъ убійственную скуку дороги. Каждый вагонъ представляетъ маленькую этнографическую выставку. Но окрестности!... Я не видѣлъ мѣстъ печальнѣе этихъ. Когда голубой Каспій скрылся отъ насъ и со всѣхъ сторонъ насъ охватила солончаковая пустыня, хотѣлось опустить шторы въ окнахъ, чтобы не видѣть этихъ сѣрыхъ осыпей, этихъ пыльныхъ горъ, этого чахлаго вереска! Даже

въ Алятѣ показавшееся опять море нисколько не утѣшило насъ. Оно за сѣроватою дымкой пыли, поднятой вѣтромъ на берегу, тоже почудилось намъ туманнымъ и дикимъ. А острова Дуванный и Булла на немъ были похожи на тучи, приникшія къ самой водѣ. Тоска охватывала. Въ Аджи-Кабулѣ на минуту мелькнула за деревьями и посѣвами рѣка. Странно было даже видѣть растительность на этихъ унылыхъ гладяхъ... Мы заснули... Ночь стояла тихая. Раннее утро разбудило насъ за Елисаветполемъ... Налѣво и направо высились горы. На югѣ Малый Кавказъ горѣлъ рубиновыми вершинами, казалось, плававшими въ золотистомъ туманѣ; направо—снѣговые вѣнцы кавказскихъ великановъ уже отгорали и казались палевыми среди цѣлаго океана затоплявшаго ихъ свѣта...

XL.

Кавказскія ночи.

I.

По Поти-Тифлисской дорогѣ мы засвѣтло еще добрались до Мцхета.

Тутъ мнѣ хотѣлось осмотрѣть старинный грузинскій соборъ, женскій монастырь и развалины замковъ, висящія, словно орлиныя гнѣзда надъ мирными долинами, съ вершинъ окрестныхъ горъ.

Ночь намъ пришлось провести на мцхетской почтовой станціи.

Еще до сихъ поръ мнѣ помнятся эти зеленые скаты, крутые и мрачные, несмотря на одѣвающіе ихъ лѣса. Далеко въ вышинѣ, на самомъ гребнѣ горъ, чернѣли пасти глубокихъ и необслѣдованныхъ пещеръ, являю-

щихъ на каждомъ шагу слѣды пребыванія человѣка, вѣроятно, въ тѣ еще времена, когда, одѣтый въ звѣриныя шкуры, съ кремневымъ дротикомъ въ рукахъ, онъ вступалъ здѣсь въ единоборство съ медвѣдями и кабанами. Но не однимъ троглодитамъ понадобились эти черные гроты; въ ихъ таинственный сумракъ прятался грузинъ отъ набѣговъ горцевъ и персіянъ, сюда загонялись его стада, собиралось все, что поцѣннѣе—и, дрожа каждую минуту отъ ужаса, несчастная семья его ожидала цѣлыя недѣли, когда врагъ оставитъ долины, оливъ ихъ кровью, разоривъ и испепеливъ убогія сакли жалкихъ деревень и взявъ съ собою въ полонъ все, что не успѣло спастись въ эти горы, все, что попало ему подъ руки: дѣтей, женщинъ и взрослыхъ. Цѣлый циклъ легендъ и преданій обращается въ устахъ народа объ этомъ сумрачномъ времени. Кровью, теплою кровью только что зарѣзанныхъ жертвъ, дымомъ свѣжихъ пожаровъ вѣетъ отъ нихъ. Сказанія эти охватятъ дрожью даже человѣка съ желѣзными нервами, и идиллически мирная картина Гурійскихъ и Кахетинскихъ долинъ, страстною нѣгою вѣющая на его сердце, разомъ оказывается облитою кровью ареной, гдѣ еще недавно воочію совершались страшныя сцены варварства, гдѣ грабежъ и убійство были явленіями обыденными, а рѣдкія минуты тишины и спокойствія казались скоротечнымъ праздникомъ.

— Ну, что вы задумались! Самоваръ давно готовъ.— окликнули меня съ балкона станціи.

— Сейчасъ, дайте наглядѣться. Красота какая!

— Нашли красоту. Вотъ въ моей Тверской губерніи точно, что красота. Ровно, гладко, ни тебѣ холма, ни горы, ни пригорья. А тутъ что? Господь съ ними, съ этими горами.

А сумерки все гуще и гуще... Надъ рѣкою повисло точно бѣлое облако... Нѣсколько крупныхъ звѣздъ сверкаютъ надъ черными силуэтами горъ... Раздражающій

нервы запахъ цвѣтовъ сталъ еще слышнѣе, точно букетъ подъ носомъ. Куда ни повернешься—вездѣ онъ. Въ окрестныхъ кустахъ заблистали голубоватыя искры... Попарно—одна за другой... Только вспыхнетъ и снова погаснетъ. Разъ цѣлый дождь брилліантовъ засіялъ и разсыпался...

— Вы не бывали еще на югѣ Кавказа?

— Нѣтъ! точно проснулся я.

— Жаль. Тамъ ночи—даже этимъ не чета. Все точно притаилось, словно и небо, и земля дышутъ и дышутъ страстно, горячо... На вашемъ далекомъ сѣверѣ—вы и понятія не имѣете о томъ, какъ ночь, одна только ночь, распаляетъ кровь, возбуждаетъ воображеніе до галлюцинацій; мечты становятся дѣйствительностью! Не знаешь, спишь и сонъ видишь, или все это въ явѣ совершается съ тобою. На югѣ и ночь-то на сонъ похожа, не отличишь, гдѣ кончается она, гдѣ начинаются грезы.

— Однако, какой же вы восторженный!

— Хотите я вамъ разскажу, до чего доводятъ иногда южныя ночи?

— Разскажите.

— Ну, пойдемъ, кстати, пройтись по ущелью.

II.

— Это случилось близъ Ахалцыха, въ небольшомъ армянскомъ селеніи. Я тогда еще прапорщикомъ былъ, только что изъ корпуса выскочилъ и, разумѣется, какъ молодой галченокъ, на весь міръ Божій глядѣлъ, раскрывъ ротъ. Село это я уже позабылъ, какъ и звали. Помню только, что оно въ долинѣ пріютилось. Кругомъ холмы, покрытые виноградниками, около—разливъ какой-то рѣченки, а вдалекѣ туманные силуэты большого Гурійскаго хребта.

Хозяйка мнѣ досталась преоригинальная. Старуха армянка. То и дѣло бывало, что прячетъ передо мною въ черный платокъ свое покрытое морщинами лицо, на которомъ по—нашей поговоркѣ—носъ крючкомъ, борода стрючкомъ. Ужасно безобразны всѣ онѣ дѣлаются подъ старость, а въ молодости—поди—красавицей была, не одного юношу съ ума сводила. И все, бывало, ахаетъ. Скажешь ей, что погода очень хороша! „Вай-вай!“ и головой закачаетъ, точно ей о великомъ какомъ несчастіи сообщили. Богатая была—а посмотрите, какъ одѣвалась. Зато уже племянницы были—на другую стать. Парча, канаусъ. Головные уборы жемчугами расшиты, на шеѣ золотыя монеты болтаются! И красавицы же на подборъ. Знаете, это особенная красота — нѣжная. Взглянешь на лицо, спитъ кажется. Выраженіе нѣги и неподвижности. Въ черныхъ глазахъ ни искры, высокія собольи брови неподвижны. Не вѣрьте. Все это до поры, до времени. Посмотрите, какъ, при случаѣ, сверкнутъ на васъ эти агатовыя очи,—точно сталь подъ солнцемъ,—такъ и бьютъ прямо въ сердце; приглядитесь, какія искры загораются въ нихъ порой, какъ сквозь влажный блескъ ихъ прямо изъ самаго сердца струится долго сдерживаемая и разомъ вспыхнувшая страсть! Какъ это лицо все измѣняется передъ вами. Выраженіе лѣни сбѣжитъ разомъ, точно его что-нибудь смоетъ съ этихъ красивыхъ линій. А подмывающій смѣхъ такъ и прыщетъ изъ груди, такъ и дробится, такъ и сыплется: „словно попадаетъ жемчугъ на серебряное блюдо“... Не назовете вы тогда этой дѣвушки каменной статуей! А какъ эти руки охватываютъ васъ, точно задушить хотятъ, какъ разомъ всколыхнувшаяся грудь прижимается къ вамъ!... Смерть, да и только!.. Страсть!

— Въ этихъ-то муміяхъ—страсть!..

— Я и самъ считалъ ихъ муміями, да южная ночь разувѣрила. Въ іюлѣ это было,—продолжалъ онъ, помолчавъ.

День жаркій, знойный. Я помню, съ утра изъ темной сакли своей носу на дворъ не показывалъ. Боялся задохнуться! Одна стѣна комнаты не доходила доверху, и въ просвѣтѣ, точно изумрудныя подъ палящимъ солнечнымъ свѣтомъ сіяли вѣтви деревьевъ. Въ открытую дверь пахло розами и до того сильно, что голова кружилась, въ виски кровь била. Даже старуха-хозяйка—и ту проняло, выползла на тахту, поджала подъ себя ноги, да такъ и замерла, не думая вовсе закрывать своего очаровательнаго, шестидесятилѣтняго лица... Къ вечеру набѣжала туча, грянулъ громъ, опрыснуло землю дождевыми брызгами—и снова безоблачное небо засіяло надъ долиною, только жаръ какъ рукой сняло. Вздохнули мы. Когда я вышелъ изъ сакли, солнце уже садилось за далекою горою. Вся она казалась темно-синей, зато вокругъ, края ея словно горѣли—изъ-за нихъ закатъ такъ и лучился золотымъ вѣнцомъ. Въ ущельяхъ уже сгущалась мгла... Запахло еще сильнѣе цвѣтами...

— Послушайте, да вы совсѣмъ поэтъ.

— Какже, я и стихи писалъ... Только не повезло, все на Лермонтова сбивался... Нужно вамъ сказать, что я два мѣсяца уже ухаживалъ за одною изъ безчисленныхъ племянницъ моей старухи, но на всѣ мои авансы она отвѣчала самымъ убійственнымъ равнодушіемъ. Разъ, я помню, хотѣлъ ее поцѣловать—она только посмотрѣла на меня и отошла. Зато какъ посмотрѣла!

Такъ, вотъ, началъ я вамъ разсказывать, такая же ночь была, какъ эта. Теплая, звѣздная, ясная... Хозяева ночевали обыкновенно на плоской кровлѣ сакли. Я располагался на тахтѣ. Но на этотъ разъ меня точно душило всего. Будто воздуху мало было кругомъ, дышать нечѣмъ. Отворилъ я двери настежь—такимъ ароматомъ пахнуло на меня,—на волю, на крышу, подъ открытое небо потащило. Промаялся я еще съ часъ, вижу, не совладать съ собою. А вы знаете, лѣсенка на кровлю у нихъ

устраивается не снаружи, а изъ комнаты. Взялъ я одѣяло свое, пальто, подушку и выбрался. Хозяева на другомъ концѣ кровли были, такъ что я свободно могъ помѣститься въ сторонѣ—мѣстные нравы допускаютъ это Тѣмъ болѣе, что та часть крыши, гдѣ они были, уступомъ шла, нѣсколько выше. Легъ я—не спится. Звѣздное небо тысячью глазъ смотритъ на меня. Лиліи пахнутъ до одури, кровь, словно горячая, жжетъ по жиламъ. Въ глазахъ—любимая дѣвушка, точно она тутъ же, рядомъ; такъ грудь ходуномъ и ходитъ... Нарочно зажмурился, авось засну, думаю—куда!.. Постарался о другомъ думать — ерунда выходитъ. Точно въ головѣ арабески какія-то заплетаются и расплетаются изъ ея лукаваго личика, смѣхъ ея въ ушахъ звенитъ... А тутъ еще мѣсяцъ поднялся—такъ и сыплетъ лучами, будто серебряными сѣтями окуталъ долину.... Точно сіяющимъ паромъ обдалъ горы, даже въ ущельяхъ свѣтло стало! Томился я, томился—и голову потерялъ. Самъ чувствую, что глупость дѣлаю, а остановиться не въ силахъ. Ползкомъ, ползкомъ сталъ я подбираться къ другой сторонѣ крыши. Еще какъ всходилъ я туда, замѣтилъ, что моя Ашхенъ лежитъ съ краю... Ползу, а сердце такъ и бьется, въ головѣ звонъ какой-то... Приподнялъ голову, посмотрѣлъ кругомъ. Нужно вамъ сказать, что наша сакля на вершинѣ холма была, со всѣхъ сторонъ одѣтая другими саклями. При блескѣ мѣсяца всѣ онѣ были мнѣ видны, точно ступеньки лѣстницъ кругомъ. Нигдѣ ни шороху, ни движенія. Народъ спитъ себѣ на кровляхъ, точно серебряныя лѣпныя изваянія, подъ бѣлыми покрывалами своими... А Ашхенъ шагахъ въ трехъ ужъ отъ меня-видно, что и ей жарко, —раскинулась вся, изъ-подъ канаусовой рубахи строгія дѣвичьи линіи груди такъ и обрисовываются въ очаровательномъ блескѣ ночи. Точно кровь къ глазамъ прилила мнѣ, взялъ я ее за руку и замеръ. Ашхенъ разомъ приподнялась вся и широко раскрыла глаза на меня... Видно, что ей и въ голову не могло придти о возможно

сти этой дерзости съ моей стороны. Оглянулась она на своихъ—тѣ неподвижно лежатъ.... Я подвинулся еще ближе и сталъ цѣловать ея руки... Дрожитъ вся, вижу... То кровь въ лицо бросится, то поблѣднѣетъ вся, а грудь такъ и колышетъ, такъ и колышетъ, даже золотыя монеты на шеѣ позваниваютъ... Боялся я, что крикнетъ, шуму надѣлаетъ, нѣтъ...Думаю, не испугалась ли, положилъ голову къ ней на колѣни—нѣтъ. Перебираетъ пальцами волоса мои, а ноги у нея такъ и дрожатъ, чувствую. Наконецъ, наклонилась ко мнѣ, къ уху, самому. „Слушай, урусъ... уходи внизъ скорѣй, въ саклю!..“—Ни за что на свѣтѣ... —„Проснутся родные!..“—Пусть просыпаются...—„Братъ вѣдь убьетъ тебя!..“—Пусть убьетъ. Еще ближе приникла она ко мнѣ, глаза въ лицо такъ и смотрятъ... „Уйди, сейчасъ уйди... и—меня жди туда... я тоже внизъ сойду“. Свѣта я не взвидѣлъ и осторожность всю отбросилъ, не знаю, какъ и попалъ въ комнатѣ на тахту...

— Ну и что же, обманула?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Нѣсколькихъ минутъ не прошло, какъ явилась! Этой сладкой ночи мнѣ долго не забыть!.. А, вѣдь, до тѣхъ поръ и не любила меня. Терпѣть не могла даже, какъ это ни обидно для моего самолюбія!

— Что-жъ, приключеніе тѣмъ и кончилось?

— Какое тѣмъ! Много тутъ было всякаго добра, и зла не мало. Вели мы съ нею дѣла, нужно вамъ сказать, такъ, что никто и догадываться не могъ ни о чемъ. Днемъ она, бывало, смѣется надо мною, будто бы отвращеніе ко мнѣ выказываетъ, а какъ уснутъ всѣ—ко мнѣ—и до утра вмѣстѣ!.. Знаете, вѣдь, я на ней жениться хотѣлъ, и женился бы, да неожиданно потребовали меня въ штабъ, а оттуда немедленно велѣли ѣхать въ Тифлисъ къ главнокомандующему съ донесеніемъ. Думалъ я вернуться черезъ двѣ недѣли, а вернулся черезъ четыре мѣсяца!

— И, разумѣется, всей исторіи конецъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что она только что началась еще. Пріѣхалъ я, остановился въ той же саклѣ и диву дался—нѣтъ Ашхенъ. Спросить прямо боюсь: догадаются. Наконецъ, братъ ея разсказалъ мнѣ, что она выдана замужъ въ другое село за армянина-духаньщика, человѣка очень богатаго и стараго. Все ли благополучно у нихъ? спрашиваю.—Все, говоритъ. А мужъ ее любитъ?— Души не чаетъ. Ну, думаю, значитъ обошлось безъ драматической развязки. Какъ только узнала она, что я вернулся, тотчасъ же прикатила въ гости будто бы къ теткѣ. Ну, старыя отношенія, разумѣется, возобновились. Прожила недѣлю, назадъ ѣхать не хочетъ. „Что мнѣ, говоритъ, со старымъ да съ толстымъ возиться. Пропадай онъ совсѣмъ“. Осталась на другую недѣлю. Наконецъ, смотрю, и самъ ея супругъ катитъ верхомъ на лошади, въ высокой персидской шапкѣ на затылкѣ, съ громаднымъ и толстымъ носомъ, блистающимъ, точно маковъ цвѣтъ! Неказистъ былъ. Увидѣла она его—затряслась даже. До того онъ ей отвратителенъ былъ. Впрочемъ, мы съ нимъ сразу поладили. Ему больше всего льстило, что съ нимъ русскій офицеръ знакомъ. Кунаками сдѣлались. Я его каждый вечеръ напаивалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уѣхалъ, оставивъ жену у насъ.

Однако, какъ мы не миловались, а назадъ, къ законному супругу нужно ей было ѣхать.

— Да какъ же вы ее отпустили?

— А что же будете дѣлать! Вѣдь, не на стѣны же лѣзть.

— Сами же говорите, что любили ее.

— Знаете, наскучать стала. Опять же—говорить съ ней не о чемъ.

— Хорошъ же вы гусь!

— Что же дѣлать! всѣ—люди, всѣ—человѣки! Уѣхала она къ своему горбоносому Іованесу и съ мѣсяцъ ни слуху, ни духу о ней. Ни одной вѣсточки. Я ужъ, при-

знаться, думалъ, что „амуръ всѣ клятвы пишетъ стрѣлою на водѣ“, да совершенно неожиданно изъ нашего села прислали за моей хозяйкой. Оказалось, что раба Божьяго Іованеса, велію восчувствовавшаго любовь къ кавказскому вину, пришибло ударомъ, и сей благородный отпрыскъ армянскаго населенія возлетѣлъ въ горнія, оставивъ женѣ громадное хозяйство и деньги. Не прошло и двухъ дней, какъ моя Ашхенъ прикатила къ намъ и опять поселилась въ одной саклѣ со мною. На людяхъ скучная да суровая... Объ мужѣ, видите ли, сокрушается будто. А наединѣ со мною чуть не пляшетъ!..

— Какъ же у васъ кончилось?

— Кончилось-то.... очень скверно кончилось!—какъ-то глухо заговорилъ онъ. Вспыхнувшій огонь папиросы на минуту выдѣлилъ изъ мрака нахмурившееся лицо моего собесѣдника. Брови сдвинулись, глаза ушли какъ-то глубже, на губахъ ясное выраженіе какой-то старой, разомъ воскреснувшей грусти!

— Если тяжело—не говорите.

— Отчего-же... Дѣло по мѣстнымъ нравамъ обыкновенное! Хотѣлъ я года черезъ полтора разстаться съ ней. А нужно вамъ сказать, что мы уже въ то время въ Тифлисѣ жили, и приглядѣлъ я себѣ невѣсту—русскую. Образованная и симпатичная дѣвушка была! Надоѣла мнѣ моя Ашхенъ страшно. Хотя и поздно, но сообразилъ я, что между нами вѣдь ничего общаго въ сущности нѣтъ. Сталъ я уходить изъ дому на цѣлые дни. Вернусь, бывало, поздно ночью—она не спитъ. Не упрекнетъ, не сдѣлаетъ сцены,—на это восточная женщина неспособна,—плачетъ только цѣлые часы въ углу! Жаль мнѣ ее безконечно становилось, и опять я дѣлался съ нею ласковъ: порвать разомъ силы не было. Думаю—потѣшу бѣдняжку. Хуже, если сказать, будетъ плакать, какъ собака ластиться начнетъ. А этимъ, знаете, онѣ и противны—здѣшнія женщины. Она не полюбитъ васъ, какъ равная рав-

наго, нѣтъ! Въ глаза вамъ смотритъ, къ вашимъ ногамъ прильнетъ, служитъ вамъ. Раба — рабой!.. Тоска даже отъ такихъ ласкъ нападаетъ, и не знаешь, куда дѣваться отъ нихъ! И вѣдь не говоритъ ни слова, между собою онѣ судачатъ, да и какъ, а замѣтила мужчину — глаза въ землю, и молчокъ... Наконецъ, рѣшился я порвать съ ней всякія отношенія и сталъ ѣздить еще чаще къ будущей своей невѣстѣ. Раза два мнѣ показалось, что Ашхенъ слѣдитъ за мною, я какъ-то видѣлъ ея лицо въ окнѣ, когда мы сидѣли вдвоемъ съ Анютой, въ ихъ уютной гостиной. Но я думалъ, что ошибаюсь. Пріѣду домой—сидитъ Ашхенъ въ углу, сидитъ неподвижно. Лицо точно деревянное—плакать уже перестала. Застыла! Привыкаетъ—предположилъ я и отъ души порадовался этому!..

— Однако, все-таки много безсердечія надобно было для такихъ отношеній.

— Нѣтъ, это скорѣе мягкость характера, чѣмъ жестокость. Суровый человѣкъ оборвалъ бы разомъ...

— Да вѣдь это было бы легче ей!

— Попробовали бы вы! Я было ей намекнулъ разъ, такъ она, знаете ли, какой фортель выкинула? Домъ, гдѣ мы жили, на отвѣсномъ обрывѣ берега р. Куры стоялъ, обрывъ былъ очень высокъ. Балконъ нашъ, или скорѣй открытая галлерея, огибавшая весь домъ вокругъ, надъ водою висѣла. Съ непривычки даже взглянуть внизъ страшно было! Тѣмъ болѣе, что тутъ излучистая рѣка точно съ разбѣгу била въ глинистую стѣну и стремглавъ рвалась дальше... Вскочила моя Ашхенъ, какъ сумасшедшая. Глаза какъ-то округлились, носъ точно весь стянулся кверху, какъ у кошки, когда она взбѣсится и, перегнувъ спину, готовится кинуться на васъ. Ротъ весь исковеркало... „Слушай, говоритъ, правду ты говоришь?“ Была не была, думаю, теперь или никогда. Правду!.. Какъ она швырнется черезъ перила, хорошо еще, что за

поясъ удержалъ. Да еще злющая какая. Я ее назадъ тащу, а она мнѣ руки кусаетъ, за лицо царапаетъ, рычитъ на меня! Именно рычитъ. И не говоритъ вѣдь ни слова, и точно у нея въ горлѣ что-то перекатывается, хрипло, дико ужасно выходитъ. Меня холодомъ обдало! Разумѣется, всѣ мои благія намѣренія къ чорту пошли. Сталъ я ее успокоивать, ублажать, шутками отдѣлываться... Но вѣрить, должно быть, не повѣрила, а застыла такъ. Съ этой поры вѣрно она и слѣдить за мной стала. Дня черезъ два послѣ того, какъ мнѣ показалось, что Ашхенъ смотритъ сквозь окно на меня съ невѣстой — день былъ ужасно знойный, и ночь стояла душная... Я открылъ всѣ двери въ комнатѣ и ту, которая на галлерею выходитъ. Весь противоположный берегъ Куры, какъ теперь помню, огоньками свѣтился. Еще и заснуть не успѣлъ, задремалъ только, какъ показалось мнѣ, будто кто-то въ комнату проскользнулъ, точно бѣлый силуэтъ какъ-то на мгновеніе мелькнулъ въ двери. Кому, впрочемъ, быть, думаю, Ашхенъ спитъ у себя!.. Показалось!.. Задремалъ опять—и проснулся вдругъ—и какъ проснулся! Что-то мягкое точно навалилось на меня — дышать не могу, головы изъ-подъ него освободить не въ силахъ. Всего, можетъ быть, секунды двѣ-три прошло, а мнѣ, чортъ знаетъ, за сколько времени показалось—наконецъ, удалось приподняться, смотрю:—это Ашхенъ меня подушкою давитъ. Я такъ и обезумѣлъ весь. Всѣ вѣдь мы скоты! Вмѣсто того, чтобы почеловѣчнѣе поступить—вѣдь и она-то, поди, измучилась вся, вѣдь и ей не легко далось,—успокоить бы, а я, точно звѣрь, на нее кинулся, первый разъ въ жизни ударилъ женщину, а какъ ударилъ разъ, такъ словно мнѣ кровь въ голову бросилась. Не помню уже, зачѣмъ я ее на полъ швырнулъ, ногами топтать началъ... Стыдно вспомнить... И за что... за что!.. Вѣдь это подло, низко, да?.. Нѣтъ, скажите... скверно это!

— Гадко!—согласился я. Это—месть варвара. Не изъ самозащиты же вы ее топтать стали.

— Я и не оправдываюсь... Забылся. Кавказская жизнь того времени неособенно благопріятна была развитію тонкости и деликатности чувствъ въ человѣкѣ... Но повѣрите ли вы — она хоть бы пикнула... хоть бы слово. Молчитъ, точно я трупъ это волоку изъ конца въ конецъ по комнатѣ. И еще злѣе, еще бѣшенѣе сталъ я отъ этого. Если бы она заплакала, сказала что нибудь—разомъ бы отлило отъ меня; а то самъ я сознавалъ, что не правъ, самъ сознавалъ, что топчу ногами то, что цѣловалъ, что ласкалъ когда-то, сознавалъ и чувствовалъ, что окончить это силы во мнѣ нѣтъ и еще злѣе становился, неудержимѣе! Ну, да что и толковать объ этомъ. Презираю я себя за ту ночь. Глубоко презираю, забыть не могу. Душитъ меня это воспоминаніе! И десятки лѣтъ пройдутъ—душить будетъ... Наконецъ, бросилъ я ее... въ уголъ, какъ тряпку дрянную бросилъ, а самъ сѣлъ, куда попало, и замеръ.

— Слушай, ты! тихо-тихо заговорила она...

А у меня и силы голову поднять нѣтъ.

— Слушай... Мужа своего, Іованеса, я такъ же задушила... слышишь ли ты... такъ же точно, подушкой... для тебя это сдѣлала... любя тебя... ненавистенъ онъ мнѣ былъ... его отъ ненависти... а съ тобой это сдѣлать хотѣла потому, что люблю тебя... больше жизни люблю!.. знала я все, и твою русскую знаю, къ которой ты ходишь теперь... Не скроешь отъ меня этого. Видѣла я ее... Не могу я, не могу видѣть тебя съ нею... Не удалось тебя погубить—себя не пожалѣю...

Слушалъ я ее, и точно во мнѣ отупѣло все... Только чувствую, что, несмотря на теплую, душную ночь, мнѣ холодно, а встать съ мѣста силы нѣтъ... Мысль не работаетъ... Равнодушіе какое-то ко всему... Сидѣлъ такъ, пока не заснулъ... Сколько времени проспалъ—не знаю.

Проснулся опять таки отъ того, что холодно стало... Пошелъ, улегся подъ одѣяло... Эхъ, да что тутъ разсказывать. Утромъ уже Ашхенъ у меня не было!..

— Въ Куру бросилась?

— Нѣтъ, слава Богу... Впрочемъ, чуть ли еще не хуже вышло. Черезъ мѣсяцъ знакомые повстрѣчали ее въ одномъ изъ тѣхъ вертеповъ, которые, къ сожалѣнію, и въ Тифлисѣ завелись теперь... Встрѣтили ее пьяною, оборванною, грязною!..

— Совсѣмъ французскій романъ.

— Романъ, только не лживый!.. Люди тутъ не шутятъ... И замѣтьте: здѣсь вовсе мелодрамы нѣтъ. Безъ слезъ— прямо—или съ другимъ покончатъ, или себя не пожалѣютъ.

Мы тихо шли назадъ. Горы точно сдвигались отовсюду, точно онѣ лѣзли на насъ спереди, съ боковъ... Ущелья казались все тѣснѣе и тѣснѣе. Желтоватый лунный блескъ выхватывалъ изъ мрака то бѣлую скалу, то громадный тополь... А позади слышался все тотъ же плескъ и шумъ рѣки, глухо ворчавшей подъ тяжелою аркадой бѣлаго моста, казавшагося серебрянымъ отсюда...

XLI.

Абхазское поморье.

Словно вдоль заколдованнаго царства плывемъ...

Гагры едва-едва мерещутся позади. Только въ бинокль различишь все больше и больше скучивающіеся тополи и разрушающіяся стѣны крѣпости; еще нѣсколько минутъ, и выступы горъ заслонятъ совсѣмъ этотъ заброшенный уголокъ... А на смѣну ему—еще красивѣе, еще грандіознѣе выдвигаются новые береговые валы, за ко-

торыми стелятся зеленѣющія долины Абхазіи... Кое-гдѣ море вдается въ берегъ открытыми заливами. Горы террасами облегаютъ ихъ—точно колоссальный амфитеатръ для сказочныхъ гигантовъ. Синью ложатся внутрь страны узкія ущелья—тамъ и не разглядишь ничего, только такъ и зоветъ, такъ и манитъ тебя въ ихъ неизвѣданную глушь... Тихо ластится море къ этому безлюдному и пустынному берегу... Безлюдному именно!—десятки верстъ—и едва замѣтное жилье человѣка, а тамъ опять на двадцать верстъ раскинулось молчаливое бездорожье...

Такая чудная панорама отъ Гагръ до устья Ингура тянется, т. е. весь Абхазскій берегъ заняла... Любуемся на нее—и силы нѣтъ оторваться. Жаль въ каюту уйти, хоть мой кунакъ—грузинскій князь давно тащитъ меня внизъ.

— Пайдомъ, пловъ подали!...

— Экая красота у васъ здѣсь!

— Какой красата!... Петербургъ карасива, Москва хуже карасива, а тутъ, душа мой, одна нивежества!...

Берегъ изрѣдка обрывается въ воду почти отвѣсными стѣнами; когда пароходъ подходитъ ближе, мы отличаемъ подъ этимъ обрывомъ бѣлую песчаную отмель, на которую набѣгаютъ гребни вспѣненныхъ волнъ въ дурную погоду. Кое-гдѣ эта песчаная отмель суживалась такъ, что по ней съ трудомъ проѣзжали всадники. Одного такого намъ удалось видѣть; совсѣмъ прижался бокомъ къ скалѣ, а вода все-таки плещетъ у ногъ его лошади... Должно быть, и самого обдаетъ солеными брызгами. Изрѣдка горы чуть-чуть раздвигаются, чтобы пропустить къ морю бѣшеную рѣченку, которая издали кажется совсѣмъ бѣлой... Взмылилась, видимо, въ вѣчной борьбѣ своей съ перегородившими ее утесами. По берегамъ этихъ рѣченокъ—лѣпятся абхазскія хижины, да и то не вездѣ, такъ какъ на песчаное мѣсто ни одинъ абхазецъ не поставитъ своей сакли, потому что и жилье и самую почву

рѣка смоетъ въ водополье, когда она еще бѣшенѣе несется къ синему морю. Заросъ берегъ орлякомъ—хорошо: смѣло стройся на немъ, потому что орлякъ придаетъ землѣ крѣпость почти каменную. Корней этого папоротника ничѣмъ не истребишь—ни огнемъ, ни туземнымъ плугомъ, хоть запрягай его въ двадцать паръ воловъ. Разумѣется, это имѣетъ свои неудобства. Участокъ, заросшій орлякомъ, для земледѣлія уже вовсе не годится. Тутъ и скоту—скверно. Луговая зелень не пробьется сквозь густыя метелки этого растенія. Орлякъ только еще и годенъ, что на покрышку кровель. Тутъ слой на слоѣ—такъ облежатся, что ихъ никакой ливень не пробьетъ. Устраивая свое жилье подъ защитой орляка, абхазецъ поле и лугъ выбираетъ дальше—гдѣ-нибудь въ горахъ. Берегъ этотъ хорошо изслѣдовалъ г. Радде, который, несмотря на свойственную ему сухость ученаго, восторженно говоритъ о естественныхъ богатствахъ и красотѣ Абхазскаго поморья. Почти у моря, позади узкаго вала, состоящаго изъ валуновъ, набросанныхъ волнами, непроходимою стѣной стали лѣса, переплетенные тиномъ и тонкими лозами ломоноса. Асклепіи перерастаютъ кусты ежевики или захватываютъ своею мощною порослью боярышникъ и держи-дерево. Тонкій аспарагусъ вьется по петлямъ сѣтеобразныхъ колючекъ, которыя даютъ ему возможность забрасываться до самыхъ высокихъ древесныхъ вершинъ. Аспарагусы, перевиваясь съ этими колючками, задушаютъ плющъ и дикій виноградъ. Только одни гиганты пустыннаго лѣса—дубы и вязы выбиваются, и то съ трудомъ, изъ этой убійственной чащи, но и имъ некуда расправить освободившихся рукъ, нельзя опушить густою листвой свои мощныя вѣтви—съ моря налетаетъ вѣтеръ и треплетъ ихъ зеленый уборъ, безжалостно обрывая его прочь... Зато—отойдите немного въ глубь страны,—и передъ вами раскинутся такія величавыя рощи, о какихъ и понятія не имѣетъ бѣд-

ный воображеніемъ житель далекаго сѣвера. Грецкій орѣшникъ часто колышетъ здѣсь свои верхушки на высотѣ 60 фут. Иногда такой орѣшникъ кажется весь словно нарочно затканнымъ въ черную сѣтку. Дѣло въ томъ, что **smilax** со всѣхъ сторонъ спуталъ его своими лозами, кто-нибудь подрѣзалъ стволъ этой кавказской ліаны у самаго корня—и ея мертвыя нити почернѣли. Посреди темной зелени лѣса, выѣхавъ изъ сырого ущелья, путникъ наталкивается вдругъ на свѣтло-зеленое пятно кукурузнаго поля. Гдѣ нибудь вблизи притаилось и жилье абхазца—только его и привычный взглядъ не отыщетъ въ сплошной чащѣ перевившагося войлокомъ кустарника. Тутъ нѣтъ деревень. Жилье отъ жилья разбросано на версты. Одно съ другимъ легко перемѣшать, всѣ эти сакли чрезвычайно однообразны. Стѣны изъ плетня и папоротниковыя крыши—точно къ зулусамъ попалъ! Вездѣ—густой ароматъ и шумъ воды. То благоухаютъ азаліи, осыпая кустарники своими яркими вѣнчиками, то запахъ какого-то неизвѣстнаго цвѣтка пріятно раздражаетъ нервы... То ручей булькаетъ, переливаясь съ камня на камень, то микроскопическій водопадъ грохочетъ не тише большого, осыпая всю дорогу и, въ томъ числѣ, васъ своими холодными брызгами... Каскады воды—очень часты. Съ карнизовъ горъ они стремглавъ обрываются въ темную зелень лѣса. Водопадъ Адзюрджера падаетъ здѣсь съ высоты шестидесяти саженъ...

— Вотъ охотиться бы гдѣ! замѣчаетъ рядомъ старикъ-кавказецъ, служившій здѣсь еще во времена Ермолова.

— А что?

— Да звѣря здѣсь непуганная. Горы чуть повыше—безлюдны совсѣмъ. Человѣка и не пахнетъ, звѣрю—полная права дана; роститься и множиться никто не мѣшаетъ. Кишмя его кишитъ здѣсь.

— Да развѣ охотниковъ нѣтъ?

— Между абхазцами? Лѣнь ихъ одолѣла.

— Лѣнь работать, а охотиться—для воинственнаго народа наслажденіе.

— Ну, тоже! Абхазца на охоту палкой не выгонишь. Разумѣется, въ горы. Что ему нужно? Кислое молоко да кукуруза есть—и слава Богу. Большаго онъ не желаетъ. Развѣ князь мѣстный пирушку устроитъ, ну, тогда вся эта голодная челядь сбѣжится. А чтобъ ружье взять, да благороднымъ образомъ на охоту пойти—куда ему...

— Вы, видимо, не долюбливаете ихъ?

— А за что ихъ любить-то. Вы знаете, что про лѣнь абхазскую разсказываютъ. Куски баранины абхазецъ руками брать лѣнится. Ляжетъ на брюхо, да ртомъ прямо и хватаетъ!.. Бездѣльничать—его дѣло.

— Южный народъ!

— Да вѣдь и карачаевецъ, слава Богу, сосѣдъ—тоже южный, а его отъ работы не оторвешь. Его земля и побѣднѣе абхазской будетъ. Прежде чѣмъ обработать каждый клочекъ земли—карачаевецъ долженъ выбрать съ него прочь массы камню, привезти хорошей земли изъ долинъ, воду провести сверху, чтобы она все поле ему орошала. У карачаевцевъ зимой холодно,—нужно запасы собрать и для скота, и для себя. А абхазцу — только и дѣло, что ссоры заводить... Что вы думаете, тутъ вотъ зубровъ сколько угодно, а ихъ бить некому!

Старикъ, въ своемъ охотничьемъ увлеченіи, искренно злобствовалъ на малочисленность мѣстныхъ Немвродовъ.

— Вѣдь зубры сѣвернѣе, по долинѣ Иркызъ ютятся да по рѣкѣ Зеленчуку.

— Тамъ особъ статья. Тамъ снѣгу по горамъ много—зубру это и надо. Прежде еще абазинцы да абхазцы охотились за этимъ звѣремъ, а теперь совсѣмъ смалодушествовали. А знаете ли, какъ онъ, зубръ этотъ, ходитъ здѣсь?

— Какъ?

— Ну, а какъ бы вы думали?

— Да я ничего не думаю.

— Нѣтъ, постойте!.. Стадами!.. Да-съ, стадами! оралъ онъ на меня.

— Успокойтесь, я вѣдь вамъ не противорѣчу.

— А плевать мнѣ на ваше противорѣчіе. Стадами-съ. Да по семнадцати штукъ стадо!.. Съ Лабы да съ Урупа сходились бить ихъ... Это охота!.. Подите! Что вы понимаете?

И онъ искренно негодовалъ, точно я не вѣрилъ ему! Гдѣ есть соляные колодцы, туда охотно идетъ зубръ; мѣстные жители называютъ его „лѣснымъ старикомъ" и не трогаютъ, къ крайнему изумленію моего охотника.

— У нихъ шишки вотъ тутъ нѣтъ,—показывалъ онъ на затылокъ. Будь тутъ шишка—съ утра бы до вечера на охотѣ пропадалъ.

— И у насъ охотятся... вступился было абхазскій князь.

— У ва-а-съ? протянулъ презрительно старикъ. У васъ одна охота—на фореля.

— Это какъ же?

— Да-съ... У нихъ это охотой называется! Закинетъ неводъ въ ручей, вытащитъ десятка два форели—и сытъ.

— Мы и съ ружьемъ...

— На младенцевъ—на фазана да джейрана ходите—точно... А то еще за медомъ на деревья лазите—тоже по вашему охота?

Абхазская форель дѣйствительно превосходна. Вообще край этотъ богатъ рыбой. Горныя рѣчки изобилуютъ лососками. У берега кефаль, камбала, карпъ. Жарятъ рыбу абхазцы такъ же, какъ и на крайнемъ сѣверѣ лопари, т.-е. протыкаютъ лососку тонкой палкой, палку въ землю поставятъ и начнутъ ее повертывать. Рыба приготовляется въ собственномъ соку, при чемъ мясо ея оказывается необыкновенно нѣжно.

Пароходъ нашъ то-и-дѣло перегоняли дельфины.

То по одиночкѣ, то стадами, юровьемъ. То черная круглая голова покажется, то колесомъ перекувырнутся они въ волнахъ. Несмотря на свою классическую лѣнь, абхазцы поняли выгоды дельфиннаго промысла и на своихъ фелукахъ выѣзжаютъ въ море за ними. Ловятъ дельфиновъ въ неводы. Когда въ оцѣплённое пространство попадется штукъ десять, двѣнадцать дельфиновъ, а случается и до сорока, два-три фелука въѣзжаютъ въ середину этой западни и бьютъ добычу баграми, кротятъ, по сѣверному выраженію. Случается набрать столько жиру и шкуръ, что каюки тонутъ подъ ихъ тяжестью. Часто и дельфины отмщаютъ за себя, опрокидывая челны эти ударами хвостовъ, но если добычи не набрано, то абхазцы только хохочутъ. Лодку легко опять перевернуть.

— А гребцы и промышленники развѣ не тонутъ?

— Абхазцы-то?. . Да абхазца нарочно не утопишь, развѣ скрутить ему руки да ноги, да еще камень пуда въ три къ шеѣ привязать, тогда, *можетъ быть*, и утонетъ.

За жиромъ дельфиновъ на абхазскій берегъ съѣзжаются турецкіе и греческіе маклаки, умѣющіе ловко обманывать простоватыхъ абхазцевъ. Часто вся добыча промысла уходитъ за гнилую бумажную матерію и другой недоброкачественный товаръ. Въ настоящее время наглость этихъ пришельцевъ стала еще возмутительнѣе. Они съѣзжаются сильными партіями на берегъ и занимаются промысломъ, не давая исконному владѣтелю страны—абхазцу даже доступа къ морю. Такимъ образомъ, здѣсь повторяется то же явленіе, что и на крайнемъ сѣверѣ. Норвежцы также безцеремонно поступаютъ на нашемъ Мурманѣ съ лопарями и русскими промышленниками, какъ турки на кавказскомъ поморьѣ съ абхазцами.

— Абхазецъ, видите-ли, и не трусъ, да въ этомъ случаѣ онъ подчиняется высшей культурѣ.

— Турокъ-то—высшая культура?

— А вы какъ думали? Вѣдь не абхазецъ поѣдетъ торговать въ Турцію и повезетъ туда издѣлія своей страны, а турокъ пріѣдетъ сюда за сырьемъ. Вѣдь не абхазецъ дѣлаетъ дрянную бумажную матерію, за которую онъ отдаетъ туркамъ и свою кукурузу и добычу своего промысла? Опять, не абхазецъ обманываетъ турка, а турокъ абхазца.

— Это тоже преимущества высшей культуры?

— А вы какъ же думали? Развѣ павній обманываетъ американца? Развѣ самоѣдъ обманываетъ русскаго промышленника? Развѣ русскій обманываетъ норвежца?

Небо становилось все яснѣе и яснѣе, горы красивѣе и величавѣе. Покойное море отражало зеленые берега, и самые очерки вершинъ увѣнчивались порою снѣговыми коронами. Точно эти передовые великаны Кавказа стоятъ здѣсь на стражѣ земли своей и хмурятся, молчаливые, надъ покойными бухтами, гдѣ изрѣдка, точно утка, скользитъ каюкъ рыболова или одинокая фелука турецкаго промышленника. . Выше, на одной изъ горъ, несмотря на разстояніе, мерещутся какія-то башни. . Развалины генуэзской крѣпости, должно быть, или остовъ разрушеннаго храма?.. Некогда и всмотрѣться. Пароходъ бѣжитъ все дальше, и новые горные виды заслоняютъ неуспѣвшую еще приглядѣться картину.

— Совсѣмъ бы рай, да воровства много.

Однимъ изъ самыхъ выгоднѣйшихъ промысловъ для абхазцевъ является воровство.

— Что же это: результатъ бѣдности народной?

— Зачѣмъ бѣдности. Такъ имъ предопредѣлено ворами быть. Спросите вотъ хоть у тавада нашего.

Обратился къ князю. Тотъ подтверждаетъ вполнѣ.

— Давно это было! разсказалъ онъ мнѣ.—Такъ давно, что и пороху мы еще не знали и на вершинахъ горъ разнымъ богамъ молились. Говорятъ, что тогда еще мясо сырьемъ ѣли!.. Очень давно!.. Тутъ рѣка Псырта есть,

гремучая такая. Пришелъ въ тѣ времена одинъ святой человѣкъ и легъ на берегу отдохнуть. Заснулъ, а деревянные башмаки снялъ съ себя. Шли мимо абхазцы—видятъ это. Что же имъ „свое добро“ упускать. Взяли башмаки и сумку у святого человѣка и унесли. Проснулся тотъ—видитъ, ограбили его. Къ нимъ. Вы взяли?—Мы.—Отдайте назадъ!—Зачѣмъ... Ступай, откуда пришелъ.—И прогнали старика. Только уходя, святой оглянулся и сказалъ: „будьте же вы отъ сихъ поръ и во вѣки вѣковъ ворами“... Потому они и воруютъ,—наивно прибавилъ тавадъ.

У абхазцевъ даже святой есть, покровительствующій ворамъ. О немъ разсказываютъ слѣдующее.

„Эйрихъ—аацныхъ (видящій все днемъ и ночью) покровитель грабежей, воровства и разбоевъ. Молятся ему только воры и разбойники и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ окрестностяхъ села Ацы, между рѣкой Апстой и ручьемъ Дохури. Въ жертву приносятъ четыре коническихъ хлѣбца, надъ которыми читается молитва, испрашивающая благословеніе предпріятію, и дается обѣтъ, въ случаѣ успѣха воровства, что-нибудь еще пожертвовать богу. Хлѣбцы берутся въ дорогу и составляютъ единственный дорожный запасъ ихъ. Благодарственная жертва состоитъ изъ какой-нибудь украденной вещи, а если похищенъ скотъ, то прядь волосъ животнаго. Все это вѣшается на деревьяхъ, вблизи предполагаемаго пребыванія Эйрихъ-аацныха. Посѣвернѣе, за рѣкою Бзыбью, этотъ замѣчательный святой носитъ названіе Бугурхъныхъ. Всѣ абхазцы, отправлявшіеся на воровство къ убыкамъ, шапсугамъ и другимъ горцамъ, приносили ему жертву на отвѣсной скалѣ, за Гагринскою крѣпостью...

Пока пароходъ доберется до Пицунды, скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ племени. Сухумская сословно-поземельная коммисія въ 1869 г. представила цѣлый рядъ трудовъ, характеризующихъ обще-

ственно-политическій бытъ Абхазіи и Самурзакани. Та и другая занимаютъ трехугольникъ, одна сторона котораго идетъ отъ Гагръ до устья Ингура, а другая—гряды горъ отъ Ингурскаго ущелья на Сѣверъ. Эта узкая полоса земли была обитаема не повсемѣстно, а клочками. Населеніе сбилось въ котловинахъ и находилось почти въ состояніи анархіи. По всѣмъ границамъ Абхазіи—вѣчно совершались кровавыя битвы и грабежи: то абхазцы вторгались въ землю сванетовъ и джигетовъ, то эти вносили огонь и истребленіе въ Абхазію. Мингрельскіе Дадіаны съ Востока тоже время отъ времени вторгались въ эту узкую береговую полосу. Прилегая съ одной стороны къ горскимъ демократическимъ общинамъ (убыхти, шапсуги, джигеты), съ другой—къ феодальнымъ Картвельскимъ владѣніямъ, Абхазія представляла нѣчто смѣшанное. Владѣтельская власть и іерархія сословій уживались рядомъ съ враждебнымъ феодализму народоправствомъ. Основаніемъ народоправства были союзы. На нихъ дѣлилась вся страна. Каждый союзъ былъ политическою единицею, жилъ своею особою внутреннею жизнью. Въ составъ союза входили всѣ сословія, каждое съ своею опредѣленною ролью. Союзы это нѣчто въ родѣ горныхъ клановъ. Сословія каждаго клана распадались на двѣ главныя группы—ахалапшюю (покровителя) и хипши (покровительствуемые). Абхазскій кланъ—акыта, это соединеніе родовыхъ, фамильныхъ союзовъ съ преобладающимъ значеніемъ одной какой либо фамиліи. Ахалапшюю, покровительствующее сословіе, образовывало двѣ подгруппы: тавадъ (князья) и амнета. Хипши или покровительствуемые дѣлились на буржуазію—анхаэ, составлявшую главную силу страны, амацюрасгу—переходный классъ къ дельмахоре—низшему классу. Были еще рабы, но ихъ всегда считалось очень мало у вольнолюбивыхъ горцевъ. Былъ еще классъ азатовъ, довольно многочисленный. Это нѣчто въ родѣ нашихъ мона-

шествующихъ. Онъ составлялся изъ лицъ, уволенныхъ изъ другихъ сословій „ради спасенія души“. Обязанность азатовъ оффиціальная—выучиться турецкому языку и читать извѣстныя молитвы по умершимъ; неоффиціальная — мошенничать, развратничать и эксплуатировать остальныхъ.

Самая сильная изъ фамилій тавадовъ владѣла страной, но владѣла фиктивно. Хотя привиллегированныя сословія считали за честь служить ей, сопровождать тавада въ поѣздкахъ, слѣдовать за владѣтелями во время войны, но внутри у себя, въ общинѣ, въ кланѣ—каждый былъ хозяиномъ. Союзъ клановъ распался бы неминуемо, если бы онъ не поддерживался постоянными набѣгами извнѣ. Исторія Абхазіи—это исторія ея борьбы съ сосѣдями, которые иногда вдоль и поперекъ проходили всю страну. Ахлапшюю никогда не могло захватить въ кланѣ иной власти, кромѣ „покровительства“, потому что всѣ фамиліи этого сословія въ каждомъ кланѣ враждовали между собою и не могли дѣйствовать скопомъ противъ остальнаго населенія. Ихъ соперничество ограждало права другихъ клановъ.

Всѣ повинности анхаэ состояли въ извѣстныхъ приношеніяхъ отъ времени до времени и нѣкоторыхъ услугахъ покровительствующимъ. Иногда они выходили на работу по приглашенію, нѣсколько дней въ году, что жители охотно исполняютъ и въ отношеніи низшихъ классовъ другъ для друга. Прикрѣпленія къ землѣ не существовало вовсе: каждый пользовался правомъ ассаства, т.-е. перемѣной мѣста. (Архивъ горскаго управленія). Свобода переходовъ ограничена только съ водвореніемъ русской власти, которая, желая ослабить *воровство* нѣсколькихъ негодяевъ, всѣхъ *честныхъ* людей прикрѣпила къ землѣ. Ассаствомъ объясняется и гостепріимство западнаго Кавказа. Куда ни заходилъ „ассасъ“ (перемѣняющій мѣсто, по-русски — бродяга), онъ пользовался

всѣми правами постоянныхъ жителей села, гдѣ гостилъ. Хозяйства были такъ незначительны, что бросить ихъ не задумывались, и ассаство было общераспространено, даже ахшаала-рабы могли въ извѣстной формѣ ассаствовать, именно отдавались подъ покровительство другихъ владѣльцевъ и перемѣняли мѣстожительство.

Главная обязанность всѣхъ членовъ союза состояла въ военной повинности. Произвола не было ни въ чемъ. Остальныя повинности каждаго класса строго опредѣлены, и ни ахлапшюю ихъ увеличить, ни низшее сословіе уменьшить не могли. Не нравится—становись ассасомъ, уходи, куда приглянется, а сидя на извѣстномъ мѣстѣ, подчиняйся его условіямъ. Короче, по пословицѣ,—„вольному воля, спасенному рай". И земельныя права одинаковы для всѣхъ сословій. За исключеніемъ извѣстнаго участка частныхъ владѣній, вся остальная земля—въ общинномъ пользованіи. Лѣсъ, пастбище—общинные. Кто расчиститъ лѣсъ—тотъ расчищенный участокъ пріобрѣтаетъ въ частную собственность. Вообще приложеніе къ землѣ труда даетъ право собственности на нее. Земля, расчищенная однимъ, но засаженная другимъ, принадлежитъ послѣднему.

Общины часто враждовали между собою. Кровомщеніе было обычнымъ явленіемъ. Мстители вторгались въ другія селенія, сжигали все, убивали мужчинъ и угоняли скотъ. До послѣдняго времени совершались подобныя звѣрства. Еще недавно Чипіакъ-Ате-Ипа-Маршани убивалъ въ такихъ случаяхъ дѣтей, вырѣзывалъ груди у женщинъ. Плѣнники во множествѣ сбывались туркамъ, особенно дѣвушки и мальчики. Абхазцы, сверхъ того, еще со времени греческой имперіи славились своимъ замѣчательнымъ искусствомъ производить кастратовъ, такъ что торговля евнухами съ Турціей доставляла абхазцамъ хорошій заработокъ. Нами, нашими порядками, а въ особенности дѣйствіями начальника Сухумскаго отдѣла,

абхазцы крайне недовольны. Они негодуютъ на презрѣніе къ ихъ правамъ и обычаямъ. Дошло до того, что вольнолюбивыхъ и гордыхъ горцевъ стали драть розгами. Не удивляйтесь, если, при случаѣ, абхазцы покажутъ себя *).

Въ одномъ пунктѣ мы пристали здѣсь къ берегу. Громадный валъ изъ намытыхъ волнами камней, за нимъ— песчаная проложина и чаща южнаго лѣса, пропитывающая ароматомъ знойный воздухъ. Рѣка прорывается сквозь сѣрыя скалы. Горы тутъ же—онѣ не отступаютъ отъ берега, не бѣгутъ отъ моря, а напротивъ мощно ихъ давятъ. Вотъ тяжело и медленно пролетѣлъ мимо фазанъ, блеснувъ своими яркими перьями. Съ смѣшною неуклюжестью забирается онъ все дальше и дальше въ чащу сассапарели, откуда намъ навстрѣчу несутся задорные крики дроздовъ... Тамъ, гдѣ было побольше зелени, гдѣ ущелье нѣсколько расширялось, а рѣченка, бившаяся у берега, затихала, спокойно разливались на просторѣ веселыя пѣсни хохлатыхъ жаворонковъ, точно тысячи гармоническихъ колокольчиковъ звенѣли отовсюду—и изъ чащи луговой травы внизу, и въ синевѣ безоблачнаго неба... А дальше опять грохотъ рѣки, пробивающейся сквозь узкую щель, утесы съ черными силуэтами орловъ на ихъ вершинахъ да раздражающій нервы ароматъ цвѣтовъ...

XLII.

Пицунда.

У берега стояло нѣсколько заранѣе приготовленныхъ лошадей.

Сѣли—и въ ущелье.

---

*) Предсказаніе это исполнилось въ послѣднюю войну.

Съ полчаса—все глушь да дичь... Но вотъ показались изгороди, опушенныя розовыми лепестками нарцисоцвѣтныхъ анемонъ, славшихъ намъ навстрѣчу свой благоуханный привѣтъ. Вотъ какой-то садъ чуть-чуть намѣтился вдали. Только и различаемъ ближе къ намъ стриженое „шапкой“ дерево, увѣшанное гирляндами винограда. На одну минуту дохнули на насъ прелестныя скабіозы, крупные голубые цвѣты которыхъ разстилались тутъ же. Весь лужокъ передъ саклей былъ усѣянъ ими. Какой-то мальчонко, съ глазами больше его самого, и вьющимися локонами черныхъ, какъ смоль, волосъ, безжалостно топталъ цвѣты и боролся съ маленькимъ бѣлымъ козломъ, что, повидимому, доставляло безконечное наслажденіе его сестричкѣ, еще меньше, съ глазами еще больше и кудрями еще завивистѣе... Она хлопала микроскопическими ладошками, выкрикивала что-то, видимо ободряя нѣсколько струсившаго козленка, и въ восторгѣ обратилась ко мнѣ, воспѣвая, вѣроятно, похвальный спичъ братишкѣ своими пухлыми, точно пчелой ужаленными, губками. Я до того заглядѣлся на эту идилію абхазской долины, что и горы забылъ... Ужъ очень комична была солидная важность козла, который точно дѣло дѣлалъ, подставляя свой упрямый лобъ маленькому шалуну и уморительно потоптывая въ землю копытцами...

Плетневая сакля была тутъ же, но самая жалкая, бѣдная. Звѣроловъ-зырянинъ въ тундрѣ устраивается богаче по отношенію къ домашнему обиходу его жилья; хотя, разумѣется, для того же зырянина, запирающагося на всю долгую зиму въ свою избу, невозможна ни та благоухающая чистота, какую мы встрѣтили въ этой нищенской лачугѣ, ни то изящество обращенія съ гостемъ, которое абхазцы переняли у демократическихъ общинъ адыге. Въ самомъ дѣлѣ, странствуя по Кавказу, я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что неуклюжъ и грязенъ

бываетъ только рабъ или сынъ раба, несумѣвшій сбросить съ себя еще этого наслѣдія своихъ отцовъ и дѣдовъ. Человѣкъ свободный—не бываетъ неповоротливъ, грубъ. Возьмите вы любого крестьянина,—грузина, абхазца, горца—какъ онъ красивъ, ловокъ; какъ онъ сумѣетъ всюду и при всякой обстановкѣ отстоять свое достоинство, не растеряться, не ударить въ грязь лицомъ!... И въ этой бѣдной семьѣ абхазскаго поморья мы встрѣтили такой изящный пріемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ горнаго Кавказа... Обитатель этого шалаша нисколько не стыдился своей бѣдности, и владѣтельный принцъ едва ли могъ бы принять насъ съ такимъ же достоинствомъ и радушіемъ, какъ этотъ полудикарь.

— Мы живемъ бѣдно... Не стоитъ. Тепло!..

И дѣйствительно, плетеныя стѣны, свободно пропускающія благоуханный воздухъ,—гораздо лучше каменной темничной кладки, возведенной точно для того, чтобъ внутри ея копились смрадъ и духота отъ безчисленныхъ, плодящихся тамъ, поколѣній... Гораздо лучше въ Абхазіи—жилища мертвыхъ. Они тщательно огорожены, лучше отстроены, ихъ окружаютъ старательно поддерживаемыми цвѣтами. Могила здѣсь не предметъ суевѣрнаго страха, а, напротивъ, родъ храма, святыня, къ которой весь околотокъ относится съ глубокимъ религіознымъ благоговѣніемъ...

Шалашъ, куда вошли мы, былъ только началомъ абхазскаго поселка или, лучше, починка. За полверсты — стояла другая лачуга, отъ нея сажень за полтораста третья. Четвертая въ сторону забилась, пятая на верхушку холма забралась и закуталась тамъ отъ посторонняго взгляда въ зеленое облако дубовой рощи... Всего— хижинъ двадцать, а разбросались верстъ на восемь. Абхазецъ выбираетъ жилье по душѣ, мало думая о необходимости скучиваться. Въ центрѣ починка—оглоданныя временемъ развалины большой круглой башни. Очевид-

но, основаніе ея было нѣсколько больше верхушки. Узкія бойницы начинаются сажень за пять отъ земли. Здѣсь вся эта абхазская деревушка спасалась, когда ей грозило нашествіе джигетовъ съ сѣвера или сванетовъ съ запада. Разбойничьимъ шайкамъ этимъ оставалось только одно удовольствіе—сжечь всѣ хижины, истребить сады, угнать скотъ, который еще не успѣли спрятать хозяева, и поджигитовать и помолодечествовать передъ башней... въ почтительномъ разстояніи отъ ея бойницъ, откуда сыпались на грабителей мелкія пульки или, ранѣе—острыя стрѣлы защитниковъ. Про башню починка, гдѣ были мы, разсказывали даже легенду изъ этого смутнаго времени. Давно дѣло было. Напали какъ-то джигеты, сожгли все, истребили сады. Народъ думалъ, что уйдутъ враги—нѣтъ, стоятъ кругомъ башни, изморомъ донять хотѣли! Кровь, видите ли, на этомъ селѣ была. Обитатели его, въ свою очередь, лѣтъ десять назадъ напали на джигетовъ и перебили ихъ не мало... Надоѣло абхазцамъ въ башнѣ отсиживаться. Собрались молодцы, кто посмѣлѣе былъ, и темною ночью ударили на джигетовъ. Много враговъ убито было, но и отважная дружина легла до послѣдняго. Остались въ башнѣ старики, женщины и дѣти. Что было дѣлать. Еще недѣлю сидѣли—весь хлѣбъ съѣли, всю воду выпили—а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ... Голодъ начался... Еще два дня прошло—до отчаянія осада эта довела населеніе башни... На третій день, зная, что у врага пощады не будетъ, матери рѣшили съ самой верхушки башни побросать дѣтей, а потомъ и самимъ—внизъ головой, хотя бы на подставленныя копья и шашки... Только что вышли наверхъ—грянулъ громъ, и видимо-невидимо ангеловъ стало вокругъ башни. Бросятъ ребенка, а ангелы его на лету подхватываютъ и невредимо черезъ станъ враговъ переносятъ за лѣсъ, въ темное ущелье. Обрадовались взрослые, всѣхъ дѣтей побросали такъ—и сами вслѣдъ за ними. Ангелы

и ихъ подхватывали на раскрытыя крылья... Въ ущельи—дѣти окружали какую-то женщину чудной красоты, которая ихъ кормила тамъ молокомъ, хлѣбомъ и виномъ поила... Только что показались взрослые—женщина и исчезла, точно облакомъ, окруженная ангелами... Это сама Маріамъ-богородица была, и благодарные абхазцы воздвигли ей храмъ, величаво и одиноко стоящій теперь въ развалинахъ, среди со всѣхъ сторонъ заполонившей его чащи... Въ этомъ храмѣ по вечерамъ рыдаетъ филинъ-пугачъ, воетъ тоскливая чекалка, и только разъ въ году, въ ночь на Рождество Христово—чудное сіяніе наполняетъ его, подъ сводами раздается громкое пѣніе невидимыхъ духовъ, и пламя тысячи кадилъ колеблется въ воздухѣ. Только и видны кадила да огоньки несмѣтныхъ свѣчей... Кто кадитъ, кто держитъ свѣчи—различить нельзя... Что-то смутное, точно бѣлый туманъ, волнуется въ этомъ чудномъ сіяніи... Это сама Маріамъ приходитъ служить въ свой забытый и заброшенный храмъ.

— Ты самъ видѣлъ? спрашиваю я у разсказчика.

— Развѣ у меня три головы?..

— Откуда же ты знаешь?

— Старухи говорили... Братъ разъ ѣхалъ за двѣ горы отъ этой церкви—и то слыхалъ пѣніе...

— Что же онъ не подошелъ ближе?

— Развѣ можно! Да у насъ не мало такихъ мѣстъ. Вотъ въ башнѣ часто дитя плачетъ по ночамъ, поди-ка послушай.

— Какое дитя?

— Да видите, дѣло такое было... Мать одна бросила ребенка и мужа и ушла къ любовнику далеко-далеко, въ турецкую страну... Никого въ селѣ не было, мужъ догонять кинулся ее—но турки его убили. Одинъ ребенокъ въ башнѣ остался и съ голоду умеръ. Съ тѣхъ поръ онъ по ночамъ и плачетъ: ѣсть проситъ... А мать осуждена

на другую муку... Она по ночамъ выходитъ изъ своей далекой могилы, у нея хлѣбъ въ рукахъ, хочетъ накормить ребенка—ходитъ кругомъ башни, да дверь ей остается невидима... Ну и стонетъ она, и бьется о стѣны, такъ что утромъ на нихъ кровь видна бываетъ...

Абхазцы ужасно шумны и болтливы.

Еще не успѣли мы оглянуться, какъ сакля наполнилась народомъ. Всякій наперерывъ лѣзъ съ вопросами, разсказывали нѣсколько человѣкъ разомъ, съ жестикуляціей, съ огонькомъ, поспѣшно, точно слушатель собирался сію минуту убѣжать отъ нихъ...

Пока вся эта орава такъ отчаянно ораторствуетъ, набросаемъ по матеріаламъ кавказскаго городского управленія весьма немногосложную исторію этого племени за послѣднія сто лѣтъ.

Когда одновременно съ паденіемъ Византіи рушилось и Грузинское царство, раздѣлившееся на нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, турки распространили свое вліяніе на восточный черноморскій берегъ. Генуэзцы еще вели борьбу съ ними, но когда пала Кафа, османы сдѣлали Абхазію своимъ вассальнымъ владѣніемъ. Турки, впрочемъ, не вмѣшивались во внутреннюю безурядицу страны, а только содержали въ ней пашу съ небольшимъ гарнизономъ, получали дань, вывозили отсюда невольниковъ и дѣятельно распространяли исламъ. Только въ нѣкоторые моменты Турція принимала болѣе сильное участіе въ дѣлахъ страны. Такъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, когда страна возстала противъ владѣльческой фамиліи тавадовъ, Манучара Шервашидзе и двухъ его братьевъ Ширвана и Зораба, Турція приняла сторону народа и выгнала тавадовъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, Зорабъ вернулся и сталъ править Абхазіей, какъ вассалъ блистательной Порты. Мирное согласіе съ послѣдней продолжалось недолго. Въ 1771 году Зорабъ выгналъ турокъ изъ гнѣзда ихъ на абхазскомъ берегу —

Сухума, но, въ свою очередь, былъ захваченъ ими и взятъ въ Турцію. Во время пребыванія его въ этой странѣ, въ его отчизнѣ усилилась фамилія тавадовъ Дзяпшъ-ипа. Въ отсутствіе Зораба Абхазіей правилъ его племянникъ Келишъ-бей. Вернувшись, Зорабъ сблизился съ Дзяпшъ-ипа, женилъ племянника на одной изъ дѣвушекъ этой фамиліи, но Келишъ-бей вскорѣ выгналъ жену вонъ и даже сталъ съ ненавистью относиться къ своему сыну отъ нея Асланъ-бею, желая передать владѣльческія права Сеферъ-бею, другому своему сыну, рожденному отъ матери изъ сословія Анхаи... Дзяпшъ-ипа составили заговоръ, въ немъ принялъ участіе Асланъ-бей. Келишъ-бей, узнавъ обо всемъ во время, убилъ главныхъ представителей враждебной ему фамиліи, остальные ея члены бѣжали въ горную область Цебельду. Асланъ-бей остался въ живыхъ и въ 1808 г. убилъ отца своего Келишъ-бея, занялъ Сухумъ и объявилъ себя владѣтелемъ Абхазіи. Сеферъ-бей, наслѣдникъ Келиша, бѣжалъ въ Мингрелію къ Дадіанамъ, принялъ тамъ подданство Россіи, которая въ 1810 г. заняла Сухумъ, изгнала отцеубійцу Аслана и предоставила владѣльческія права Сеферъ-бею, принявшему христіанство. Одиннадцать лѣтъ продолжалось спокойствіе, но послѣ смерти Сеферъ-бея, Асланъ-бей, въ союзѣ съ братомъ Гассаномъ, возмутилъ абхазцевъ противъ владѣтеля Димитрія (Омеръ-бея), былъ вновь разбитъ русскими, причемъ Гассанъ схваченъ и безъ церемоніи, несмотря на его царственное происхожденіе, сосланъ въ Сибирь, въ каторжную работу. Въ 1830 г. русскіе возводятъ здѣсь укрѣпленія Бомборы, Пицунду и Гагры, а въ 1864 г., сообразивъ, что владѣльческая власть страны, отдавшейся подъ русское покровительство, можетъ быть удобно замѣнена кѣмъ-либо изъ кавказскихъ майоровъ или полковниковъ, упразднили ее совсѣмъ, посадили въ Сухумъ-Кале володѣти и правити нѣкоего г. Кравченко, обративъ великое царство Абхазское (здѣсь

въ Пицундѣ была когда-то столица всей Грузіи) просто и не въ губернію, а въ отдѣлъ. Насажденіе прелестей гражданскаго благоустройства началось немедленно. Къ абхазцамъ стали водворять поселенцевъ, не спрашивая согласія исконныхъ обладателей страны; участки, весьма значительные и весьма невредные для самихъ абхазцевъ, розданы для поощренія россійскимъ генераламъ, кои, по пословицѣ, какъ собаки, лежа на сѣнѣ, и сами его не ѣдятъ и другимъ не даютъ. Наконецъ, и по отношенію къ населенію, военная власть разъ доказала, насколько цивилизація выше дикости. Право свободнаго перехода съ одного мѣста на другое—ассаство—было ограничено, потомъ и вовсе отнято, да и другіе народные обычаи встрѣтили точно такое же „покровительство". Также изъ другого самостоятельнаго государства Самурзакани, составлявшаго часть Абхазіи, мы, по простотѣ души, въ 1850 г. сдѣлали приставство... И просто, и скоро, и, главное, выгодно. Насколько же управленіе нашихъ приставовъ и полковниковъ лучше для народа, чѣмъ управленіе Келишъ, Сафаръ, Гассанъ и другихъ беевъ—объ этомъ скажемъ впослѣдствіи...

Нѣсколько пооглядѣвшись, я замѣтилъ, что хижина абхазская, куда мы пристали, состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ такимъ же плетнемъ. Отдѣленіе прекраснаго пола здѣсь не такъ педантично наблюдается, какъ въ другихъ мусульманскихъ странахъ. Красивая абхазка сидѣла въ углу, вмѣстѣ съ сестрой, которая только лицо свое завѣсила, да и то такъ, не по необходимости, не потому, чтобъ это было въ обычаѣ, а чтобъ показать, что и мы де приличія знаемъ. Изъ-за перегородки мычала корова, даже пахло навозомъ. Въ другихъ лачужкахъ скотъ помѣщается отдѣльно. Въ половинѣ, гдѣ были мы — низенькія лавки, мангалъ съ горячими угольями на срединѣ. На скамьяхъ — постели, въ углу сундукъ — внизу большой, выше средній, потомъ по-

меньше и, наконецъ, маленькій ящичекъ. Пирамидой все это.

— Зажиточные хозяева, должно быть!

— Это вы почему заключаете?

— Ишь сундуковъ у нихъ сколько.

— Да, много—только внутри пусто.

— Какъ?

— Да такъ—пусто! Можетъ быть, на всѣ то пара тряпокъ приходится. Это они изъ тщеславія наставили. У другихъ еще до самой кровли сундуки. Подумаешь, Ротшильдъ, а у этого Ротшильда абаза за душой нѣтъ.

Окошечки такія, что едва-едва кулакъ просунешь. Да и не надо: свѣтъ сквозь стѣны сакли отлично проходитъ: и воздуху полный доступъ. Часто хижинки строются совершенно круглыя—тогда это точь-въ-точь краали африканскихъ негровъ. Развѣ внутри, по богатой оправѣ оружія, развѣшаннаго по стѣнамъ, да по тому, что моды временъ Адама и Евы до грѣхопаденія здѣсь неизвѣстны, только и можно заключить о сравнительно высшей культурѣ.

Какія микроскопическія коровы здѣсь! Я даже засмѣялся, увидѣвъ одну тощую у хозяина. Нашъ годовой теленокъ, пожалуй, больше будетъ. Кормиться ихъ прямо въ лѣсъ выгоняютъ. Надзоръ очень плохой. Абхазецъ, я самъ убѣдился въ этомъ, очень лѣнивъ. Посмотрите, какъ неохотно ковыряетъ онъ деревяннымъ крюкомъ землю, чтобы бросить туда нѣсколько сѣмянъ и сейчасъ же забыть о нихъ до слѣдующаго раза, когда нужно снимать гоми или кукурузу. Зато, какъ и всѣ лѣнивые народы, абхазцы богаты воображеніемъ. Нигдѣ такъ прочно не живетъ преданіе старины, такъ поэтично не разсказываются былины. Міръ сказокъ здѣсь—почти міръ дѣйствительности. Никто и не сомнѣвается въ ихъ непреложной реальности. Абхазецъ до сихъ поръ и магометанинъ, и христіанинъ, и язычникъ. Рядомъ съ вѣ-

рой въ Магомета, онъ благоговѣетъ передъ крестомъ и остается вѣренъ культу своихъ языческихъ боговъ.

До чего лѣнивъ абхазецъ, видно изъ положенія мѣстнаго винодѣлія, Оно, благодаря близости страны къ морю, могло бы если не обогатить страну, то все же дать нѣкоторый заработокъ ея населенію. Теперь же не даетъ ничего. Обработка винограда самая небрежная. Вотъ какъ описываетъ ее г. Владыкинъ: абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на деревья, и въ такомъ видѣ онѣ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ ухода за виноградомъ, который всетаки выходитъ хорошаго качества. Для приготовленія вина выкапываютъ въ землѣ яму, обмазываютъ ее глиной и, разложивъ на днѣ огонь, обжигаютъ,.. Сюда сваливаютъ кучею виноградъ, топчутъ его ногами и оставляютъ сокъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Потомъ вино вычерпывается и разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые и зарываются въ землю. Персики и другіе плоды собираются возами. Абхазецъ не знаетъ хорошо счета деньгамъ и мѣняетъ свою кукурузу туркамъ на разную гниль и рвань.

Съ тѣхъ поръ, какъ св. апостолъ приказалъ абхазцамъ быть ворами, они неуклонно слѣдуютъ этой заповѣди. Воровство здѣсь не гнусный порокъ, а лихая потѣха. Какъ только мальчикъ сталъ юношей, мать опоясываетъ его саблей и, заливаясь слезами, благословляетъ:

— Помоги тебѣ Богъ добыть этой шашкой много добычи и тайно и явно, и днемъ и ночью....

— Что это за женихъ! оскорбляется абхазская невѣста,—онъ еще ни одной лошади не укралъ.

— Это не человѣкъ! разсуждаютъ старики,—это такъ, бабьи шальвары, до сихъ поръ два года носитъ шашку, а въ воровствѣ не замѣшанъ...

— Были времена! жалуются абхацы.—Теперь что, теперь урусъ пришелъ, свои порядки вводитъ, изъ гор-

ныхъ орловъ хочетъ смирныхъ курицъ сдѣлать! Прежде, бывало, по всему берегу бродимъ съ мѣста на мѣсто. Высматриваемъ, что гдѣ украсть можно. Скотъ уводимъ... дѣвушекъ, мальчиковъ крадемъ—потомъ туркамъ ихъ сбываемъ... А теперь что?... Совсѣмъ не житье стало.

Если абхазца запрутъ въ тюрьму за кражу, онъ по освобожденіи наивно говоритъ, что былъ въ плѣну.

Удивительно красиво умѣютъ абхазцы повязывать себѣ голову башлыкомъ, служащимъ имъ вмѣсто шапки. Въ этомъ ихъ отличіе отъ черкесскаго костюма. Все остальное заняли они у племени адыге. Замѣчательно красивъ и строенъ кажется этотъ полудикарь, когда онъ стоитъ передъ вами подбоченясь и опершись однимъ плечемъ на ружье. Стройный станъ, смѣлое лицо, развязность, даже нѣкоторый аристократизмъ пріемовъ дѣлаютъ его хорошимъ сюжетомъ для картины. Нужно прибавить къ этому, что надъ созданіемъ этого типа, кажется, потрудились всѣ племена земныя. Здѣсь были и колоніи Римской имперіи, центромъ которыхъ считалась Пицунда. Въ средніе вѣка генуэзцы осѣли здѣсь въ разныхъ пунктахъ, настроили замковъ и храмовъ по горамъ во множествѣ и главнымъ образомъ сосредоточили свою торговлю и военныя силы въ той же Пицундѣ Старинное генуэзское оружіе и до сихъ поръ переходитъ у абхазцевъ изъ рода въ родъ. Потомъ нахлынули сюда турки, и, наконецъ, русскіе наложили на это поморье свою руку. Вся эта ассимиляція въ концѣ концовъ сдѣлала изъ горнаго племени восточнаго берега Чернаго моря какую-то космополитическую общину. Абхазецъ даже къ религіи своей равнодушенъ. Онъ столько же язычникъ, сколько христіанинъ, сколько мусульманинъ. Одинаково неусердно готовъ молиться въ каждомъ храмѣ и всякому богу. Часто случается здѣсь, что отецъ семейства мусульманинъ, жена его христіанка и дѣти тоже принадлежатъ къ обоимъ этимъ исповѣдані-

ямъ. Ссоръ изъ-за религіи здѣсь и слыхомъ не слыхать...

По-своему абхазецъ очень счастливъ. Страна его прекрасна—снѣжныя горы висятъ надъ чудными долинами, гдѣ остатки генуэзскихъ садовъ—апельсинныя рощи, льютъ по вѣтру свое благоуханіе. Каждую незначительную тропинку обступаютъ тѣнистые чинары... Еще недавно по всему этому поморью красовались пальмовыя рощи, цѣлыя улицы въ Сухумѣ были покрыты чащами розъ, но невѣжественная рука солдата и привыкшіе къ казарменной правильности русскіе администраторы изъ военныхъ уничтожили безжалостно эту красоту, и только группы персиковыхъ деревьевъ, перевитыя виноградными лозами, еще намекаютъ на чуднопрекрасное прошлое... *) Близъ Пицунды въ сороковыхъ годахъ были превосходныя апельсинныя рощи, древнія, какъ и эти храмы, что въ величавыхъ развалинахъ своихъ молчаливо стоятъ на вершинахъ горъ, но и отъ рощъ этихъ остались только одни пни... Затѣмъ и кому нужна была смерть этихъ прекрасныхъ деревьевъ?...

Мы долго не могли оставаться въ одинокой лачугѣ абхазскаго починка. Пароходъ далъ свистокъ, нужно было торопиться. А тамъ, съ палубы опять этотъ рядъ вѣющихъ дикимъ величіемъ горъ, опять эти сизыя ущелья, залегающія между ними въ поэтическую глушь страны, за передними горами видны нѣсколько туманныя вершины другихъ, а на третьемъ планѣ едва-едва показываются или, лучше, слегка отдѣляются изъ голубой дымки смутныя очертанія самыхъ дальнихъ гигантовъ...

Быстро оставляемъ мы за собою всю эту красоту, и жаль оторваться отъ нея, сердце болитъ о томъ, что

---

*) Увы, невѣжественные турки теперь уничтожили по береговой полосѣ и то немногое, что оставалось отъ старыхъ генуэзскихъ садоводовъ.

нѣтъ возможности самому исходить каждый уголокъ этой дивной Абхазіи.

И чѣмъ дальше, тѣмъ она лучше и краше...

Горы отступаютъ все дальше и дальше отъ берега... Передъ ними уже, словно зеленыя облака, круглятся и разстилаются рощи и лѣса... Пологій мысъ врывается впередъ, уходя далеко въ море... Зеленыя облака на немъ еще болѣе скучиваются... Растительность какъ-бы хочетъ здѣсь развернуть всю свою невиданную роскошь. Точно волшебный садъ какой-то... Солнце обливаетъ золотымъ блескомъ этотъ передній планъ картины, оставляя во тьмѣ горы, составляющія фонъ ея... Даже море кажется какимъ-то изумруднымъ, отражая въ покойномъ зеркалѣ своемъ изумрудную зелень... Между деревьями мелькаетъ что-то круглое, какое-то красное строеніе съ конической крышей...

— Пицунда!...

Древняя столица Грузіи и Абхазіи, еще болѣе древняя колонія генуэзцевъ и римское поселеніе въ незапамятную глушь... Храмъ VI вѣка, возведенный въ царствованіе Юстиніана, до сихъ поръ стоитъ на томъ же мѣстѣ...

Еще нѣсколько вѣковъ назадъ всѣ окрестныя горы стояли покрытыя генуэзскими замками. На мысѣ Пицунды бѣлѣли мраморныя колонады, и стѣны грозной крѣпости глядѣли отсюда въ морскую даль, что такъ манящее зыблется кругомъ. За 10 верстъ путешественники слышали уже благоуханіе садовъ—ароматомъ розъ, миндаля и апельсина привѣтствовалъ ихъ поэтическій уголокъ... А теперь!...

Казарменной известкой выкрашенъ этотъ храмъ. Точно казенная будка, реставрированъ онъ невѣжественными потомками. Маститое дерево, выросшее на его кровлѣ, срублено глупыми монахами!...

Sic transit gloria mundi.

XLIII.

— Эко народъ какой!... недоумѣваетъ синяя чуйка, приглядываясь къ шумной толпѣ съ ногъ до головы вооруженныхъ абхазцевъ, привалившихъ на пароходъ.

— А что?

— Точно на войну собрались... Съ ними боязно... Пырнетъ.

— Народъ хорошій, даромъ не обидитъ.

— Здѣсь точно не обидитъ... А поди-ко-ся ты къ нему на берегъ—онъ тебя и распотрошитъ. Нѣтъ, видно, тѣмъ же трактомъ да назадъ...

— А вы откуда?

— Мы московскіе мѣщане.

— Что же вы сюда?

— Мѣстовъ искать... Прослышали, что на Капкази для вольнаго поселенія такія мѣста чудесныя есть... Ну, продали лавочку свою, домикъ живымъ манеромъ по боку—и сюда.

— Да вы, какъ же это, справлялись сначала, каково здѣсь?

— Нѣтъ, зачѣмъ канитель эту тянуть... Говорятъ, здѣсь мѣста такія есть... Мы и поѣхали съ братцемъ.

— Какія же мѣста?

— А способныя...

— Именно?..

— Для вольнаго поселенія мѣста... Всякіе сады и отъ казны большое поощреніе.

— Да, позвольте, вѣдь, чтобы бросить все хозяйство, нужно же знать зачѣмъ и куда ѣдешь.

— Это точно... Мы и знамъ: земля даромъ, отъ начальства всякое удовольствіе, потому какъ дикихъ черкесовъ довольно хорошо мы истребили — мѣста и пустуютъ... Опять же это вино здѣсь, сколько хошь производи и тор-

гуй... Ну, такъ мы и двинулись — на черкесское положеніе.

— Что же вы дѣлать-то здѣсь будете?

— Помилуйте, даже обидился московскій мѣщанинъ...— Здѣсь говорятъ, такія мѣста есть—копнулъ ты сапогомъ— анъ тебѣ фрухта и выросла...

А еще говорятъ, что русскій человѣкъ къ мѣсту приросъ. Помилуйте, зажиточные торговцы бросаютъ дома, торговлишку, какая завелась, и ѣдутъ, Богъ знаетъ,куда— мѣстовъ искать, „на черкесское положеніе". На нашемъ пароходѣ, по крайней мѣрѣ, семей съ десять такихъ было. Начали допрашиваться „куда ѣдете, зачѣмъ"—ничего не добьешься,видимо—они сами этого не знаютъ.Одинъ отставной гвардейскій солдатикъ—швейцаромъ въ Питерѣ былъ, получалъ въ годъ триста рублей на всемъ готовомъ—и бросилъ, семью за собой на Кавказъ потащилъ.

— Зачѣмъ?

— Тутъ русскіе на офицерскомъ положеніи, потому что это... взмахнулъ онъ на абхазцевъ,—орда! необразованная Азія!

Еще крестьяне бѣгутъ—дѣло понятное. Дома жутко; послѣдняя коровенка продана за недоимку, съ семьи сходитъ податей больше, чѣмъ она въ круглый годъ неустаннаго труда заработать можетъ. Хорошо еще, если всѣ сборы до 80% съ дохода оказываются, себѣ хоть 20% останется, а то тутъ же на пароходѣ былъ воронежскій мужикъ, бѣжавшій изъ благословенной Украйны, потому что съ него всякихъ поборовъ сходило на 15 рублей болѣе того, что онъ пріобрѣталъ за годъ.

— Ошалѣешь!.. объяснилъ онъ мнѣ.

— И давно это такъ?

— Да годовъ десять все растетъ подать. По горло мы въ нее ушли. Точно въ петтѣ, въ недоимкѣ этой бьемся.

Этакіе-то счастливые пейзане, пожалуй, и въ степь Сахару уйдутъ изъ своего благословеннаго отечества. Тутъ

ужъ настоящее горе, а не бродяжническая жилка. Переселеніе такого плательщика понятно вполнѣ. А зачѣмъ питерскій швейцаръ бросилъ свое насиженное гнѣздо, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не одно же „офицерское положеніе" смутило его, значитъ, есть такой нервъ, что толкаетъ московскаго мѣщанина искать всевозможныхъ авантюровъ, добиваться мѣстовъ, о которыхъ онъ только и слышалъ, что „копнулъ ты землю сапогомъ — сейчасъ тебѣ фрухта и выросла!"

Еще нѣсколько ударовъ винта, и Пицунда вся ушла въ зеленыя облака низменнаго мыса—и опять нависли надъ нимъ величавыя горы съ синевою едва замѣтныхъ ущелій, съ серебряными коронами вѣчныхъ льдовъ на своихъ недоступныхъ вершинахъ. Тутъ очень кстати будетъ сказать нѣсколько словъ какъ объ этомъ древнемъ храмѣ абхазскаго поморья, такъ и вообще о вѣрованіяхъ оригинальнаго племени, гнѣздами осѣвшаго въ плодоносныхъ долинахъ и зеленыхъ ущельяхъ этой излюбленной небомъ страны.

Индифферентные теперь ко всякой религіи, полуязычники, полумагометане, абхазцы въ древности были ревностными христіанами. Грузинская хроника Вактанга V называетъ св. Сvмеона Кананита, который въ 40 году послѣ Р. Х. пришелъ сюда вмѣстѣ съ св. Андреемъ Первозваннымъ. Первый вскорѣ умеръ здѣсь близъ устья р. Псырты, а второй отправился далѣе въ Мингрелію. „У самыхъ воротъ этой рѣки, образуемыхъ двумя почти сошедшимися горами, стоятъ развалины великолѣпнаго храма, который и до сихъ поръ носитъ имя Сvмеона Кананита. Онъ былъ совершенно цѣлъ до 1859 г., когда одинъ изъ сосѣднихъ владѣльцевъ, абхазецъ маіоръ Гассанъ Маргани, выстроилъ себѣ домъ изъ остатковъ этого храма". Разобранъ сводъ его — и теперь этотъ могучій памятникъ старины окончательно разваливается. Нѣкто г. А—въ производилъ раскопки на томъ мѣстѣ, гдѣ по-

мѣщался престолъ, и нашелъ серебряную монету Комненовъ съ изображеніемъ св. Алексѣя и Евгенія. Позади храма въ скалѣ была пещера, гдѣ будто бы жилъ Симеонъ Кананитъ. Всякій, проникавшій сюда, поражался смертью. Потомъ образовалась трещина ниже пола пещеры, въ скалѣ, и газы, убійственные для дыханія, минуя самую келью, нашли себѣ другой выходъ. Вѣроятно, вслѣдъ за постройкой этого храма, христіанство здѣсь подвергалось сильнымъ гоненіямъ и было истреблено, какъ и въ сосѣдней Мингреліи. Только въ половинѣ VI вѣка абхазцы уже рѣшительно пріобщаются къ стаду Христову и принимаютъ къ себѣ пастырей, тотчасъ же занявшихся общипываніемъ сихъ простосердечныхъ агнцевъ. Стригомые прилѣплялись къ храму и съ страстностью южной натуры старались водрузить своихъ пастырей и въ языческой средѣ окружавшихъ ихъ народовъ. Эпохи эти плохо изслѣдованы; въ нашемъ очеркѣ мы пользуемся прекрасными монографіями абхазца Званбая и статьей г. А — ва „Религіозныя вѣрованія абхазцевъ“, напечатанной въ сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Уже въ VI вѣкѣ Юстиніанъ, хлопотавшій о томъ, чтобы уничтожить привычку абхазцевъ производить кастратовъ, которыми они торговали, воздвигаетъ въ Пицундѣ храмъ. До тѣхъ поръ по всему абхазскому поморью существовало только одно укрѣпленное мѣсто — Себастополисъ, но отъ основанія Пицунды—черезъ нѣсколько вѣковъ—мы уже видимъ въ XI столѣтіи эту береговую полосу, кипящую промышленною жизнью, покрытую цвѣтущими городами, монастырями, укрѣпленными замками. Море кишмя кишитъ торговыми судами, цѣлые флоты идутъ сюда и отсюда изъ Константинополя и назадъ. Правда, Абхазія постоянно мѣняла своихъ властителей: то ею верховодили византійскіе императоры, то грузинскіе цари, то собственные государи, но благосостояніе береговой полосы все росло

и росло. Въ Пицундѣ наконецъ устроилась каѳедра главы абхазской церкви—католикоса. Здѣсь же все время находилась и столица этого богатаго края. Попробуемъ сопоставить далекое прошлое и настоящее абхазскаго поморья. Теперь берегъ этотъ пустыненъ. Храмы и замки—въ развалинахъ, охваченныхъ со всѣхъ сторонъ могучею южною порослью; въ руинахъ монастырей гнѣздятся совы да чакалки, отъ садовъ и рощъ генуэзскихъ нѣтъ и слѣда, города изчезли съ лица земли, и даже мѣста ихъ неизвѣстны невѣжественному потомку болѣе культурныхъ поколѣній, неоставившихъ даже могилъ своихъ среди общей мерзости запустѣнія. Море--пустынно: вмѣсто цѣлыхъ флотовъ торговыхъ кораблей—изрѣдка пробираются вдоль горныхъ береговъ турецкія фелюги, едва замѣтными точками чернѣютъ абхазскіе каюки, да изрѣдка, въ недѣлю разъ, пропыхтитъ пароходъ. Вмѣсто богатой столицы—Пицунды,—нѣсколько монаховъ и жалкій монастырь; вмѣсто царей, правившихъ согласно волѣ и указаніямъ свободнаго народа,—военное управленіе въ лицѣ сухумскаго полковника; вмѣсто просвѣщенныхъ и богатыхъ колонистовъ Грецін и Генуи,—безграмотные крестьяне, или питерскіе швейцары, ищущіе офицерскаго положенія. Ущелья, оглашавшіяся говоромъ жизни, умолкли; горы, откуда свѣтили маяки многочисленнымъ пловцамъ, стоятъ пустынныя, и ни одинъ оттуда не укажетъ пути одинокому судну... Докторъ Панглоссъ, чтобы сказалъ ты, посѣтивъ этотъ берегъ? А насколько нынѣшніе инородческіе властители этого края отличаются уваженіемъ къ старинѣ—видно изъ примѣра знаменитаго майора Гассана Маргани, разобравшаго великолѣпный храмъ для постройки себѣ смрадной лачуги, и не менѣе знаменитыхъ администраторовъ военнаго вѣдомства, вырубившихъ улицы розъ въ Сухумъ-Кале и пальмовыя рощи абхазскаго поморья. Какъ не сопоставить съ этимъ мѣстныхъ простолюдиновъ, несмотря на

исламъ, оказывавшихъ такое уваженіе памятникамъ древности своей, что при занятіи нашими войсками Пицунды, уже заброшенной и оставленной, въ 1830 г. въ алтарѣ ея было найдено старинное евангеліе и церковная утварь... Всѣ цѣнныя вещи, образа и облаченіе католикосовъ были перевезены отсюда въ Геллатскій монастырь, гдѣ они хранились въ полной неприкосновенности до послѣдняго времени. Недавно случилась извѣстная исторія. Ризница монастыря оказалась обворованной. При этомъ обокрадены были и древнія реликвіи Пицунды.

Мы выше сказали, что пастыри стада Христова въ Абхазіи въ тѣ древнія времена ревностно стригли своихъ агнцевъ. Преданіе разсказываетъ, что промыселъ абхазскихъ язычниковъ—приготовленіе кастратовъ, всецѣло перешелъ къ смиреннымъ инокамъ, которые въ этомъ благочестивомъ занятіи достигли высокаго искусства и чистоты работы; а былины Самурзакани и до сихъ поръ передаютъ въ назиданіе потомству имя столь же смиреннаго и благопотребнаго старца Георгія, добротолюбиваго инока, который, ревнуя, вѣроятно, о пользахъ своей обители и о благолѣпіи храма, организовалъ въ широкихъ размѣрахъ продажу дѣтей въ Турцію, за что и самъ былъ изгнанъ туда же обозлившимися абхазцами.

Съ паденіемъ Пицунды пало здѣсь и христіанство. Всего оригинальнѣе, что это случилось именно „со времени принятія абхазцами подданства христіанской державы". Только въ селахъ Лыхны (Саукъ-су), гдѣ и теперь красуются развалины древняго храма, да въ Иллори—народъ держался прежней своей вѣры.

Иллорійскій храмъ даже славился собственнымъ своимъ чудомъ. Оно нисколько не уступало крови св. Январія или слезамъ Богородицы въ Италіи. Храмъ былъ посвященъ св. Георгію, который каждое 10 ноября чудесно низводилъ въ ограду быка съ позолоченными рогами. Появленіе этого мистическаго посланника востор-

женно встрѣчалось многочисленными толпами, сходившимися сюда не только изъ Абхазіи, но изъ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи. Одинъ изъ Дадіановъ, ревнителей храма, закалывалъ этого посланника, иноки тотчасъ-же разрѣзывали его на мельчайшіе куски, которые *продавались* богомольцамъ за высокую цѣну. Мясо быстро высыхало и порчѣ не подвергалось, что служило доказательствомъ святости быка. Чудесное появленіе его прекратилось съ водвореніемъ русскихъ, которые дошли до такой дерзости и непочтенія къ смиреннымъ и братолюбивымъ инокамъ, что пожелали воочію убѣдиться въ дѣйствительности сверхъестественнаго появленія четвероногаго посредника между небомъ и землею.

Мусульманство здѣсь было распространено сначала торгашами, являвшимися изъ Турціи, потомъ зажиточными абхазцами и мѣстными аристократами. Уже впослѣдствіи явились муллы, которые стали фанатизировать народъ противъ русскихъ притѣснителей. Однако древніе христіанскіе обряды всецѣло сохранялись здѣсь. Въ Пасху абхазскіе мусульмане рѣжутъ ягненка и обмѣниваются крашеными яйцами; въ дни, соотвѣтствующіе Троицѣ, устраиваются гулянья въ рощахъ; въ Рождество Христово молятся ночью, поздравляютъ другъ друга и обмѣниваются подарками. При всѣхъ религіозныхъ обрядахъ абхазцы употребляютъ восковыя свѣчи и куреніе ладаномъ. Церковь—мѣсто неприкосновенное и даруетъ право убѣжища даже преступнику. Магометане въ развалинахъ храмовъ принимаютъ присягу въ справедливости своихъ словъ. „Присяга въ развалинахъ храма на горѣ Дудрюпшъ считается самою священною, и не найдется абхазца-магометанина, который бы тамъ рѣшился ложно свидѣтельствовать“. По словамъ г. Владыкина, въ 1866 году, къ пицундскому военному начальнику, Воронову, пришли абхазцы съ просьбою допустить ихъ принять присягу въ монастырѣ по одному своему дѣлу.

— Вы, или ваши соотечественники, недавно украли желѣзо съ крыши этого храма, а теперь хотите присягать въ немъ! И Вороновъ отказалъ имъ въ этомъ, хотя, воруя, абхазцы были совершенно правы,—вѣдь, какъ мы говорили въ первой статьѣ нашей, „Абхазское поморье“, самъ св. Сvмеонъ Кананитъ приказалъ имъ воровать! И уваженіе къ святынѣ не мѣшаетъ имъ, какъ видите, содрать съ нея, при случаѣ, желѣзную кровлю, или разобрать сводъ для постройки своей жалкой лачуги.

Рядомъ съ христіанскими вѣрованіями, абхазскіе магометане сохраняютъ и преданность своимъ языческимъ богамъ. Какая-то яишница выходитъ! Мѣсиво несообразное! Въ помощь Богу абхазская мифологія даетъ множество разныхъ божествъ. Божества эти, такъ сказать, докладчики и секретари. Они передаютъ молитвы верховному существу, къ которому прямо обратиться такъ же немыслимо, какъ немыслимо обратиться съ жалобой прямо въ кассаціонный департаментъ правительствующаго сената, помимо окружнаго суда и судебной палаты. Богъ-ах и ах-даръ самъ никогда не сходитъ на землю, а посылаетъ своихъ помощниковъ. Изъ нихъ—первая покровительница посѣвовъ Джаджи, ей молятся два раза—весной и въ ноябрѣ послѣ уборки кукурузы. Молятся—каждое семейство отдѣльно. Въ день молитвы ѣдятъ только хлѣбъ и плоды, воздѣланные хозяиномъ. Затѣмъ слѣдуетъ Айтаръ—пенатъ домашняго скота и блюститель хозяйства. Ему молятся въ одну изъ субботъ, при чемъ варятъ кашу на молокѣ недавно отелившейся коровы; иногда при этомъ рѣжутъ теленка. Вокругъ котла съ кашей становятся пастухи, и старшій изъ нихъ съ восковой свѣчей въ рукѣ произноситъ молитву объ избавленіи стада отъ хищныхъ звѣрей и объ умноженіи приплода, затѣмъ три ложки варева бросаетъ на уголья жаровни—и всѣ приступаютъ къ трапезѣ. Ажвепшахъ—нѣчто въ родѣ лѣсничаго. Его дѣло беречь лѣса и ди-

кихъ звѣрей. Это богъ охотниковъ, которые передъ отправленіемъ на промыселъ покупаютъ козла и молитвенно жарятъ бородатаго философа, при чемъ каждый изъ Немвродовъ, кидая въ жаровню кусочки ладана, назначаетъ животное, какое онъ хотѣлъ бы убить. Водамъ покровительствуетъ Дзынъ-ланъ. Ей молятся женщины, или наканунѣ вышедшія замужъ, или только что родившія. Безъ этой молитвы имъ нельзя бы идти за водой, потому что на несчастныхъ нападутъ рѣчныя русалки, наяды, называйте, какъ хотите. Если мужчина случайно подсмотритъ моленіе женщины Дзынъ-ланъ, онъ наказывается одною непріятною и для супружеской жизни крайне неудобною болѣзнью. Старухи—жрицы Дзынъ-ланъ, онѣ же и акушерки. Джикер-салат-ах-ду—направляющій мысли человѣка. Этому салату молятся всего разъ въ годъ и непремѣнно подъ открытымъ небомъ. Каждый заранѣе заботится о приготовленіи жертвы, выбирая между цыплятами курочку и надрѣзывая ей гребешекъ, послѣ чего курочка считается посвященною Джикеръ-салату. Когда она подрастетъ, ее варятъ безъ соли и перцу; къ вареву прибавляютъ четыре маленькихъ четыреугольныхъ хлѣбца, и все это явство складывается въ чашку. Молящійся беретъ жертву и черепокъ съ угольями и выходитъ изъ дому, такъ, чтобы его не видѣлъ никто; бросивъ ладанъ на уголья, онъ произноситъ „Джикер-салат-ах-ду! ты, который управляешь разумомъ человѣческимъ, просвѣти мой умъ свѣтомъ твоимъ, остереги меня отъ всѣхъ необдуманныхъ поступковъ и научи меня жить со всѣми въ согласіи". Послѣ, бросивъ кусокъ курицы и хлѣба на уголья, онъ возвращается въ домъ. Если молящійся дурного характера, то не только никто изъ постороннихъ, но люди, близкіе ему, не прикоснутся къ жертвѣ, принесенной имъ Джикеръ-салату.

Шесшу—богъ кузнецовъ и слесарей; чествуютъ его наканунѣ новаго года: хозяинъ рѣжетъ барана, а хозяйка

по пѣтуху на каждаго члена семейства и приготовляетъ пирогъ изъ пшеничной муки съ свѣжимъ сыромъ. Печенки и сердца жарятся отдѣльно, на палочкѣ изъ орѣховой вѣтки. Когда кушанья принесены въ кузницу, хозяинъ складываетъ свои инструменты на наковальнѣ, вблизи ея ставитъ жаровню съ угольями, и все семейство его располагается на колѣняхъ кругомъ. Снявъ башлыкъ и поясъ (доказательство, что открыты сердце и мысль), кузнецъ зажигаетъ восковую свѣчу, бросаетъ ладанъ въ жаровню и молится, чтобы всѣ желѣзныя орудія послужили ему въ пользу. Потомъ хозяинъ бросаетъ куски мяса въ жаровню, говоря: „До тѣхъ поръ, пока я не буду въ состояніи этими кусочками накормить всѣхъ Шервашидзевыхъ и Анчибадзевыхъ *), пусть никто не болѣетъ въ моемъ семействѣ.

Божество, имя коего было призвано всуе, немедленно наказываетъ провинившагося, каждое своимъ спеціальнымъ способомъ. Афы, распоряжающійся грозою, не можетъ, напримѣръ, наказать чрезъ посредство огнестрѣльнаго и холоднаго оружія находящихся въ вѣдомствѣ Шесшу. Вслѣдствіе обычая абхазцевъ, за каждую обиду разсчитываются кинжаломъ или винтовкой, оружіемъ, покровительствуемымъ Шесшу; онъ пользуется въ народѣ преимущественнымъ уваженіемъ, и ему большею частью приносится присяга.

„Если я виноватъ, то пусть Шесшу разобьетъ мою голову на наковальнѣ“, говоритъ присягающій и ударяетъ три раза молотомъ по наковальнѣ. Вбиваютъ двѣ палки, одну близъ другой, на нихъ вѣшаютъ заряженныя ружья, обращая ихъ дулами въ интервалъ, гдѣ становится присягающій, произнося: „если я сказалъ ложь, то пусть Шесшу пронзитъ мою голову пулями!

---

*) Анчибадзе—тавады Абхазіи, фамилія весьма многочисленная и, по преданію, управлявшая краемъ до Шервашидзевыхъ.

Громъ, молнія, буря—все это въ завѣдываніи бога Афы. Это самый важный департаментъ абхазскаго неба. Когда лѣтомъ стада угоняются въ горы и осенью возвращаются оттуда, пастухи совершаютъ ему торжественное моленіе, выбирая для этого самые живописные уголки лѣсного захолустья, поближе къ ручью или рѣкѣ. При этомъ закалываются бараны. Въ засуху молятся тому же богу, молятся соборнѣ, при чемъ самый ветхій старикъ читаетъ очень поэтическую молитву:

— „О, Афы, повелитель грома, молніи и дождя! Сжалься надъ бѣднымъ твоимъ народомъ. Наши посѣвы засохли, трава выгорѣла, скотъ издыхаетъ безъ корма, намъ самимъ грозитъ голодная смерть. Повели скатиться дождевымъ тучамъ, повели загремѣть грому, засверкать молніи и пошли дождь для спасенія погибающаго народа!“

Затѣмъ поются гимны въ честь Афы: „о ты, который съ молніей съ неба нисходишь и съ громомъ на небо возносишься, которому извѣстно число звѣздъ на небѣ и число песку на днѣ морскомъ“ и т. д.

Если молнія убьетъ домашнее животное—сейчасъ же нужно принести жертву Афы, иначе онъ посѣтитъ опять стада. Хозяинъ на мѣстѣ, гдѣ было убито оно, строитъ вышку, торжественно съ пѣніемъ молитвъ возноситъ туда животное и оставляетъ на жертву хищнымъ птицамъ. Афы благодарятъ за посѣщеніе и просятъ его, между прочимъ, чтобъ онъ избавилъ семью впередъ отъ своихъ посѣщеній. Затѣмъ убиваютъ быка. Если человѣка убьетъ молнія—никто не смѣетъ плакать, иначе всѣхъ убьетъ Афы однимъ громовымъ ударомъ. Убитаго кладутъ въ гробъ и ставятъ на вышку.

Еще сильнѣе Афы другой богъ—Аныбсъ-Ныха-Дудрюпшъ. Резиденція его—гора Дудрюпшъ. Поднявшійся туда ослѣпнетъ. У Аныбса никакой спеціальности нѣтъ, но онъ могущественнѣе всѣхъ другихъ боговъ. Мѣсто-

пребываніе его находится подъ надзоромъ фамиліи Чичба, которые эксплуатируютъ этимъ, продавая право на жертвоприношеніе. Въ Пицундскомъ округѣ часто являются вдохновляемые Аныбсъ-Ныхой женщины-пророчицы. Онѣ разрѣшаютъ споры и тяжбы, повелѣваютъ именемъ Аныбса, пользуясь громаднымъ вліяніемъ на весь околотокъ...

Вечерѣло... Западъ гасъ... Въ розовомъ блескѣ сіяла морская даль. Вершины горъ еще блистали тусклымъ отсвѣтомъ отгоравшаго дня, а снизу, изъ ущелій и долинъ, уже подымались сѣрые туманы, окутывая скаты и утесы... Высокая лѣсистая гора плаваетъ въ цѣломъ морѣ однообразной мглы... Но, спустя нѣсколько минутъ, и она уже тонетъ въ сумеркахъ быстро подступающей ночи... Гаснетъ море... Взглядъ уже ничего не различаетъ—ни берега, ни безконечной дали на западъ. На пароходѣ зажигаютъ огни... Слышится какая-то грустная пѣсня... То замретъ, то снова чуть-чуть затрепещется въ тепломъ мглистомъ воздухѣ...

— Завтра въ Сухумѣ будемъ. Вотъ уголокъ, увидите, благословенный.

— А что?

— Да тутъ бы не жалкой деревушкѣ, а чему-нибудь получше стоять.

— Да развѣ Сухумъ-Кале деревушка?

— А еще бы. Мало, что названіе города носитъ,—хуже иного села.

Мы шли очень близко къ берегу. Оттуда пахло какимъ-то тонкимъ ароматомъ...

— Вѣдь, вотъ и хорошій край, а пустыня!

— Некому жить?

— Было бы кому, коли бы сносно жилось... Жили же прежде! Вонъ близъ рѣки Ацы—посмотрите, какія развалины. Есть тамъ генуэзскій замокъ одинъ, до сихъ поръ сохранился, точно живутъ еще въ немъ. Красота,

сила, прочность! А теперь что—лачуги жалкія да деревянные домишки на курьихъ ножкахъ. Вы, вонъ, мертвымъ поморьемъ назвали берегъ до Гагръ, гдѣ прежде убыхи да шапсуги жили. Дѣйствительно, мертвое поморье—а это развѣ лучше?..

— Ну, все же... Хоть жилье видно, люди есть...

— Какое жилье! Нѣтъ, посмотрите, въ умѣлыхъ рукахъ что бы это за красота была! Пустите-ка сюда американца,—да онъ милліоны на этомъ берегу соберетъ, желѣзныя дороги построитъ. Весь берегъ между Новороссійскомъ и Сухумомъ сплошнымъ бы городомъ былъ, потому что самою судьбою предназначенъ для торговли, для жизни... А мы всю землю генераламъ роздали, а они на ней и сидятъ, какъ курицы на яйцахъ—только высидѣть ничего не могутъ... А тутъ еще управленіе прежде было, которое болѣе о затрещинахъ, чѣмъ объ умиротвореніи помышляло... Вы спросите, есть ли здѣсь школы, а если найдутся—то какія? Такъ—дрянцо, а народъ-то вѣдь способный, хорошій, хотя и лѣнивый. Этому ли народу не учиться?...

Пароходъ начало покачивать, мы ушли въ каюту.

В ПАМЯТЬ ЖЕНЫ
Л. Н. КОФМАН
[illegible]
С. Е. КОФМАНОМ
библиотеке еврейской
общины г. Ростова н-Д.

Въ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ жел. дор. имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Мясницкій, И. Гостинодворцы. Повѣсть. Ц. 2 р.
его-же Провинція въ Москвѣ. Юмористическій разсказъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. Женитьба Крутозобова. Юмористическое описаніе сватовства и женитьбы замоскворѣцкаго лавочника Архипа Семенова Крутозобова. Ц. 1 р. 25 к.
его-же. Замоскворѣцкія свахи. Юмористическій разсказъ. Ц. 1 руб.
его-же. Смѣха ради. Юмористическій сборникъ разсказовъ. Ц. 1 руб.
его-же. Проказники. Юмористическіе очерки, сценки, картинки и фотографическіе снимки съ натуры добродушнаго юмориста. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
его-же. Нашего поля ягодки. Юмористическіе разсказы. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
его-же. Ихъ степенства. Юмористическіе очерки, сценки и картинки. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.
его-же. Смѣшная публика. Юмористическіе разсказы, наброски и картинки. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
его-же. Приключенія Черноболотинцевъ. Ц. 1 р. 20 к.
Арсеній Г. Капризъ. Повѣсть Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. Карьера. Повѣсть. Ц. 1. р.
Баранцевичъ, К. Родныя картинки. 17 разсказовъ. Ц. 1 р.
его-же. Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. Юмористическій сборникъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Мачтетъ, Г. Баба и другіе разсказы. (Силуэты, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. Блудный сынъ. Повѣсть (Силуэты, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. Именемъ закона. Человѣкъ съ планомъ. (Силуэты, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. Живыя картины. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. Ц. 1 р.
его-же На досугѣ. Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Не герой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.
его-же. Одинъ. Романъ. Ц. 2 р.
его-же. Горе-богатырь. Ц. 1 р.
его-же. Оксана и др. разсказы. Ц. 1 р.
его-же. Смертный бой. Романъ. Ц. 1 р 50 к.
Кругловъ, А. Не герои. Очерки и разсказы (Живыя души, т. 1-й) Изд. 2-е. Ц. 1 р.
его-же. На чужомъ полѣ. Очерки и разсказы. (Живыя души, т. 2-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.
Сергѣенко, П. Безъ якоря. Богиня Діана. Встрѣча съ Апемантомъ. Гриша. Самистъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
М. Альбовъ и К. Баранцевичъ. Вавилонская башня. Романъ въ 2 частяхъ. Съ 20 рис. Ц. 2 р
Маминъ-Сибирякъ, Д, Весеннія грозы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 коп.
его-же. Приваловскіе милліоны. Романъ. Ц. 2 р.
Немировичъ-Данченко, Вас. Рубиновая брошка. Повѣсть. Подъ колесомъ. Повѣсть. Ц. 1 р.
Немировичъ-Данченко, Вл. Мгла. Ц. 1 р. 25 к.
его-же Губернаторская ревизія. Повѣсть. Ц. 1 р.
Тихомировъ, Л. Конституціоналисты въ эпоху 1881 г. Ц. 40 к.
Жукъ, В. Какъ мать должна кормить ребенка. Ц 50 к.
Вестермаркъ, Е. Исторія брака. Методъ изслѣдованія. Возникновеніе брака. Сезонъ парованія у человѣка въ примитивныя времена. Древность человѣческаго брака. Критика гипотезы безпорядочнаго смѣшенія половъ. Ц. 60 к.

Толстой, Л. Смерть Ивана Ильича. Ц. 15 к.
его-же. Хозяинъ и работникъ. Ц. 5 к. и 25 к.
его-же. Плоды просвѣщенія. Ц. 25 к.
его-же. Произведенія самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не вошедшія ни въ XIII т. изд. 1891 г., ни въ XIV т. изд. 1895 г. Ц. 60 к.
его-же. Всѣ произведенія вошедшія въ XIV т. изд. 1895 г. Изд. 2-е съ дополненіемъ Ц. 60 к.
Серао, М. Прощай любовь. Романъ. Перев. съ итал. Ц. 60 к.
Зудерманъ. Свадьба Іоланты. Со вступительнымъ этюдомъ о Зудерманѣ Георга Брандеса. Ц. 40 к.
Коппе, Ф. Добровольная смерть. Ц. 40 к.
Фонъ-Хейденфельдъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Изд. 2-е. Ц. 40 к.
Пазухинъ. Ополченная Россія. Ц. 2 р.
Пеллико Сильвіо. Мои темницы. Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.
Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Будьте счастливы! (Мысли о счастьѣ). Ц. 20 к.
Іонасъ Ли. Дочери командора. Романъ. Ц. 75 к.
Апраксинъ. Больное мѣсто. Романъ. Ц. 1 р.
Анна Серонъ. Графъ Л. Толстой. Ц. 50 к.
Левенфельдъ. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Съ портр. Гр. Л. Н. и Гр. С. А. Толстыхъ и съ примѣчаніями С. А. Толстой. Ц. 1 р.
Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. (включена въ катал. книгъ одобрен. для безплатн. нар. чит. и для сред. учеб. зав.).

Изящныя миніатюрныя изданія съ рисунками.

Бурже, П. Изъ-за любви. Изд. 2-е. Ц. 50 к.
его-же. Святой. Ц. 50 к.
Тэрье, А. Роза-Лиза. Ц. 50 к
Додэ, А. На сценѣ. Ц. 50 к.
его-же. Сцена и кулисы. Ц. 50 к.
Коппе, Ф. Двѣ женщины Ц. 60 к.
Азбелевъ. Японія и Корея. Ц. 75 к.
Мюссе, А. Фредерикъ и Бернереттъ. Ц. 50 к.
Ромо, Ж. Янъ. Ц. 60 к.
Перелыгинъ, Н. Несовременный герой. Ц. 60 к.
его-же. Около любви Ц. 75 к.
Ибсенъ. Маленькій Эйольфъ. Ц. 50 к.
Іокай, М. Мечта и жизнь. Ц. 40 к.
Маргаритъ, П. Новая жизнь. Ц. 60 к.

Разныя изданія.

Засодимскій, П. Легенды. Ц. 60 к.
Толстой, Л. . Сказки и были. Ц. 5 к.
Засодимскій, П. Грѣхъ. Романъ. Ц. 1 р.
Баранцевичъ. Весеннія сказки. Ц. 35 к.
Дрожжинъ, С. Д. Стихотворенія. Ц. 1 р.
Кудашевъ, В. А. О сбереженіи почвенной влаги при обработкѣ озимыхъ полей. Изд. 3-е, испр. и доп. Ц. 80 к.
Бротье. Исторія земли. Ц. 50 к.
Полланъ. Физіологія ума. Ц. 70 к.
Коринфскій. Пѣсни сердца. Стихотв. Изд. 2-е. Ц. въ кол. пер. 1 р. На память о П. И. Чайковскомъ. Статьи Г. А. Лароша и И. Д. Кашкина. Съ портрет. Ц. 60 к.

Кожевниковъ, В. А. Безцѣльный трудъ. Не-дѣланіе или дѣло? Изд. 2-е. Ц. 20 к.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе разсказы. 1—2. Ц. 1 р.
Druммондъ, Генри. Прогрессъ и Эволюція человѣка. Переводъ съ англійск. Н. А. Иванцова. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 25 к.
его-же. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Ц. 60 к.
Шелли. Сочин. Пер. К. Бальмонта. 4-й вып. Ц. 50 к.
Козыревъ М. Днемъ и ночью. (Типы Замоскворѣчья). Изд. 2-е. Ц. 30 к.
Гельдъ, А. Фабрика и ремесло. Перев. Спасскаго. Ц. 25 к.
Гоппе-Зейдлеръ. Физіологическая химія. Перев. Булыгинскаго. М. 1878–82 гг. 3 т. Ц. вмѣсто 6—50=1—25.
Альбовъ, М. День и ночь. Эпизоды изъ жизни одной человѣческой группы Ц. 1 р. 50 к.
Литвиновъ, М. А. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Съ 3-мя портретами. Ц. 1 р. 25 к.
Семеновъ, Ив. Исторія культуры. Съ рис. Ц. 75 к.
Заборовскій. Доисторическій человѣкъ. Съ рисун. Ц. 40 к.
Бутми. Развитіе конституціи и политич. общ. въ Англіи. Ц. 60 к.
Клейнъ. Астрономическіе вечера, Ц. 1 р. На велен. бумагѣ. Ц. 2 р.
Борнсъ, Роб. Стихотворенія. Съ біогр. поэта и портр. Ц. 40 к.
Кирпичниковъ. Диккенсъ какъ педагогъ. Ц. 60 к.
Фламмаріонъ. Небесныя свѣтила. Ц. 1 р. 50 к.

Изданіе книгопродавца М. В. Клюкина.

Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ.

Чтеніе для дѣтей и для народа.

№ 1 **Засодимскій, П. В.** Изъ сказокъ жизни. Разсказы для дѣтей. Съ 2 рис. Ц. 5 к. № 2 **Баранцевичъ, К. С.** Христосъ воскресъ! Разск. Съ 1 рис. Ц. 5 к. № 3 **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** I. Савельичъ. II. Настя. Разсказы изъ жизни простыхъ людей. Съ 2 рис. Ц. 5 коп. № 4 **Засодимскій П. В.** Аля. Изъ біографіи одной маленькой дѣвочки. Съ 2 рис. Ц. 5 к. № 5 **Кругловъ, А. В.** Зеленый домикъ. Правдивая исторія. Съ 2 рис. Ц. 5 к. № 6 **Огарковъ, В. В.** Жемчужина Востока. Христіанская легенда. Съ 2 рис. Ц. 5 к. № 7 **Михайловскій, Д. Л.** Доброе слово пастыря. Эпизодъ изъ временъ Отечественной войны. Съ 1 рис. Изд. 3-е. Ц. 3 к. (Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для начал. уч.) № 8 **Разина, Е. А.** Лукерьюшка. Разск. Съ 3 рис. Ц. 5 к. № 9 **Добротворскій, Н. И.** I. Бабушка Олена. II. Смерть дѣда. Два разсказа. Съ 3 рис. Ц. 4 к. № 10 **Васильевъ, М.** Простой человѣкъ. Разсказ. Съ 3 рис. Ц. 5 к. № 11 **Златовратскій, Н. Н.** Аннушка. Разск. Съ 2 рис. Ц. 5 к. № 12 **Филипповъ, Н. Н.** Св. Стефанъ, епископъ Пермскій. Истор. разск. Съ 2 рис. Изд. 3-е. Ц. 3 к. (Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для биб. народ. уч., № 13 **Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Постойко. Разсказъ. Ц. 3 к. № 14 **Ладыженскій В. Н.** На пашнѣ. Разск. и сказ. Съ 3 рис. Ц. 7 к. № 15 **Филипповъ, Н. Н.** Защитники и молитвенники земли русской. Истор. разск. Ц. 5 к. № 16 **Покровскій, И.** Послѣ раздѣла. Разск. Съ 2 рис. Изд. 2-е Ц. 5 к. (Одоб. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. и Училищ. Сов. при Св. Синодѣ). № 17 **Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** Душевный человѣкъ. Раз. Ц. 3 к. № 18 **Кругловъ, А. В.** Елка въ царствѣ звѣрей. Разск. Съ 4 рис. Изд. 2-е. Ц. 5 к. (Одоб. Учен. Ком. Мин. Народ. Просв.) № 19 **Кругловъ, А.** Въ гостяхъ Ц. 20 к. № 20 **Кругловъ, А.** Божій человѣкъ. Ц. 10 к. № 21. **М. Васильевъ,** I. На Шолыгѣ. II. Въ перелѣскѣ. Два разск. съ 5 рисун. Ц. 5 к.

Изданія для дѣтей.

Бѣлоусовъ, И. А. Малыши. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Съ 35 рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к., въ папкѣ 45 к.

Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разсказы для дѣтей. Съ 28 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к. Одоб. Уч. К. М. Н. П.

его-же. Ребятки. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 30 рис. въ тек. Изд. 2-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Маленькія дѣти Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ 40 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 35 коп., въ папкѣ 50 к.

Баранцевичъ, К. С. На волю. Разсказы для дѣтей. Съ 10 рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Борисовъ, Н. А. Калевала. Финскія народныя былины для юношества. Съ рис. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к. (Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. и Уч. Ком. по учрежд. Императрицы Маріи).

Васильевъ, М. Гурьбой. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 25 рис. Изд. 2-е. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Фарраръ. Тьма и разсвѣтъ. Историч. романъ изъ временъ Нерона (для юношества). Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

Дж. Леббокъ. Красоты природы и ея чудеса. Ц. 65 к. (Одоб. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.).

Засодимскій, П. В. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспоминанія и разсказы. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

Кругловъ, А. В. Превращенія Зины. Съ рисун. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Поливанова, Е. Находка. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. М. 93 г. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к. (Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для библ. нач. учил.).

Маминъ-Сибирякъ, Д. На вольномъ воздухѣ. Разск. Съ рисунк. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп.

Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасека мален хохла. Поэма въ стих. Съ рис. Изд. 2-е. М. 96 г. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп. (1-е изд. допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. Одоб. Уч. Ком. М. Н. П. для библ. начал. учил.).

Кругловъ, А. Котофей Котофеевичъ. Повѣсть для дѣтей. Съ рисун. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Дѣтскій мірокъ. Разсказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ 6 до 12 лѣтн. возр. Съ рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р. Од. Уч. Ком. М. Н. П.

Догановичъ, А. Въ кругу дѣтей. Разсказы для дѣтей. Съ рисун. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Кругловъ, А. Все пріятели. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рисун. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 коп. Од. Уч. Ком. М. Н. П.

Коринфскій, А. На ранней зорькѣ. Стихотворенія для дѣтей. Съ рисунк. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Васильевъ, М. Изъ дѣтства. Разск. и сказки. Съ рисунками, цѣна 30 к., въ папкѣ 45 к.

Смирновъ, Ил. Родное. Разсказы для дѣтей. Съ рисун. Ц. 75 к., въ коленк. переп. 1 р. 50 к. Од. Уч. Ком. М. Н. П.

его-же. Подпасокъ. Разсказъ для дѣтей. Съ рис. Ц. 40 к. (Одобрено Фребелевскимъ Общест. для дѣтей младшаго возраста).

его-же. Послѣ экзаменовъ. Разсказъ для дѣтей. Съ 6-ю рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

Кругловъ, А. Первое говѣнье. Съ рисунк., 40 коп. (Одобр. для безплатн. народн. чит.).

его-же. Изъ золотого дѣтства. Повѣсть для дѣтей. Съ 62-мя рис. въ текстѣ П. въ папкѣ 1 р. (Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр.).

Немировичъ-Данченко, В. На краю гибели. Ром. для юнош. Ц. 1 р. 25 к., въ пер. 2 р.

Вернеръ, М. Очерки изъ жизни на морѣ. Ц. 1 р. 50 к. (Одоб. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр.).

